

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*

Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Центрально-Черноземное региональное отделение
НМС по иностранным языкам

Язык и национальное сознание

Вып. 13

Продолжающееся научное издание

**Воронеж
2009**

Очередной, тринадцатый выпуск межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения соотношения языка и различных форм сознания.

Для филологов, преподавателей русского языка, иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Попова З.Д., к.ф.н. Саломатина М.С. - зам. научного редактора, д.ф.н. Стернин И.А. – научный редактор, д.ф.н. Стернина М.А., д.ф.н. Чарыкова О.Н.

Компьютерная верстка и оригинал-макет –
М.С. Саломатина, И.А. Стернин

© Коллектив авторов, 2009

Язык и национальное сознание. Вып. 13 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2009. – 134 с. 200 экз.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций «Язык и национальное сознание», выпускаемую совместно кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, Центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского ГПИ и Центрально-Черноземным региональным отделением НМС по иностранным языкам Федерального агентства по образованию РФ. Данный выпуск является тринадцатым в серии продолжающихся изданий. Предыдущие выпуски (1-12) вышли в Воронеже в период с 1998 по 2009 гг.

Сборник отражает результаты совместных исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Языковое сознание

Айад Ш. Ахмед

Структура рекламного объявления как фактор воздействия на реципиента

Рекламное объявление может включать такие структурные элементы как заголовок, подзаголовок, основную часть, заключение. Заголовок служит цели привлечения внимания потребителя к рекламируемой продукции.

Например:

*«Аппарат “Плазер” для резки металла и сварки»,
«Стиральная машинка на ладони» (Труд, 4 сентября 2007 г.).
«Ваши помощники»,
«Как собрать отличный урожай»,
«Микротеплицы» (Московский комсомолец, 25 августа-2 сентября 2007 г.) и т. п.*

Данные заголовки, выделенные в тексте шрифтом, информируют читателя о товаре или услуге, о которых пойдет речь в рекламном объявлении. Поскольку текст рекламного объявления невелик, то короткие заголовки вполне закономерны.

Например:

*Армейская чудо-печка.
Была разработана специально для Бундесвера. Незаменима в походно-полевых условиях: приготовит пищу, обогреет. Во время работы печь практически не дает запаха, быстро согревает помещение, потребляет очень мало горючего и, главное, - безопасна в эксплуатации. Масса – 5,5 кг. (Труд, 9 сентября 2007 г.).*

Электронное устройство «не засни за рулем».

Разработка японских военных. Предотвращает сон водителя за рулем. Крепится на ухо. Как только водитель начинает «клевать носом», устройство реагирует звуковым сигналом (Труд, 9 сентября 2007 г.).

В случаях, когда в рекламных объявлениях заголовок специально не обозначен, название фирмы-производителя и товара выделяются в тексте шрифтом.

Например:

- **ООО «Курочка Ряба»** - крупнейшее в России предприятие по выращиванию страусов реализует всем желающим молодяк черного африканского страуса разных возрастов для промышленного разведения.

- **Уралагромаш** реализует снегоочиститель «Буран», щетку навесную ШН-103, плуг трехкорпусной.

- Высылаем наложенным платежом **озонатор, электрический сепаратор «Нептун», преобразователь «Карась»** (Аргументы и факты (далее АиФ) № 13, 2008 г.).

Таким образом, цель заголовка рекламного объявления - заинтересовать потенциального потребителя, привлечь его внимание к рекламируемому товару или услуге, при отсутствии заголовка эта задача решается графическими средствами.

Главная цель базового компонента структуры рекламного текста - основной части - вызвать у потенциального потребителя желание иметь рекламируемый товар или услугу. Поэтому основная часть рекламного текста содержит сведения о рекламируемой продукции, эффективности ее использования в повседневной жизни, уникальности и т. п.

Например:

... Используя бытовую технику «BOSCH», вы испытаете чувство комфорта и безопасности. Согревая воду в чайнике «BOSCH», вы можете забыть о нем – он отключится автоматически... (АиФ № 10, 2007 г.).

В данном рекламном тексте рекламода́тель знакомит потребителя с техническими характеристиками рекламируемого товара, акцентируя внимание на удобстве использования и безопасности прибора.

...Итальянская химчистка «Посольство Чистоты» позволит продлить срок носки ваших любимых вещей. Теперь у нас новые услуги: антимолева́я и антистатическая обработка, а также для постоянных клиентов – выездное обслуживание (Моё № 47, 2006 г.).

В приведённом рекламном тексте рекламода́тель не только заявляет о себе, но и сообщает потенциальному потребителю о новинках сервиса, предлагая в качестве поощрения потребительской активности дополнительные услуги.

...Лечение голубой глиной показано при повреждениях соединительной ткани и костно-мышечной системы, остаточных явлениях травм и интоксикаций, при урологических и гинекологических заболеваниях (КП-Черноземье № 27, 2006).

В данном рекламном объявлении речь идет о полезных оздоровительных свойствах природного лечебного препарата, оказывающего благотворное воздействие на организм. Чем больше перечень болезней, излечиться от которых поможет рекламируемый препарат, тем выше вероятность его приобретения потенциальным покупателем.

Таким образом, цель основной части рекламного объявления – сфокусировать внимание потенциального потребителя на свойствах рекламируемого товара, показать выгоду от его приобретения.

Заключение – не менее важная составляющая рекламного сообщения. Анализ рекламных текстов показал, что в данный раздел могут входить справочные сведения (указывающие адрес, по которому можно совершить покупку, телефон, по которому можно обратиться за справками, часы работы и т. д.).

Например:

- Вы можете звонить нам в любое удобное для вас время - теперь мы работаем круглосуточно! Телефон: 8(095) 384-06-12, М. Кропоткинская,

здание 2, строение 1, к. 216 (Комсомольская правда (далее КП) № 43, 2003 г.).

- О новом пополнении ассортимента вы можете узнать по телефону 39-00-28. Магазин «Ткани» на Никитинской (Коммуна № 10, 2007 г.).

-Магазин напольных покрытий «Управдом» теперь и в центре! Мы ждем вас по новому адресу: пересечение улиц Средне-Московской и Фр. Энгельса, д. 17.

Основная функция этой части рекламного текста – дать читателю руководство к действию. Чаще всего справочные сведения помещают в конце рекламного объявления и, как правило, не выделяют крупным шрифтом, так как читатель, который прошел через предыдущие этапы воздействия рекламы, сам отыщет в тексте необходимую информацию для совершения покупки. Основные требования, предъявляемые к этой части рекламы – точность и полнота. И.А. Гольман отмечает, что «справочные данные... - чрезвычайно важная часть рекламного обращения» (Гольман 1996, с. 80) и рекомендует серьезно относиться к этой рекламной составляющей.

Заключение призвано скорректировать мнение потенциального потребителя о товаре, сложившееся у него после прочтения заголовка и основной части, еще раз остановиться на достоинствах товара и призвать адресата к совершению покупки.

Имплицитно призыв к совершению покупки может быть выражен с помощью слогана. Именно ему, по словам Христо Кафтанджиева, принадлежит цель «пленить покупателей и уничтожить конкурентов» (Кафтанджиев 1995, с. 39).

Например:

- *Выбирая Vitek, вы выбираете красивую жизнь. Vitek – техника для красивой жизни (АиФ № 29, 2007 г.).*

- *ZANUSSI. Если вы умеете ценить европейское качество. Доказано ZANUSSI (Моё № 37, 2007 г.).*

- *Капли «Береш +» гарантируют вам отличное самочувствие. «Береш +». Чтобы быть всегда здоровым (АиФ № 32, 2007 г.).*

Таким образом, рекламное объявление представляет собой композиционное единство, состоящее из заголовка, основной части рекламного текста и заключения. Обязательными элементами его структуры, являются основная часть и заключение. Заголовок не всегда встречается в рекламных объявлениях, что свидетельствует о второстепенности его роли.

Гольман И.А. Рекламное планирование. Рекламные технологии. Организация рекламной деятельности: Записки московского рекламиста. – М., 1996.

Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы: пер. с болг. - М., 1995.

Отражение особенностей русского национального сознания в телевизионной рекламе

В современном телевизионном рекламном пространстве наблюдается, с нашей точки зрения, очень интересная ситуация. С одной стороны, следуя тенденциям стирания границ между государствами и возникновения единого информационного пространства, рекламисты используют различные национальные сюжеты, демонстрируют образ жизни людей в других странах, показывают ту систему ценностей, в которой были созданы товар или услуга. С другой стороны, в телевизионной рекламе, присутствуют сюжеты, построенные с учетом специфики российской аудитории. Так появляются рекламные тексты, апеллирующие к фоновым знаниям телезрителей. Они часто построены с использованием прецедентных элементов.

Рекламные ролики, затрагивающие национальную специфику русской аудитории, эмоциональны с точки зрения творческой рекламной стратегии. Доминантой в них выступает невербальная (рекламные образы, музыка, шоу-эффекты и так далее) информация. Этот тип рекламы может содержать эмоционально-окрашенные обращения. В качестве эмоциональных аргументов используются лексика и фразеология с эмоционально-экспрессивной окраской, средства экспрессивного синтаксиса (риторические фигуры), тропы и другие средства, которые воздействуют на чувства аудитории рекламного сообщения.

Чтобы побудить целевую аудиторию к действию, реклама должна учитывать доминирующие в обществе ценности. У каждого человека сформирована собственная иерархия ценностей, определенная культурными традициями.

Российское общество характеризует собственная глубоко сформированная ценностная специфика. Россия находится на стыке двух культур: восточной и западной. Но, несмотря на это, она сформировала свою неповторимую культуру, систему ценностей, цивилизацию (Костина 2006, с. 104). По мнению А.В. Костиной, в ней органически соединились, с одной стороны, альтруистическая духовность, ориентация на идеалы и национальную душу, с другой – эгоцентрическое желание победного соперничества, экономического и политического превосходства (Костина 2006, с. 104).

Можно выделить ряд ценностных характеристик, которые присущи русскому народу: доброта, терпеливость, гостеприимство, трудолюбие, дружелюбие, патриотизм, доверчивость, открытость, отзывчивость, простота, щедрость, честность, терпимость, чувство юмора. «В России с трудом приживается здоровый индивидуализм. Удовлетворение эгоистического желания, противопоставляется позитивной “щедрости

русской души»», - утверждает В. Ковалев (Ковалев <http://www.cbrand.ru/biblio/adv/>).

Тем не менее, по мнению Т.М. Михайлюк, наряду с сохраняющимися базовыми ценностями русской культуры (чувства любви, стремления к домашнему очагу, традиции, здоровья, надежды, силы, самосохранения) в сознании жителей России происходит изменение ценностей по оси «индивидуализм-коллективизм» (Михайлюк <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/index.html>) в сторону большего индивидуализма.

В 90-х гг. XX в. был проведен ряд исследований ценностей россиян (Михайлюк <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/index.html>), где отмечались такие важные для российской культуры ценности, как терпение, страдание, смирение, жертвенность, в отличие от таких ценностей, как труд, достижение успеха.

Для современных россиян значимыми мотивами поведения являются и стремление к достижению личного успеха, выбор собственных целей, независимость, благосостояние, и установка на социальное неравенство. Так, А.М. Шишлянникова указывает на существование двух тенденций в рекламе: «стремление увековечить российские культурно-исторические ценности, а с другой – дать «зеленый свет» западным элементам культуры» (Шишлянникова 2008, с. 73).

Рассмотрим конкретные проявления национальной специфики в телевизионной рекламе.

Апелляция к русскому культурному наследию

Одним из приемов передачи национальной специфики в рекламе является использование в качестве героев персонажей русской сказки, русской литературы. Так, в рекламном ролике майонеза «Ряба» не только продукт назван именем сказочного персонажа, но и на экране перед нами появляется настоящая курица, но с дорисованными, утрированными чертами.

Часто текст рекламного ролика построен на основе цитат из художественных текстов, кинофильмов, песен, загадок, пословиц, поговорок и других прецедентных источников.

Например, реклама молочного продукта «Иммунели» построена на основе текста всем известного стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро»: «Мороз и солнце; день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный...». В ролике оно звучит так: «Мороз и солнце; день, что надо. Давай кататься до упаду...».

Еще одна иллюстрация. Серия рекламных роликов «Сбербанка России» построена на использовании в качестве музыкального сопровождения известных советских песен. В одном из сюжетов звучат следующие слова: «... лишнего не скажет. Вот, что значит настоящий верный друг». В кадре девушка – сотрудница банка и молодой человек, желающий взять кредит. Они внимательно, но без подозрения, смотрят друг на друга. Звучит слоган: «Миллионы людей доверяют «Сбербанку», как самому верному другу».

В рекламном ролике банка «Росбанк» в качестве прецедентной основы использована экранизация русской сказки «Морозко»: «Тепло ли тебе, Денежка?», - спрашивает сказочный Морозко. «Тепло, дедушка!» - отвечает рекламная Денежка.

Эксплуатация образов деревни и русской природы

Часто в рекламе продуктов питания мы встречаем упоминание, изображение русской деревни, природы. Это прием используется с целью подчеркнуть натуральность продуктов, их экологическую безопасность. Все с детства знают, что «деревенское» – самое полезное. Эти мотивы используются, например, в названиях товаров. Так на экранах мы встречаем подсолнечное масло «Дары села», «Слобода», «Золотая семечка».

Чтобы создать особую атмосферу вокруг продукта, вызвать положительные эмоции, шоколадные конфеты, например, называют «Родные просторы», «Чудный вечер».

Использование мотивов национальной гордости

Предметами национальной гордости в рекламе выступают, например, объекты искусства, архитектуры. Также это могут быть и вполне конкретные люди - наши современники или исторические личности. Государство, государственная символика, исторические и спортивные события, научные открытия и многое другое, что является предметом гордости для большинства населения страны, также могут использоваться в рекламе в качестве средств пробуждения у потенциальной аудитории чувства национальной гордости.

Приведем несколько примеров. Сюжет рекламного ролика шоколада «Вдохновение» разворачивается на фоне изображения Большого театра. Зритель видит постановку классического балета. Солирует Николай Цискаридзе. Во всем мире признана сила русской классической балетной школы с ее традициями. Большой театр - символ русского искусства. Очевидно, копирайтеры с помощью такого визуального ряда хотели подчеркнуть вкусовые характеристики продукта: он классический, созданный на основе традиций, легкий, шоколад высшего класса.

На волне столь долгожданных побед России в спорте, музыке, кинематографе, растущего признания нашего государства на мировой политической арене не удивительно появление знаменитостей в телевизионных рекламных роликах. Ставка делается на авторитет известной личности для конкретной целевой аудитории. Так, в рекламе появляются олимпийские чемпионы, выдающиеся спортсмены и их тренеры, талантливые актеры, политики. Например, Татьяна Анатольевна Тарасова, заслуженный тренер России по фигурному катанию и Константин Хабенский, народный артист России, рекламируют услуги банка «ВТБ 24». Знаменитая фигуристка Ирина Слуцкая снялась в рекламе бытовой техники «Vitek», а известный гимнаст Алексей Немов вместе со своим сыном рекламирует молочный продукт для детей «Растишка» (слоган рекламной кампании «Мы растем для будущих побед»). После

триумфального возвращения российской футбольной сборной себе статуса хорошо играющей команды нападающий «Зенита» Андрей Аршавин стал образцом для подражания для многих юных футболистов и символом успеха. Не удивительно его появление в рекламе сотового оператора «Билайн».

Обращение к базовым ценностям

Слоган рекламной кампании по продвижению продуктов «Простоквашино» отлично демонстрирует апелляцию к базовым ценностям в рекламе: «Простоквашино на столе – любовь в семье». Сюжет построен с использованием прецедентного героя из книг детского писателя Э. Успенского – Кота Матроскина, который и произносит ключевую рекламную фразу. За большим столом на просторной кухне мы видим мать и двоих детей. Мультяшный герой вызывает прямые ассоциации с рекламируемыми товарами, так как, если вспомнить мультипликационный фильм, именно Кот Матроскин – «заводчик» коровы Мурки, приносящей вкусное молоко.

В рекламе сока «Любимый» мы видим семью, собравшуюся за праздничным столом. Это не обычный праздник, а Новый Год, который в России традиционно считается семейным торжеством. Так как реклама вышла на экраны задолго до наступления нового года, то ощущение праздника создают небольшие символические штрихи - нарисованные колпачки Деда Мороза и Снегурочки на головах у всех членов семьи. В рекламе говорится: «В новогодние праздники любви хватит всем. «Любимый» два литра. Больше праздников. Больше любви».

Использование мотивов ностальгии по недавнему прошлому

В рекламе встречаются такие фразы, как «вкус, знакомый с детства» (реклама шоколада «Аленка»), «совсем, как в детстве» (реклама шоколадных конфет «Россия, щедрая душа»). Этот же прием используется и в названии мороженого от компании «Nestle» - «48 копеек».

Воссоздание исторического колорита ушедшей эпохи

Например, майонез назван фамилией его создателя «Махеевъ», а подсолнечное масло - «Аведовъ». В данном случае используется графический прием. С целью придания фамилии «исторического колорита» в конце каждого названия копирайтеры использовали букву «ер». Таким образом подчеркивается качество продукта, традиции в его изготовлении, мастерство создателей.

Демонстрация особенностей русского национального характера

Одной из черт, характеризующих русского человека, принято считать щедрость души. Это подчеркивается, например, в рекламе шоколадных конфет. «Россия, щедрая душа», - говорится в телевизионном рекламном ролике. Другой чертой является *вера в чудо*. Так, в качестве названия одного из вкладов «Балтинвестбанк» выбрал прилагательное «Рождественский». Видимо, ассоциация построена на представлении о том, что в рождественские праздники происходят чудеса.

Проанализировав ряд рекламных роликов, мы убедились, что в современном телевизионном рекламном пространстве наравне с западными рекламными сообщениями присутствуют ролики, построенные с учетом русской культурной специфики. Это проявляется и в визуальном ряде, и в аудиоряде.

Можно сделать вывод о том, что «русская тема» чаще звучит в рекламе продуктов питания. Подчеркивается их натуральность, экологичность, сохранность полезных веществ, подаренных природой. В сфере бытовой техники, информационных технологий, автомобилестроения не было обнаружено примеров использования русской культурной специфики. Видимо, это обусловлено большей степенью доверия целевой аудитории к иностранным маркам в указанных выше товарных категориях.

По мнению С. Панкротова, «русская тема» может стать эффективным инструментом продвижения товара и развития бренда (Рекламодатель 2008 №7, 23). Использование в качестве главного элемента в рекламной кампании какого-либо национального акцента зависит от целевой аудитории рекламного сообщения, особенностей самого товара и существующих у потребителя стереотипов и установок.

Какова сила «русского» на рынке? // Рекламодатель. – 2008. - №7. - С. 13-32.

Ковалев В. Анализ современной драмы / <http://www.cbrand.ru/biblio/adv/>.

Костина А.В. Основы рекламы. – М., 2006.

Михайлюк Т.М. Диалог ценностных ориентаций российских и китайских менеджеров / <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/index.html>.

Шишлянникова А.М. Национальный менталитет и реклама // Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции «Проблемы массовой коммуникации», 12-13 мая 2008 г., Часть II. - Воронеж, 2008. – с. 115-118 с.

Е.В. Бавыкина

Образ космического летательного аппарата в текстах научной фантастики

Тексты научной фантастики представляют практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма отражения картины мира (Первухина 2004, с. 235). Одними из ключевых образов в текстах научной фантастики являются образы космического летательного аппарата (Шмелев 1982, с. 228). Анализируя языковые средства, объективирующие космический летательный аппарат в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов (Попова 2002, с. 4).

Объектом нашего исследования являются языковые единицы, объективирующие образ космического летательного аппарата в текстах научной фантастики русских и немецких авторов. Источниками для

исследования послужили произведения следующих русских и немецких писателей: А. Авраменко, А.Р. Беляева, К.Н. Борисова, А. Лазарчука; G. Krupkat, H. Bach, E. Simon, H. Taubert, H. Ziergiebel.

В произведениях русских авторов (382076 словоупотреблений) нами были выделены 320 языковых единиц, объективирующих образ космического летательного аппарата. Самыми частотными оказались 17 лексем: ракета, машина, автомобиль, аэромобиль, аэротакси, корабль, линкор, крейсер, челнок, посуда, ковчег, катер, шакал, медведь, звездолет, космолет, чудовище.

В научно-фантастических произведениях немецких авторов (283560 словоупотреблений) нами были отобраны 240 языковых единиц, объективирующих космический летательный аппарат. Самыми частотными оказались 10 лексем: die Rakete, das Fahrzeug, die Flugmaschine, der Wagen, das Raumtaxi, das Sternschiff, das Raumschiff, der Katamaran, das Flugboot, das Wesen.

В научно-фантастических произведениях русских авторов нами были выявлены прямые номинации космического летательного аппарата, образные номинации космического летательного аппарата и индивидуально-авторские номинации.

1. Прямые номинации космического летательного аппарата.

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *ракета*. *Ракета* в словарном значении – снаряд, взлетающий в воздух (Ушаков 1996). «Ракеты взвились в воздух» (Беляев 1992, с. 105).

2. Образные косвенные номинации.

а) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Машина».

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *машина*. *Машина* в словарном значении - автомобиль (Писарев 1997). «Мы строим летящую машину» (Беляев 1992, с. 14).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *автомобиль*. Автомобиль в словаре Д.Н. Ушакова определяется как экипаж, приводимый в движение собственным механическим двигателем (Ушаков 1996). «Он пригласил нас войти в наш автомобиль» (Беляев 1992, с. 254).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *аэромобиль*. «Аэромобиль мягко летел» (Борисов 2003, с. 15).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *аэротакси*. «Возьмите аэротакси» (Борисов 2003, с. 10).

б) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Корабль».

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *корабль*. Корабль определяется в толковых словарях как *большое морское судно* (Ушаков 1996)). «Корабль – судно» (Писарев 1997, с. 202). «Это был наш звездный корабль» (Беляев 1992, с. 91).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *линкор* - как большой корабль. *Линкор* – сокращение слов: *линейный корабль* – *большой корабль*. *Линкор* – *крейсер* (Ушаков 1996). «В течение следующего часа линкор уничтожил еще три базы» (Авраменко 2002, с. 158).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *крейсер* - как большой корабль. «Еще два больших крейсера выходят из боя» (Лазарчук 2001, с. 167).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *челнок* - как большой корабль. Челнок – производное от челн (лодка большого размера) (Ушаков 1996). «...вывести челнок в космические просторы» (Авраменко 2001, с. 88).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *посуда* - как корабль небольшого размера. «...Межпланетная посуда...» (Лазарчук 2001, с. 2).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *ковчег* - как корабль большого размера, предназначенный для спасения. *Ковчег* – *легендарное судно, в котором по библейскому рассказу люди и животные спасались с Ноем во главе от всемирного потопа; 2.перен. о всяком большом помещении* (Ушаков 1996). «Ковчег особого сорта...плывущий по волнам эфирного океана» (Беляев 1992, с. 17).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *катер* - как корабль небольшого размера. *Катер* в словарном значении – небольшое судно (Ушаков 1996). «Наш катер летел впереди» (Лазарчук 2001, с. 23).

в) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Животные».

Языковая единица *трусливый шакал* объективирует одновременно значения «опасный, отталкивающий» и «трусливый, боязливый». *Шакал* – *хищное животное* (Ушаков 1996). *Трусливый* – *боязливый* (там же). «Мы подбирались к станции медленно и осторожно, как охотник подбирается к дичи. Как трусливый шакал подпрыгивает к своей жертве, готовый в любой момент ретироваться при появлении более крупного хищника» (Авраменко 2002, с. 59) (основание сравнения - способ передвижения).

Языковой единицей *медведь* объективируется значение «привлекающий внимание» и «пугающий» одновременно. *Белый медведь* в словарном значении – большой хищный всеядный зверь с длинной (в данном случае - белой) шерстью (Ушаков 1996). «Корабль был похож на белого медведя, но со странными горбами по бокам» (Лазарчук 2001, с. 27) - (основание сравнения - форма).

г) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Звездолет».

Космический летательный аппарат объективируется языковыми единицами *звездолет*, *космолет* - как летающий в космосе. «Звездолет

замер» (Борисов 2003, с. 10). «...прилет космолета» (Борисов 2003, с. 13).

3. Индивидуально-авторская характеризующая номинация *чудовище*.

Языковая единица *чудовище* объективирует значение «необычный, удивительный». *Чудовище* в словарном значении – необычное, фантастическое существо (Ушаков 1996). «Корабль настоящее чудовище» (Лазарчук 2001, с. 28) – (метафорическое сравнение).

В научно-фантастических произведениях немецких авторов нами были выявлены прямые номинации космического летательного аппарата, образные номинации космического летательного аппарата и индивидуально-авторские номинации.

1. Прямые номинации космического летательного аппарата.

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *die Rakete*. «Die Rakete landete auf dem Planeten» (Bach 2003, s. 2).

2. Образные косвенные номинации.

а) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Машина».

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *das Fahrzeug*. *Das Fahrzeug – bestimmtes Flugzeug* (Duden 2001). «... ihr Fahrzeug ihr nicht mehr gehörchte » (Bach 2003, s. 2).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *die Flugmaschine*. *Die Maschine – bestimmtes Flugzeug* (Duden 2001). «... unten stand unsere Flugmaschine» (Simon 1982, s. 93).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *der Wagen*. «Wir ... vor unserem Wagen» (Krupkat 1964, s. 89).

Языковая единица *das Raumtaxi* объективирует значение «путешествовать». *Das Taxi – Auto, mit dem man sich jemand befördern lässt* (Duden 2001). «Ich verstand nicht, wozu sie mich überhaupt in das Raumtaxi hineinsetzen...» (Taubert 1981, s. 231).

б) Образные (косвенные) номинации единицами тематической группы «Корабль».

Образ космического летательного аппарата объективируется языковыми единицами *das Sternschiff, das Raumschiff* - как корабль большого размера, перемещающийся в космосе. «Brennende Neugier, das Sternschiff von ihnen zu sehen, erfasste mich» (Ziegibel 2001, s. 31). «Es war ein Raumschiff» (Ziegibel 2001, s. 109).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *der Katamaran* - как скоростной корабль. *Der Katamaran – schnelles Schiff* (Duden 2001). «Der Katamaran hatte den Kurs auf Baikonur» (Krupkat 1990, s. 6).

Образ космического летательного аппарата объективируется языковыми единицами *das Flugboot* - как корабль маленького размера, перемещающийся в космосе. *Das Boot – kleines Fahrzeug, Der Flug – das Fliegen in der Luft* (Duden 2001). «Plötzlich fangen sie sich im Flugboot wieder» (Simon 1982, s. 159).

3. Индивидуально-авторская номинация *das Wesen*.

Образ космического летательного аппарата объективируется языковой единицей *das Wesen* - как необычный, удивительный корабль. *Das Wesen - das Lebewesen* (Duden 2001). «Ich war überrascht...das phantastische Wesen» (Ziergiebel 2001, s. 57).

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы.

1. Номенклатура языковых единиц, объективирующих образ космического летательного аппарата в научно-фантастических произведениях, широка и многообразна.

2. В области способов номинации космического летательного аппарата отмечено широкое применение как прямых, так и образных номинаций.

3. Как в русских, так и в немецких произведениях доминируют образные номинации единицами тематических групп «Машина» и «Корабль».

4. Следует отметить, что в русских текстах объективируются образные номинации единицами тематической группы «Животное». В исследованных нами произведениях немецких авторов образные номинации единицами данной тематической группы отсутствуют.

5. Тексты научной фантастики отражают черты индивидуально-авторского восприятия реальности и одновременно позволяют выявить национально-культурную специфику.

Художественные тексты

Авраменко О. Галактики как песчинки. – М., 2002.

Авраменко О. Звезды в ладонях. – М., 2001.

Беляев А.Р. Звезда КЭЦ // Беляев А.Р. Собр. соч. в 4-х томах. – Т.4. – Воронеж, 1992.

Беляев А.Р. Прыжок в ничто // Беляев А.Р. Собр. соч. в 4-х томах. – Т.3. – Воронеж, 1992.

Борисов К.Н. Энтони и компания. Верните мальчишке трон. – М., 2003.

Лазарчук А. За право летать. – М., 2001.

Bach H. Generalprobe. – Berlin, 1990.

Krupkat G. Der Mann von Antii. – Berlin, 1990.

Simon E. Fremde Sterne. Phantastische Geschichten. – Berlin, 1982.

Taubert H. Blinder Passagier // Das Raumschlepper. Wissenschaftlich-phantastische Erzählungen aus aller Welt. – Berlin, 1981. – S. 230 - 240.

Ziergiebel H. Zeit der Sternschnuppen. – Berlin, 2001.

Научная литература

Первухина С.В. Когнитивные и эмотивные способы создания фантастической картины мира // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. – Казань, 2004.- с. 235-236.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.

Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982.

Словари

Писарев И. Словарь синонимов. – М., 1997.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. - В 4. т. - М., 1996.

Duden // Deutsches Universal Wörterbuch. A – Z. – 3., neu bearbeitete Auflage. Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibungsregeln. – Mannheim - Leipzig - Wien – Zürich, 2001.

Duden // Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter – 3., völlig neu erarbeitete Auflage. – Band 8. - Dudenverlag. Mannheim - Leipzig - Wien – Zürich, 2001.

Н.В. Барышев

Опыт применения методики контрастивного анализа лексики для описания лексической группировки терминов

Термины, являясь частью общей лексической системы языка, сохраняют специфику своего лексического значения в силу таких свойств, как системность, тенденция к однозначности внутри конкретной терминологической системы, неэкспрессивность, стилистическая нейтральность. Эта специфика не исключает возможности описания лексических группировок терминов посредством методики контрастивного анализа лексики.

В качестве примера для такого описания была выбрана лексическая группировка – лексико-семантическое поле (ЛСП) наименований элементов профиля доменной печи в русском языке.

На первом этапе исследования был составлен первоначальный список из 11 русских терминов: горн, доменная печь, домна, заплечики, колошник, лещадь, распар, фурма, чугунная лётка, шахта, шлаковая лётка.

После проверки данного списка по энциклопедическим словарям и справочникам он был значительно расширен: в него вошли лексемы *газовый отвод, газоотвод, зумпф, кожух, лётка, пень, подошва, фундамент, фурма воздушная, фурменное устройство, фурменный прибор, футеровка*. Таким образом, общее количество наименований элементов профиля доменной печи в русском языке составило 23 единицы.

Анализ полученной группировки выявил проблему ее структуризации.

С одной стороны, все 23 единицы являются терминами без каких-либо коннотативных различий и, следовательно, занимают одинаковое место в полевой структуре группировки по отношению к ее ядру.

С другой стороны, вследствие своей узкоспециальной направленности подавляющее большинство перечисленных терминов не приводится в универсальных толковых словарях. Так, в Словаре русского языка С.И. Ожегова из 23 лексем группировки встречается только 7: *горн, доменная печь, домна, фундамент, кожух, лётка, шахта*, из которых первые четыре подверглись детерминологизации и, следовательно, принимаются в качестве общеупотребительных, а последние три имеют помету «специальное», то есть по-прежнему считаются принадлежащими к лексике, не являющейся общеупотребительной.

Понимая дискуссионность принятого нами решения, мы, тем не менее, считаем, что термины, зафиксированные в толковых словарях и не имеющие стилистических помет, то есть ставшие частью состава общеупотребительного лексикона, следует рассматривать как ядерные в соответствующей лексической группировке. Таким образом, к ядру ЛСП наименований элементов профиля доменной печи в русском языке относятся лексемы *горн, доменная печь, домна, фундамент*.

В ЛСП зафиксированы четыре синонимические пары: *газовый отвод – газоотвод, доменная печь – домна, фурма – фурма воздушная, фурменное устройство – фурменный прибор*, а также синонимический ряд *лётка – чугунная лётка – шлаковая лётка*.

На втором этапе каждое слово русского языка было проверено по двуязычным словарям на предмет выявления его переводных соответствий, а затем в ходе работы с толковыми словарями, справочниками и специальной литературой были установлены дополнительные соответствия. В итоге был составлен список из 32 лексем, являющихся межъязыковыми соответствиями для единиц исследуемой группировки русского языка: *bed, belly, blast furnace, blower nozzle, bosh, bosh parallel, bottom, cinder notch, foundation, furnace waist, hearth, hot-metal taphole, iron notch, lining, monkey, notch, offtake, offtake main, pie, scum hole, shaft, shell, slag notch, sole, stack, tap, taphole, throat, top, tuyere, tuyere apparatus, tuyere stock*.

Интересно отметить, что дополнительные соответствия насчитывают лишь 2 единицы из 32 лексем языка сопоставления, что свидетельствует о наличии устойчивых, общепринятых и регулярно использующихся в практике вариантов перевода терминов.

По результатам исследования выделяются три типа лексических соответствий:

линейные соответствия

доменная печь – blast furnace

заплечики – bosh

пень – pie

векторные соответствия

лётка – notch, tap, taphole.

лещадь – bed, bottom, hearth

распар – belly, bosh parallel, furnace waist

шлаковая лётка – slag notch, cinder notch, scum hole, monkey

безэквивалентное соответствие - зумпф – 0.

На третьем этапе осуществлено семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках с использованием методов семного анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, контекстуального анализа. В результате значения слов исходного языка и языка сопоставления описаны в виде перечней сем с использованием приема унификации семных описаний.

Например, слово *горн* предстает в следующем наборе сем:

- элемент профиля доменной печи;
- нижняя часть доменной печи;
- имеет форму цилиндра по внутреннему очертанию;
- имеет форму конуса (иногда цилиндрический) по наружной форме;
- оснащен устройствами для выпуска чугуна и шлака.

Слово *фурма* имеет следующую структуру значения:

- элемент профиля доменной печи;
- элемент фурменного устройства;
- имеет вид полый конусообразной трубы;
- используется для подачи дутья в доменную печь.

В значении слова *blast furnace* имеется следующий набор сем:

- агрегат;
- шахтного типа;
- используется в металлургии;
- используется для выплавки чугуна;
- использует железорудное сырьё;
- использует твёрдое топливо;
- использует принцип продува воздухом.

Пример семной структуры слова *monkey*:

- элемент профиля доменной печи;
- отверстие в доменной печи;
- используется для выпуска шлака;
- американизм.

Необходимо отметить, что лексема *hearth* включает в себя две семемы, по которым входит соответственно в две контрастивные пары (см. ниже):

Hearth 1:

- элемент профиля доменной печи;
- нижняя часть доменной печи;
- там собираются жидкий металл и шлак.

Hearth 2:

- элемент профиля доменной печи;
- дно доменной печи;
- дно горна.

Таким образом, а английском языке одним словом (*hearth*) могут обозначаться два расположенных рядом, но имеющих совершенно разные конструкции и функцию элемента профиля доменной печи: горн и лещадь, для которых в русском языке существуют отдельные лексемы.

Четвертый этап предусматривал семантическое описание контрастивных пар. Всего проанализировано 40 контрастивных пар. Анализ проводился с использованием таблиц следующего вида:

Газоотвод – Offtake		
Русская сема	Английская сема	Тип соответствия
Элемент профиля	Элемент профиля	Экв.

доменной печи	доменной печи	
Устройство	Устройство	Экв.
Используется для вывода газов из доменной печи	Используется для вывода газов из доменной печи	Экв.

На данном этапе были получены параллельные семные описания контрастивных пар с выделением и противопоставлением друг другу архисем и дифференциальных сем с одинаковыми семантическими признаками.

Несовпадений архисем в исследуемом материале не выявлено.

Пары сопоставляемых дифференциальных сем были охарактеризованы как эквивалентные, несовпадающие, безэквивалентные. Последние два типа соответствий, как известно, являются сигналом национальной специфики семантики слова.

Первоначально несовпадение семного состава было выявлено в 12 контрастивных парах из 40, например:

Фурма – Tuycere		
<i>Русская сема</i>	<i>Английская сема</i>	<i>Тип соответствия</i>
Имеет вид полой конусообразной трубы	Имеет вид полой трубы	Несовп.
Горн - Hearth 1		
Имеет форму цилиндра по внутреннему очертанию		Безэкв.
Имеет форму конуса (иногда цилиндрический) по наружной форме		Безэкв.
Оснащен устройствами для выпуска чугуна и шлака		Безэкв.
Оснащен приборами для вдувания нагретого воздуха		Безэкв.
	Там собираются жидкий металл и шлак	Безэкв.

Однако в указанных примерах обозначаемые русскими и английскими словами понятия не имеют никаких конструктивных или функциональных отличий. Следовательно, несовпадение семы «имеет вид полой конусообразной трубы» в слове *фурма* и английской семы «имеет вид полой трубы» в слове *tuycere* можно объяснить только нерелевантностью

семного конкретизатора «конусообразной формы» семантического признака «форма» для составителей словаря английского языка.

В такой же степени нельзя считать безэквивалентными семы «имеет форму цилиндра по внутреннему очертанию», «имеет форму конуса (иногда цилиндрический) по наружной форме», «оснащен устройствами для выпуска чугуна и шлака», «оснащен приборами для вдувания нагретого воздуха» в значении приведенного в качестве примера слова *горн*: отражаемые ими понятия присутствуют в реальности, и эти семы, на первый взгляд представляющиеся лакунами, в действительности присутствуют в семантике слова *hearth*. Их отсутствие в словарной дефиниции можно объяснить тем, что авторы словаря не сочли необходимым отражать в нем все дифференциальные семы слова *hearth* в части наполнения семантических признаков «форма» и «конструктивные особенности».

Аналогично нельзя признать лакунарными семы: «использует принцип продува воздухом» в семеме *blast furnace*, «используется с целью защиты, для скрепления и поддержания отдельных элементов конструкции» в семеме *кожух*, «имеет форму цилиндра» и «используется для приема шихты и формирования заданной структуры столба с целью управления распределением газового потока по сечению печи» в семеме *колошник*, «используется для замедления опускания шихты» в семеме *запечки*.

На пятом этапе были выявлены национально-специфические компоненты значений слов и осуществлена дифференциальная семантизация членов контрастивных пар.

Запечки - Bosh		
<i>Русская сема</i>	<i>Английская сема</i>	<i>Тип соответствия</i>
0	Имеет несколько фурм для подачи дутья в доменную печь	Безэкв.

Наличие семы «имеет несколько фурм для подачи дутья в доменную печь» в значении слова *bosh* трудно объяснить, так как эта конструктивная особенность присуща горну доменной печи, а не запечкам, поэтому сема, зафиксированная в англоязычном энциклопедическом словаре, является безэквивалентной.

Отмечены 2 английские единицы с безэквивалентными семами территориальной принадлежности:

Шлаковая лётка – Monkey		
<i>Русская сема</i>	<i>Английская сема</i>	<i>Тип соответствия</i>
0	Американизм	Безэкв.

Шлаковая лётка – Scum hole		
<i>Русская сема</i>	<i>Английская сема</i>	<i>Тип соответствия</i>
0	Американизм	Безэкв.

Зафиксирована 1 безэквивалентная русская лексическая единица:

Зумпф – 0

<i>Русская сема</i>	<i>Английская сема</i>	<i>Тип соответствия</i>
Элемент профиля доменной печи		Безэкв.
Нижняя часть доменной печи		Безэкв.
Расположен книзу от оси чугунной лётки до лещади		Безэкв.
Постоянно заполнен чугуном		Безэкв.
Используется для предохранения лещади от воздействия высоких температур и механического вымывания ее кладки чугуном		Безэкв.

Слово *зумпф* имеет 8 переводных соответствий в русско-английских словарях, однако после их анализа было установлено, что ни одно из них не обозначает элемента профиля доменной печи, как в русском языке, хотя такой концепт, безусловно, присутствует в сфере металлургического производства англоязычных стран и в англоязычной культуре в целом.

По результатам исследования индекс национальной специфики лексико-семантического поля наименований элементов профиля доменной печи в русском языке оказался достаточно низким – 0,17.

Ван Сюй

Диалог культур: русские и китайские пословицы и поговорки на философско–религиозную тему

Пословицы и поговорки как языковые единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. Они, как зеркало, могут отражать любой национальный характер, включающий в себя сущностные черты поколений, передающиеся по наследству.

Пословицы и поговорки активно используются носителями языка в живой разговорной речи, они употребляются авторами художественных произведений; в последние годы отмечается активное использование

пословиц и поговорок на страницах газет и журналов, в выступлениях на радио и в телепрограммах. Таким образом, знание афористики русского языка иностранными студентами, изучающими русский язык, является необходимым условием для развития их рецептивных способностей и совершенствования коммуникативной компетенции.

Таким образом, знание пословиц и поговорок через знание их значений имеет прямой и непосредственный выход во внеязыковой мир, в мир носителей языка. «Без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения» (Тер-Минасова 2000, с. 31).

Целый ряд пословиц и поговорок отражает духовную культуру и содержит характеристику духовных ценностей китайской и русской культур. Так, в русской и китайской культурах и, соответственно, в пословицах нашло отражение религиозное начало как основа духовности человека.

Значительная часть пословиц в русском языке утверждает важность Бога в жизни людей: *без Бога – не до порога; Бог даёт день - даст и пищу; Бог напитал - никто не видал; человек предполагает, а Бог располагает, и др. Здесь мы можем найти призыв жить по божьим заповедям: Бог (Христос) терпел и нам велел; Бог труды любит; не так живи, как хочется, а как Бог велит и др.* В то же время имеются пословицы, говорящие о том, что не стоит надеяться в жизни только на Бога, необходимо проявлять волю к инициативу самому человеку: *на Бога надейся, а сам не плошай; Бог-то Бог, но и сам не будь плох; не Боги горшки обжигают.*

Следует отметить, что в русском языке получили отражение пословицы, связанные со злым началом (в противоположность божественному), связанным с чертом или дьяволом. Они олицетворяют черную, злую силу, ведущую человека к бездуховности и душевному краху: *чем черт не шутит, пока Бог спит; Седина в бороду - бес в ребро; не было печали, так черти накачали; связался с чёртом - пеняй на себя; послал Бог работу, да отнял черт охоту; у него чёрт в подкладке, сатана в заплатке и др.*

В китайской культуре божественное начало как основа духовности также получило отражение в учении Кун-цзы.

Народная афористика по-разному именуется Учителя: *Кун-цзы, Кун Фу-цзы, Фу-цзы*. Самая популярная форма имени Конфуция – *Кун-цзы*. В паремиях встречаются также имена учеников и последователей Конфуция – *Цзэн-цзы* и *Мэн-цзы*. Имена этих совершенномудрых связаны с конфуцианскими канонами. Например, *Мэн-цзы* является автором одноименного философского трактата. Об ученике Великого Учителя – *Цзэн-цзы* говорится в трактате «Беседы и суждения» («Лунь-юй»). Оба произведения входили в число обязательных канонических текстов для изучения в китайской образовательной системе вплоть до XX в.

Таким образом, одна из причин фиксации имен конфуцианских философов в народных речениях связана с культом их сочинений. В паремиях подчеркивается высокая нравственность и добродетели

конфуцианских мудрецов: *Семья Конфуция не знает ругани, семья Цзэн-цзы не знает драк*. Конфуцианскими добродетелями наделены и другие персонажи народного пантеона. В сборниках речений встречается бог войны и богатства *Гуань-гун*. Прототипом этого божества считается знаменитый полководец III в. н.э. *Гуань Юй*. Его военные доблести и заслуги остались в народной памяти. О нем сложено немало афоризмов, в которых прославляется его воинское искусство: *Перед Гуань-гуном размахивать мечом*. В Китае *Гуань Юй* почитался под различными именами.

В паремиях зафиксированы разные имена *Гуань-ди* – бога войны и богатства: *Гуань-гун, Гуань-ван, Гуань Лаое и Гуань Юньчан*. Он родился на территории современной провинции Шаньси, фольклор, фиксируя информацию, подчеркивает покровительственное отношение великого полководца к ее жителям: *Чиновник [стоит] за чиновника, народ [стоит] за народ, Гуань Лаое [стоит] за жителя Шаньси*.

Как элементы религиозного синкретизма в исследовании рассмотрены персонажи даосского и буддийского учений: бессмертные, Будда, бодхисаттвы, лохани. Помимо божественных персонажей, имеющих государственное и полифункциональное значение, в паремиях выявлены образы божеств, выполняющие локальную роль: *Чэн-хуан* – Бог города, *Ту-ди* – Бог земли, *Цзао-шэнь / Цзао-ван / Цзао-цзюнь* – Бог домашнего очага, *Шоу-син* – Бог долголетия и другие божества.

Нами определены наиболее значимые для китайской культуры божества, проанализировано их положение, семантика и роль в паремиях. Таким образом, на фольклорном материале выявлена концептосфера, связанная с образами божественных персонажей. Народные верования и их персонажи, зафиксированные в пословицах и поговорках, являются элементом их этнопоэтического своеобразия.

Считается, что основание китайского менталитета определяют три философско-религиозных направления: конфуцианство, даосизм и буддизм, а также религиозный синкретизм. На протяжении многотысячелетней истории китайской культуры ведущие позиции оспаривались разными учениями, но главной идейной силой оставалась конфуцианская традиция. В настоящее время основные идеологемы и культы ее восприняты и взяты на вооружение руководством современного Китая.

Главным из них является учение об идеале личности – «благородном муже» (*цзюнь-цзы*). Это этически совершенный идеал человека, любящего знания и стремящегося к постоянному самосовершенствованию: *Благородный муж действует устами, не действует руками*. Традиционно ему противопоставляется «ничтожный человек», «маленький человек» (*сяо жэнь*). Такое противопоставление находим и в паремиях: *Благородный муж в лицо ругает людей, маленький человек за спиной говорит*.

В китайских народных афоризмах *благородный муж* предстает как носитель совокупности пяти конфуцианских добродетелей (*у дэ*):

«гуманности» (*жэнь*), «благопристойности» (*ли*), «справедливости» (*и*), «мудрости» (*чжи*), «верности» (*синь*). В связи с тем, что указанные «добродетели» многозначны, представляют собой полноценные культурные категории, можно определить их как культурные концепты китайской цивилизации. Семантическое поле концепта *добродетель* (*дэ*) охватывает большой круг родственных понятий: качество, дарование, достоинство, доблесть, моральная сила. Это значимое качество индивида, отличающее его от толпы. Наличие *дэ* у человека высоко ценилось в традиционном китайском обществе: *Лучше копить добродетели, чем копить деньги, лучше купить книгу, чем купить поле.*

Конфуцианские категории имеют повсеместное распространение и значимы для любого жителя Срединного государства: *Ум одного человека имеет предел, [а] справедливость и принципы неисчерпаемы в Поднебесной.* Рассмотренные концепты можно отнести к архетипам китайского сознания, не случайно в некоторых изречениях они предстают как единое органичное целое – добродетель личности; случаи отсутствия нравственных начал осуждаются народной моралью: *На устах гуманность, долг, церемонии, мудрость, а на уме: у мужчин – грабеж, у женщин – разврат.*

В рамках конфуцианской традиции обращается внимание на семейные взаимоотношения: на отношения главы дома и домочадцев проецируются отношения государя и подданных. В связи с обостряющимися в современной ситуации этническими конфликтами закономерен интерес к национальным теориям воспитания. Большое влияние на семейные отношения и содержание воспитательных норм оказали конфуцианские заповеди. Среди них первенство отводилось *сяо* («сыновней почтительности»): *Лучше дома почитать родителей, чем бежать с юга на север, жечь ароматические палочки.* Несмотря на глубокое проникновение в семейный уклад беспрекословного послушания и подчинения, обязательную повседневную заботу о старших, народ замечал нарушение морали и фиксировал это: *У постели долго болеющего нет почтительного сына.* Само по себе естественное почитание старших и забота о родителях были трансформированы конфуцианцами до уровня догматов. Культ «отцепочтительного» сына поддерживался официальными властями и всем обществом и строго осуществлялся на практике.

Доминирование в культуре этических постулатов и культов предопределило могущество конфуцианства в Китае на долгое время. Современное состояние китайского общества свидетельствует о глубоком проникновении конфуцианских традиций в жизнь народа, более того, тенденции развития Китая в настоящее время – это обращение в прошлое, вооружение конфуцианскими идеалами, успешное их применение в современных условиях. Таким образом, конфуцианские категории, идеологемы выступают в роли концептов. Часть китайских поговорок имеет специфическую семантику, уходящую в древность и связанную с

культом музыкальных инструментов. Рассмотрим такие единицы более подробно.

Основной корпус музыкальных инструментов сложился к эпохе Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.). В целом китайский национальный инструментарий располагал определенным набором, соотносимым с четырьмя временами года, сторонами света и прочими явлениями в рамках натурфилософской концепции. В свете вопросов этики и морали музыка играла роль средства исправления несовершенных нравов и обычаев. Взаимосвязь музыки (*юэ*) и ритуала (*ли*) находит свое воплощение в китайских пословицах и поговорках: *Встретишь Вэнь вана – проводи ритуал и музыку, встретишь Чжоу вана – иди войной*. Чжоу ван – символ жестокости и деспотизма.

Существовало четыре основных вида музыкальных инструментов: звенящие (колокола и каменные пластины), струнные, духовые и ударные (барабаны). Исходя из материала полная классификация инструментария включала восемь видов «источников звука»: камень, металл, глина, дерево, бамбук, кожа, тыква-горлянка, шелк.

Среди музыкальных инструментов в паремиологических текстах анализируемых сборников встречаются ударные, струнные, духовые. Из них по частотности употребления доминируют ударные (барабаны, гонги, колокола, колокольчики). Это коррелирует с их ролью в культуре Китая. Лидерство барабанов, гонгов, колоколов объясняется древностью их происхождения, длительностью бытования, широким спектром возможностей для функционирования в народной среде. Все указанные музыкальные инструменты представлены в порядке убывания популярности в народной афористике. В паремиях для обозначения барабанов народная афористика применяет только родовую морфему *гу*. Используя образ музыкального инструмента, народная мудрость советует объединять усилия, указывает на важность совместных действий: *Чтобы бить тремя барабанными палочками, нужно два человека*.

Струнные инструменты представлены щипковыми (*цинъ*, *пина*, *чжэн*) и смычковыми (*хуцинъ*). Традиция игры на *цине* входит в круг значимых элементов музыкальной культуры Китая. Это излюбленный инструмент китайской аристократии, воспетый в стихах. Исполнительское искусство на *цине* предполагало высокую степень философского и этического развития. Понимание данной лингвострановедческой реалии и связанные с ней фоновые знания раскрывают значение следующего народного афоризма. Он употребляется, когда кто-то говорит о возвышенном, а его собеседник недостаточно учтив и воспитан, не внемлет рассуждениям и доводам: *Перед коровой играть на цине, уши коровы не слышат*.

Разнообразны в народных афоризмах духовые инструменты (*сяо*, *лаба*, *ди*, *шэн*). Несмотря на «иноземный» характер, поперечная флейта-*ди* получила широкое распространение в китайской музыкальной культуре: *Воин не расстается с мечом, образованный человек не расстается с*

кистью, красавица не расстаётся с цветком, учитель музыки не расстаётся с флейтой-ди.

В период Хань (III в до н.э. – III в н.э.) музыка получает статус явления государственной важности. Об этом свидетельствует создание государственного учреждения – «Музыкальной палаты» («Юэфу»), которая занимается сбором и обработкой народных песен. Немало сведений о народном песенном творчестве содержится в пословицах и поговорках. В жизни народа песня приобретает особую значимость: *Чай со сливочным маслом без соли невозможно пить, жизнь без песни нельзя прожить.*

Таким образом, основополагающим элементом в музыкальной культуре китайцев является музицирование и связанный с ним ряд инструментов. Это находит свое преломление в паремиологических текстах. В них отражается взаимосвязь музыки, обрядовой деятельности, а также философских воззрений китайцев. Конечно, в силу особенностей жанра не все философские идеи о музыке выражаются ярко и образно, но основные постулаты конфуцианства органично «вплелись» в ткань малых жанров фольклора, указывая на организующую и воспитательную роль музыкального исполнения. Определяя роль музыки в жизни китайского народа, можно говорить об особом «музыкальном коде» китайской цивилизации.

Одновременно, как считает Н.Я. Веретенников, под влиянием геополитического положения России, а также из-за вынужденного выбора между христианским и буддистским мирами восточнославянским народам суждено было трагически замкнуть на себя историческое противоборство различных ориентаций человечества. Отсюда становится понятной характерная, возможно, важнейшая черта российского менталитета – его крайняя противоречивость, наличие в нём полярных полюсов, зачастую отрицающих друг друга (Веретенников 2000, с. 25). В значительной степени многие черты российского менталитета определило православие: религиозно-общественное непонимание, традиции, образцы и нормы поведения русских людей во многом объясняются его влиянием.

Пословицы и поговорки выполняют несколько функций в языке, одной из самых важных является кумулятивная (накопительная) функция, которая связана со способностью пословиц и поговорок фиксировать коллективный опыт народа. Кумулятивная функция пословиц и поговорок имеет и еще один аспект: они отражают в своем содержании условия жизни народа-носителя языка, его историю, культуру, географию страны. Одним словом, пословицы и поговорки являются выразителями народной мудрости. Так как они накапливают в своем содержании и коллективный опыт народа, и особенности его национальной культуры, то даже в аналогичных по смыслу афоризмах разных культурно-языковых общностей обнаруживается местный колорит. Именно поэтому далеко не всегда возможен их прямой перевод с языка на язык.

Барыкина А.Н. Лингвострановедческий аспект работы в китайских группах // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом. - М., 2001.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.

Xia zhongyi и др. Китайско-русский словарь. - Beijing, 1999.

Zhang jianhua и др. Новый русско-китайский словарь. - Beijing, 1993.

Н.М. Вахтель, Шао Наньси

Интерпретационные возможности адресата при восприятии русских устойчивых выражений

Одной из целей обучения русскому языку как иностранному является формирование коммуникативной компетенции иностранных учащихся, что определяется их осведомлённостью об особенностях функционирования языковых средств в разных сферах и ситуациях общения и умением использовать языковые средства в речи с учётом целевых установок. Формирование такого умения – процесс довольно сложный, для его осуществления требуется определенный уровень знаний. Оценка языковых явлений с точки зрения их коммуникативной оправданности, а тем более отбор их в соответствии с целями и задачами общения – это высший уровень культуры речи в целом.

Устойчивые выражения, к которым мы относим пословицы и поговорки, являются культурными универсалиями в национальной картине мира. Они прагматически нагружены и призваны выражать ценностное и эмоциональное отношение к миру. Их коммуникативный характер справедливо признаётся универсальным. Концептуальное отображение определённого знания о мире, свойственное социуму, составляет значение устойчивых выражений. Буквальное же значение указанных речений заключено в их внутренней форме. Оно выводится из значения составляющих их компонентов и связей между ними. Так, например, в русской пословице *Конь о четырёх ногах, да спотыкается* внутренняя форма (буквальное значение её компонентов) не совпадает с их переносным значением.

Как правило, в пословицах и поговорках разных народов лежат определённые логические отношения, содержащиеся в суждениях-максимах. Именно в максимах синтезировано содержание всех основополагающих понятий. Максима – универсум культуры, нормативное и оценочное начало социальных функций: регулятивной, коммуникативной, познавательной и мировоззренческой. В пословицах и поговорках как в максимах содержатся нравственные и философские сентенции, правила поведения в совокупности с эмоциональной оценкой, которые являются основными прагматическими компонентами их значения. Устойчивые выражения можно назвать речевыми риторическими рефlekсами, контролирующими и организующими сам ход

речевого взаимодействия. Используются они в речи всегда с определённой прагматической установкой, интенцией в виде застывших лаконичных стандартизированных высказываний, понять которые бывает затруднительно не только человеку, говорящему на другом языке, но и носителю русского языка.

Философская сентенция – *Бедя не приходит одна* – в русском общении может быть интерпретирована как выражение сетования или как речевой акт *успокаивания*, призывающий к смирению, поскольку в ней заключено логическое отношение: *наличие одного объекта неизбежно подразумевает наличие другого*. В китайском общении используется аналогичное в смысловом отношении устойчивое выражение, но развёрнутое и конкретное по сравнению с русской пословицей: *Одна бедя ещё не прошла, а другая уже надвинулась*.

Сжатость русской пословичной структуры и обобщённость её смысла оказывается тем камнем преткновения, который создаёт значительные трудности в общении и в адекватном понимании художественных и публицистических текстов. Заголовки сегодняшних газет пестрят пословицами, более того, они трансформируются в средства языковой игры. Видимо, существуют объективные причины интенсифицировать в СМИ «осмеяние» содержащихся в них ценностей, что приводит пословичные ценности в конфронтацию с едкой иронией или острой сатирой.

Сложность понимания смысла пословицы обусловлена тем, что он зависит от ситуации употребления в ещё большей степени, чем смысл слова. Кроме того, известна двусмысленность и противоречивость многих русских устойчивых выражений. В зависимости от контекста или коммуникативной ситуации их смысл и содержащаяся в них эмоциональная оценка могут становиться диаметрально противоположными. Ср.: *Шапочка две денежки – и та набекрень*. Данное высказывание допускает разную интерпретацию: с одной стороны, оно может быть осуждением с содержащейся в нём отрицательной оценкой, с другой – оно может быть понято как похвала: «хоть бедна, но кокетлива».

Русская пословица – *Ласковый телёнок двух маток сосёт* – также может быть интерпретирована как осуждение хитрого и льстивого человека и как косвенный имплицитный совет, поучение: «надо быть ласковым и милым по отношению ко всем, чтобы тебя любили, и только в этом случае можно добиться успеха».

Китайские устойчивые выражения, как правило, не допускают двусмысленной оценки и практически исключают расхождения в их понимании. Ср.: *У хитрого зайца три норки про запас*. В этом выражении эксплицируется хитрость как негативная характеристика человека.

Русское выражение – *Одного поля ягода* – чаще используется как неодобрительное. Однако оно может быть интерпретировано следующим образом: «люди, похожие или одинаковые по своему положению, взглядам, качествам, свойствам и т.п.», то есть как высказывание,

лишённое оценочной коннотации. Тем более что в разговорной речи это выражение, как и многие другие, варьируется и может иметь вид *Нашего поля ягода*, где абсолютно утрачивается неодобрительное отношение говорящего. Метафорический образ прозрачен: «на одном поле в равных условиях вырастают однородные плоды».

В китайском эквивалентном по смыслу выражении эксплицируется негативная оценка: *Два дрянных человека в чём-то всегда похожи как братья*. Данная особенность китайских устойчивых выражений ярко высвечивается на фоне самобытного русского традиционного сознания, для которого типична амбивалентность суждений и оценок. Такого рода высказывания в китайском языке и речи крайне редки, что значительно облегчает задачу осмысления ценностных, поведенческих установок и стереотипов, утвердившихся в китайском языковом сознании.

Большинство русских пословиц и других устойчивых выражений имплицитно и иносказательно передает отношение говорящих к какому-либо факту, событию или ситуации. Они используются в спонтанном русском общении, чем создаётся игровой дискурс. Всё это даёт возможность считать пословицу *риторическим сообщением*, под которым мы понимаем такие высказывания, которые не несут для адресата новой информации. Задача риторического сообщения заключается в актуализации уже известной ситуации, в фокусировке на ней внимания адресата и в совмещении соответствующего положения дел с его восприятием. Риторичность таких устойчивых выражений, как пословица, обусловлена тем, что адресат сам должен логически вычислить ожидаемый говорящим ответный поступок (коммуникативный или поведенческий), осознать ситуацию не саму по себе, а понять вытекающие из неё следствия, импликации, актуальные в данной коммуникативно-прагматической ситуации, вывести имплицитный смысл, содержащийся в них намёк, подтекст. Поскольку основным смыслом риторических устойчивых высказываний является коррекция поведения, то понимание их смысла необходимо, чтобы избежать коммуникативных неудач. Для достижения указанной цели становится чрезвычайно важным приобретение лингвориторической компетенции.

Сегодня понятно, что знание языка и владение языком не одно и то же. Было время, когда с языковой компетентностью связывалось потенциальное знание языка, так называемая «внутренняя грамматика». Понятие языковой компетентности активно используется в современной лингвистике в самом широком контексте. Содержание этого понятия понимается по-разному.

Ю.Д. Апресян выделил следующие составляющие языковой компетенции:

- 1) способность к перефразированию;
- 2) способность различать и находить синонимичные высказывания;
- 3) способность отличать правильные высказывания от неправильных;

4) способность выбирать средства выражения мысли в соответствии с социальными, территориальными и другими особенностями ситуации общения с учётом личностных характеристик её участников (Апресян 1995, с. 124).

Чрезвычайно важным для раскрытия языковой, точнее коммуникативной компетенции признаны три компонента: словесный репертуар, языковые обычаи, или шаблоны (клише), то есть представления языковой личности о типах организации различных по жанру текстов или о правилах общения и области языкового (коммуникативного) поведения.

Л.П. Крысин выделил четыре уровня владения языком:

1) собственно-лингвистический уровень, который «отражает свободное “манипулирование” языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности»;

2) национально-культурный уровень, который отражает «владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств»;

3) энциклопедический уровень, который отражает «владение не только словом, но и “миром слова”, то есть теми реалиями, которые стоят за словом, и связями между этими реалиями»;

4) ситуативный уровень, который отражает «умение применять языковые знания и способности сообразно с ситуацией» (Крысин 1989, с. 125).

Нетрудно заметить, что собственно лингвистический уровень является отражением языковой компетенции, энциклопедический – отражением языкового сознания, ситуативный – отражением коммуникативной компетенции. Что касается национально-культурного уровня, то он, видимо, представляет собой составную часть как языковой и коммуникативной компетенций, так и часть языкового сознания.

А.А. Ворожбитова, исследуя параметры компетенции языковой личности, предлагает учитывать реализацию языковой и речевой способностей человека. Учёный справедливо считает, что языковая способность «существует в структуре языковой личности, которая обеспечивает реализацию речевой способности» (Ворожбитова 2005, с. 140). Уточняя понятие компетенции, автор выделяет три основных уровня реализации интегральной лингвориторической компетенции:

1) интралингвистический уровень языковых операций, который осуществляется в координатах «языковая личность – язык»;

2) текстовый (дискурсивный) уровень риторических действий, который реализуется в координатах «языковая личность – текст»;

3) экстралингвистический уровень, который располагается в координатах «языковая личность – речевое событие» (Там же, с. 144).

Без приобретения компетенции всех выше указанных уровней невозможно понять, например, такое русское устойчивое выражение, как *Семь бед – один ответ*. В одном этом высказывании может быть заключена широкая гамма интенций: подбадривание собеседника перед

опасностью, новым опытом, перед совершением рискованного шага; при автокоммуникации – безразличие по отношению к грозящей опасности. Как понять иностранцу русское устойчивое выражение *Иной любит попа, другой попадью, а третий попову дочку*, чтобы он смог увидеть содержащуюся в нём критику в адрес собеседника по поводу его выбора, предпочтений?

Постулируя важность и необходимость формирования всех указанных уровней компетенции, подчеркнём особую трудность в достижении лингвориторической компетенции. Именно она позволяет адекватно коммуникативной ситуации понимать устойчивые выражения русского языка, в которых соединены в единое целое явно выраженное содержание и неявно выраженный смысл.

Русскую пословицу нельзя пересказать. Любой пересказ её всегда будет хуже оригинала. Такое устойчивое выражение, как пословица, строится на базе конкретной жизненной ситуации и иносказании. Являясь риторическим сообщением, она становится социальным речевым актом с имплицитным коммуникативным намерением, который говорящий адресует собеседнику с расчётом на его лингвориторическую компетенцию, то есть способность «правильно» интерпретировать её содержание и смысл.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М., 1974.

Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. - М., 2005.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.

Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – Культура – Этнос. – М., 1994. – С.66–78.

Дионк Камель Мухаммед

Тематическая группа «Животный мир» в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» как средство отражения мировосприятия народов Кавказа

В романе «Герой нашего времени» образ Кавказа играет большую роль в выражении идейного замысла писателя. Особенно полно этот образ раскрывается в повести «Бэла». Исследование, проведенное нами, показало, что для создания образа Кавказа употребляются лексические единицы нескольких тематических групп, в число которых входят и лексические единицы, называющие животных: *бараны, барс, быки, верблюды, змея, кабаны, козы, козёл, корова, кошка, овцы, серна, собака*, а также наименование птиц (*коришун, ласточка, орёл*) и насекомых (*комар*). Например:

*Я велел положить чемодан в свою тележку, заменить **быков** лошадьми.*

Большая часть перечисленных лексем используется для указания на конкретное животное, например:

*Ощупью вошёл я и наткнулся на **корову** (хлев у этих людей заменяет лакейскую).*

*Я не знал, куда деваться: тут блеют **овцы**, там ворчит **собака**.*

Такие наименования, как **барс**, **кошка**, **собака**, **серна**, **змея**, **коршун**, **орёл**, **ласточка**, используются в составе сравнений:

*...Казбич, будто **кошка**, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь...*

*...точно **кошка**, карабкался на утёс..*

*...Казбич ...бросился вон, как дикий **барс**.*

*...лошадь...как **собака** бежит за хозяином...*

*...Печорин стал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно **серна**...*

*...глаза (у Бэлы) чёрные, как у горной **серны**...*

*туманы, клубясь и извиваясь, как **змеи**, сползли туда по морщинам соседних скал...*

*...Арагва... сверкает, как **змея** своею чешуёю.*

*...облако отдыхало на вершине Гуд-горы, как **коршун**, ожидающий добычу...*

*...здесь тебе душно и тесно, как **орлу**, который с криком бьётся о решётку железной своей клетки.*

и метафор:

*...деревушка осетин, живущих на дне её (пропасти) казалась гнездом **ласточек**...*

На фоне наименований других животных, число которых невелико, обращает на себя внимание большое количество лексем, называющих лошадей: **лошадь**, **лошадёнка**, **кляча**, **конь**, **кобыла**, **коренная**, **перекладная**, **уносная**, **скакун**, **тройка**. Также используется лексическая единица **табун**.

*-Если б у меня был **табун** в тысячу **кобыл**, то отдал бы тебе его весь за твоего **скакуна**!*

Приводится название масти (вороной):

*...и ежеминутно мыслям моим являлся **вороной скакун** твой...*

Описываются такие качества, как сила:

*...а какая **сила**! Скачи хоть на пятьдесят вёрст...*

красота движений:

*...являлся вороной скакун твой с своей **стройной поступью**...*

В тексте также используется лексика, называющая отдельные части тела лошади: **грива**, **копыта**, **шея**, **ноздри**, **ноги**, **хребет**, **глаза**. Дается подробное описание внешнего вида этого животного, часто с использованием образных средств (метафор и сравнений):

*И слышно было, как он (Казбич) трепал по гладкой **шее** своего скакуна...*

*... скакун ...с своим **гладким, прямым, как стрела, хребтом**.*

...он (конь) смотрел мне в лицо своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить.

Как теперь, гляжу на эту лошадь: вороная как смоль, ноги – струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы.

Подробно описываются особенности движения и поведение коня в разных ситуациях.

Как птица нырнул он (Карагёз) между ветвями;

...прыгал через пни, разрывал кусты грудью;

летит, развевая хвост, как вольный ветер;

бегают по берегу оврага, фыркает, ржёт и бьёт копытами о землю.

...крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его...

Такое внимание к тематической сфере «Конь» в романе М.Ю. Лермонтова свидетельствует о важности данной группы лексики для отражения мировосприятия жителей Кавказа. Как отмечает С.В. Савинков, для народов Кавказа (и в целом для мусульманского, «бедуинского» мира) конь – мерило и богатства, и славы, и величия, которые (согласно приписываемым пророку Мухаммеду словам) «привязаны к конской гриве» (Савинков 2004, с.165). Используя фольклорные источники, эту особенность кавказского менталитета Лермонтов выразит словами песни, которую поёт Казбич:

Золото купит четыре жены,

Конь же лихой не имеет цены:

Он и от вихря в пути не отстанет,

Он не изменит, он не обманет.

Таким образом, использование лексики тематической группы «Животный мир» позволяет автору не только создать природный и культурно-бытовой фон для описываемых событий, но и отразить особенности менталитета горцев.

Савинков С.В. Творческая логика Лермонтова. – Воронеж, 2004.

М.В. Долгова

Способы объективации типизированных представлений

Типизированные представления – это сформированные в нашем сознании и объективируемые в речи стереотипные образы предметов, явлений, а также отдельных лиц как представителей определенных социальных групп, при этом суждения о тех или иных объектах, как правило, несут упрощенно-обобщенный характер и являются эмоционально окрашенными (Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 177).

Мы намеренно говорим о «типизированных представлениях», поскольку под этим термином мыслим не только стереотипы (хотя стереотипы –

прежде всего), но и образцы, идеалы, эталоны, типичные примеры – сущности, описанные американским ученым Дж. Лакоффом (Лакофф 2004). По мнению Дж. Лакоффа, данные сущности представляют собой особые когнитивные модели, возникающие на основе прототипических связей между рассматриваемым предметом, воспринимаемым в качестве стереотипа, образца, идеала, эталона, типичного примера, и категорией, к которой этот предмет относится. Лексическими средствами выражения указанных выше моделей является прилагательное «типичный», а также конструкция «настоящий + модель-образец» (Лакофф 2004, с. 124).

Как показывает изученный нами материал, список прилагательных, участвующих в образовании предложенной Дж. Лакоффом модели, не ограничивается лишь теми, что указаны выше. Следует признать, что существуют другие вербальные единицы, выполняющие в интересующем нас плане ту же самую функцию, что и слова, которые обозначают качества или свойства объектов.

Наша статья посвящена описанию лексических средств объективации типизированных представлений в высказываниях представителей русского лингвокультурного сообщества. Обратимся, по крайней мере, к трем выделяемым нами группам манифестаторов изучаемого явления.

I. Прилагательные–маркеры типизированных представлений. К этой группе отнесем следующие: *типичный, типовой, такого типа, рядовой, средний, настоящий, подлинный, истинный, образцовый, обычный, идеальный, совершенный, вылитый, форменный, суций, чистый, чистой воды* и другие. Приведем конкретные примеры, в которых некоторые из данных прилагательных указывают на типизированный характер актуализируемых представлений.

1) Таинственный незнакомец – настоящий мачо: красивый, загорелый, железные мускулы, джинсы как влитые сидят.

2) На улице я его стеснялся: он ходил в шароварах, трикотажной майке, пиджак не застёгнут, на ногах калоши. Вылитый бомж.

3) Я была уверена, что его жена не знает, с какой стороны к компьютеру подходить. Она же типичная домохозяйка, ее ничего не интересует, кроме экономии на стиральном порошке.

4) Настоящий полковник... - чисто выбрит, подтянут, в ярко начищенных сапогах, четко отвечал на приветствия.

Значимость прилагательных данной категории в когнитивном ракурсе заключается, прежде всего, в их способности типизировать или обобщать предметы. В этих случаях они предстают не как индивидуальные объекты, а как представители целого класса. Вместе с тем необходимо подчеркнуть и особую важность контекста, который раскрывает типизирующую функцию прилагательных.

II. Местоимения, наречия и речевые конструкции с союзом «как», выступающим в функции обобщающего элемента. В данную группу сведём следующие лексические единицы: *все, каждый, любой, везде,*

всегда, никогда, как всегда, как водится, как полагается и другие. Рассмотрим следующие примеры.

1) Головенка кувалдой, рост как полагается у слесаря и наружность тоже, чемоданчик в руке, так и ходит чинит прохудившиеся краны.

2) Катя сохранила все повадки профессиональной балерины. Подбородок вверх, плечи вниз, грудь вперед, живот назад, а носочки в разные стороны.

3) Второй рядом с ним был русским: пшеничная круглая голова, белесые короткие ресницы – ну просто механизатор совхоза «Красная заря» где-нибудь под Черниговом.

4) Ты прямо цыган: умеешь выпросить, что тебе надо.

Приводимые здесь примеры свидетельствуют, о том, что слова и выражения типа *просто, прямо, все, как полагается* служат для того, чтобы люди (в данных случаях – разных профессий и национальностей) воспринимались как «эталоны», в своей единичности представляющие целый класс.

III. Обороты со сравнительным «как». Употребление оборотов подобного типа позволяет, классифицируя предмет или ситуацию, одновременно типизировать их.

1) Архитектор был рыжий и улыбчивый, как клоун.

2) Он играл вдохновенно, упоенно. Как настоящий артист. Глаза его были закрыты. Он шевелил бровями и губами, как это делают знаменитые скрипачи.)

3) (Студенты) спят – сладко, надежно, беспробудно... Как дети.

4) Она тратила как миллионерша: шубы, костюмы, сапоги, машина, квартира в центре с уймой комнат, серьги, кольца.

Примеры, взятые нами из произведений художественной литературы, показывают, что имеется совокупность вербальных средств, позволяющих объективировать типизированные представления, которые, в свою очередь, выступают в качестве образцов (эталонов) в пределах того или иного множества объектов, объединяемых фамильным сходством.

Крысин Л.П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов // Встречи этнических культур в зеркале языка.- М., 2002. - С. 171 - 175.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи.- М., 2004.

Е. Г. Драчевская

Немотивированные англо-русские лакуны (на материале ЛСГ «Наименования человека»)

Целью нашего исследования является выявление немотивированных английских лакун семантической группы «Наименования человека» на фоне русского языка. В качестве источника послужили материалы

Оксфордского русско-английского словаря (70000 слов) / составитель М. Уилер. – М., 1994.

Лакуна в контрастивной лингвистике понимается как отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого. Одними из первых исследователей, применившими этот термин и раскрывшими его содержание, были канадские учёные Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне. Также существует мнение, что первым термин «лакуна» ввел Г.В. Шатков.

Некоторые исследователи считают термин лакуна неудобным, так как этот термин «при употреблении может наполняться содержанием, свойственным его терминологическому антиподу – термину «безэквивалентная лексическая единица» (Лакуны в языке и речи 2003, с. 95).

Г.В. Быкова и О.Б. Пылаева определяют лакуны как психофизиологический феномен, пробелы, которые не осознаются говорящими в условиях одноязычной ситуации общения, выявляются только на фоне других языков. В среднем в языке насчитывается от 6 до 7 % безэквивалентных лексических единиц, которым в языке сопоставления соответствуют лакуны.

Существуют некоторые проблемы выделения лакун. Межъязыковыми лакунами считают словарные единицы, не имеющие в сопоставляемом языке однословного наименования или наименования устойчивым словосочетанием. Поэтому возникает вопрос «об определении *степени устойчивости* словосочетаний, представленных в словарях в качестве переводческих эквивалентов ЛЕ» (Стернин 2004, с. 16). Следовательно, слово и устойчивое словосочетание являются равноправными языковыми соответствиями, так как структурно-языковое оформление не противоречит их эквивалентности. Существует и другая проблема. При выявлении межъязыковых лакун наблюдается довольно тонкая грань между лакуной и наличием неполного лексического соответствия, существование таких единиц – «проявление национальной специфики семантики языков, и такие единицы должны быть отграничены от лакун» (Лакуны в языке и речи 2003, с. 213).

Согласно точке зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, сигналами лакунарности могут служить развернутое объяснение слова в переводном словаре; объяснение слова в словаре перечислением синонимов; наличие номинации за пределами литературного языка (Попова, Стернин 2001).

В лингвистике существует большое количество классификаций лакун, основанных на различных принципах. Нами при анализе материала за основу нами были взяты 2 принципа типологии лакун:

1. Межъязыковые / внутриязыковые лакуны. Изначально наше исследование направлено на выявление межъязыковых лакун, мы не будем касаться лакун внутри языка.

1. Мотивированные / немотивированные лакуны. Мотивированные лакуны объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления

в национальной культуре, немотивированные лакуны обусловлены нерелевантностью концептов для данного народа. Они не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета.

В рамках нашего исследования были выявлены немотивированные англо-русские лакуны. Они были распределены по 12 семантическим группам (далее СГ). Также было выявлено 2 лакуны, не вошедших в группу.

1. СГ «Наименования лиц по профессиональному занятию» (17 лакун):
 - бахчевод – специалист по бахчеводству;
 - ветошник – торговец ветошью;
 - завуч – заведующий учебной частью;
 - застройщик – тот, кто строит или построил для себя дом;
 - значкист – человек, имеющий значок как свидетельство о квалификации, выполнении каких-н. нормативов;
 - костровой – тот, кто разводит и поддерживает костер;
 - краевед – человек, занимающийся изучением своего края, краеведением;
 - кузовщик – специалист по изготовлению, ремонту кузовов автомобилей;
 - культуротник – лицо, ответственное за культурную и / или образовательную деятельность в организациях или учреждениях;
 - куплетист – эстрадный артист, исполняющий куплеты;
 - литературовед – специалист в науке о художественной литературе;
 - отличник – учащийся, получающий только отличные оценки;
 - резинщик – тот, кто производит резину;
 - совместитель – должностное лицо, работающее по совместительству;
 - стажер – лицо, к-рое проходит стаж (срок, в течение к-рого вновь поступившие работают для приобретения опыта в своей специальности);
 - староста – выборное или назначаемое лицо для ведения дел какого-н. небольшого общества, коллектива;
 - хвостист – студент, имеющий задолженности по экзаменам.

2. СГ «Наименования лиц по чертам характера» (14 лакун):
 - бессребреник – равнодушный к деньгам, богатству, бескорыстный человек;
 - бирюк – перен. нелюдимый и угрюмый человек;
 - забавник – весельчак, шутник, умеющий забавлять;
 - нелюдь – плохой, бессердечный человек, нехристь;
 - печальник – человек, который с симпатией относится к другим людям;
 - привередник – привередливый человек;
 - ругатель – человек, который постоянно ругается;
 - самоед – человек, которому свойственна излишняя самокритичность, недовольство своими поступками, поведением;
 - сатрап – деспот, самодур, управляющий по собственному произволу;
 - торопыга – торопливый, постоянно спешащий человек;
 - угодник – человек, который угодничает;
 - указчик – тот, кто указывает другому, наставляет или учит, как делать;
 - цаца – человек, который важничает, много воображает о себе;

чистюля – человек, который любит чистоту, очень чистолюбен.

3. СГ «Наименования лиц по способностям и уровню знаний» (7 лакун):

бездарь – ни к чему не способный, лишенный таланта человек;

грамотей – (устар. и ирон.) грамотный человек;

межеумок – недалекий, во всем посредственный человек;

недоучка – недоучившийся, малосведущий человек;

профан – человек, совершенно не сведущий в какой-н. области;

самородок – человек с большими природными дарованиями;

талмудист – начитанный человек, обладающий энциклопедическими знаниями.

4. СГ «Наименования лиц по социальной характеристике» (7 лакун):

активист – тот, кто принадлежит к активу, деятельный член какого-либо коллектива;

бесприданница – в старое время: бедная девушка, не имеющая приданого;

беспризорник – беспризорный ребенок (бездомный, живущий на улице);

интеллигент – лицо, принадлежащее к интеллигенции;

общественник – человек, который активно участвует в общественной жизни, занимается общественной работой;

передовик – человек, который идет впереди других в работе, показывает пример сознательного отношения к труду;

погорелец – человек, который потерял дом, имущество во время пожара.

5. СГ «Наименования лиц по деловым качествам» (7 лакун):

белоручка – человек, который чуждается физической или вообще трудной работы;

верхогляд – человек, отличающийся верхоглядством;

деляга – человек, озабоченный в делах только ближайшей выгодой;

крючкотвор – человек, занимающийся крючкотворством;

казнокрад – человек, который занимается казнокрадством;

халтурщик – человек, который выполняет свою работу недобросовестно, небрежно и без знания дела;

шкурник – человек, который заботится только о себе, не думая о других.

6. СГ «Наименования лиц по действиям, нарушающим закон» (5 лакун):

боевик – член вооруженной группировки, входящей в неформальную (обычно террористическую) организацию;

левак – работник, незаконно использующий рабочее время, орудия или продукты общественного труда для личной наживы;

погромщик – участник шовинистического выступления против какой-н. национальной или иной группы населения, сопровождающегося грабежом и убийствами;

подпольщик – человек, который занимается подпольной деятельностью;

самострел – солдат, который умышленно ранил самого себя.

7. СГ «Наименования лиц по сходству с другими людьми» (4 лакуны):

земляк – уроженец одной с кем-н. местности;

однофамилец – человек, который, не состоя в родстве, носит одинаковую с кем-н. фамилию;

однокурсник – студент того же курса, на котором кто-н. учится, учился;

ровесник – человек одинакового возраста с кем-н., сверстник.

8. СГ «Наименования лиц по физическим особенностям» (4 лакуны):

богатырь – перен. человек очень большой силы, стойкости, отваги;

здоровяк – человек с отличным здоровьем;

крепыш – человек крепкого телосложения (обычно о ребенке);

удавленник – тот, кто повесился или кого удушили.

9. СГ «Наименования лиц по внешним признакам» (3 лакуны):

пузан – человек с большим животом;

усач – человек с большими усами;

шатен – человек, имеющий коричневый цвет волос.

10. СГ «Наименования лиц по отношению к военной службе» (2 лакуны):

военнообязанный – человек, обязанный нести военную службу (подлежащий призыву или состоящий в запасе);

призывник – человек, который подлежит призыву на действительную военную службу.

11. СГ «Наименования лиц по отношению к религии» (2 лакуны):

постриженец – тот, кто принял монашество;

расстрига – священнослужитель или монах, исключенный из духовного звания или добровольно вышедший из него.

12. СГ «Наименования лиц по отношению к празднуемой дате» (2 лакуны):

именинник – человек в день своих именин;

юбиляр – тот, чей юбилей отмечается, празднуется.

13. «Наименование лица по отношению к другим людям» (1 лакуна):

влюбленный – испытывающий страстную любовь, влечение к кому-н.

14. «Наименование лица по увлечениям» (1 лакуна):

кружковец – член кружка.

Как видно из приведенных данных, самым большим объединением по количеству ЛЕ является СГ «Наименования лиц по профессиональному занятию». Отсутствие лексического обозначения не обязательно свидетельствует об отсутствии соответствующего концепта. Для англичан, по всей видимости, оказалось неостребованным номинирование данных концептов. Как отмечает С.А. Кошарная, лексика есть «часть культуры народа, живущего в определенных исторических, климатических, геополитических и прочих условиях» (Кошарная 1999, с. 14)

Далее по количеству обнаруженных лакун следует СГ «Наименования лиц по чертам характера», общее количество лакун - 14. Как и в ситуации с рассмотренной выше СГ, мы не можем говорить об отсутствии концептов, обозначающих *наименования лиц по чертам характера*, но, на наш взгляд, эти концепты нерелевантны в данной культурной среде. Не

лексикализованы также концепты, обозначающие *наименования лиц по социальной характеристике* и *наименования лиц по деловым качествам*. Преобладание русской безэквивалентной лексики в этих СГ может быть обусловлено богатым политико-идеологическим прошлым нашей страны, периодом истории, в котором основной характеристикой человека являлась его позиция относительно государственной идеологии. Таким образом, мы можем предположить, что для русского народа характерно внимание к человеку социальному.

Как отмечает проф. Н.Л. Чулкина, концепты *отдых, досуг, развлечения* «не входят в ядро языкового сознания русских» (Чулкина 2007, с. 159). Этим можно объяснить малое количество русской национально специфичной безэквивалентной лексики «наименования лиц по увлечениям» (1).

Итак, наше исследование подтверждает вывод С.А. Кошарной о том, что, «каждый язык по-своему членит действительность, таким образом, языковая картина мира имеет свою специфику, неповторимую реализацию в каждом национальном языке» (Кошарная 1999, с. 25). В формировании специфики лексики народа важную роль играют такие факторы, как исторические особенности, природная среда, религия, традиции, мифология и многое другое.

Кошарная С.А. В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. – Белгород, 1999.

Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов. - Благовещенск, 2003.

Оксфордский русско-английский словарь (70000 слов) / сост. М. Уилер. - М. 1994.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж, 2004.

Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. – М., 2007.

Л.И. Зимина

О понятии безэквивалентного фразеологизма

Рост интереса к сопоставительным и контрастивным исследованиям в настоящее время объясняется расширением международных контактов в различных сферах человеческой деятельности и необходимостью эффективно решать проблемы, неизбежно возникающие в процессе общения и взаимодействия людей, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям.

Особую актуальность имеет сопоставительное изучение фразеологии неродственных языков, так как оно позволяет выявить как всеобщие, универсальные признаки, так и дифференциальные, специфические черты, характерные для того или иного языка. Национальное своеобразие и

особенности семантики любого языка наиболее ярко проявляются в области фразеологии.

Фразеология – сложный и трудоемкий предмет исследования, поскольку продолжают дискуссии о самом понятии фразеологической единицы, о специфике фразеологического значения, расходятся мнения в вопросе о типологии фразеологических единиц, мало разработана проблема контрастивного описания семантики фразеологических единиц.

Проблемы сопоставления фразеологизмов обусловлены, прежде всего, особенностями фразеологизма как языковой единицы вторичной номинации. «Фразеологизмы – единицы вторичного образования, отличающиеся от обычных комплексов низкой регулярностью языковой организации, базирующейся на семантическом сдвиге того или иного типа и ведущей к обязательной воспроизводимости ФЕ и слабой предсказуемости их плана содержания относительно плана выражения, и наоборот» (Райхштейн 1980, с. 14).

Следующая особенность сопоставительного анализа во фразеологии состоит в том, что фразеологические единицы сложнее своих лексем-компонентов и по структуре, и по значению.

Проблема межъязыковых соответствий наиболее детально разработана на материале лексики.

Так, Я.И. Рецкер выделяет три типа соответствий лексических единиц двух языков: эквиваленты, аналоги (позднее названные им вариантными соответствиями), адекватные замены. Однако, по замечанию А.Д. Швейцера, третий тип – адекватные замены – относится не к определенным соответствиям между лексическими единицами разных языков, а к технике переводческого процесса (Швейцер 1973, с. 21).

Л.С. Бархударов отмечает три типа соответствий: полные соответствия, частичные соответствия, отсутствие соответствий (для безэквивалентной лексики) (Бархударов 1980, с. 11-15).

Интересно отметить, что все три типа рассматриваются ученым как разные степени проявления эквивалентности, кроме того, подчеркивается относительность этих понятий: «Разумеется, понятие безэквивалентности, как и понятия полного и частичного эквивалента, является относительным – речь идет о безэквивалентности относительно какого-то другого языка» (Бархударов 1980, с. 15).

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три основных типа лексических соответствий: линейные, векторные, а также отсутствие соответствий (Попова, Стернин 1984, с. 72).

Отсутствие соответствий предполагает наличие лакун в одном из двух изучаемых языков. «Лакуна представляет собой отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого» (Стернин 2006, с. 26).

Лакуны и безэквивалентные единицы выделяются только в рамках сопоставления конкретных языков. Единица одного языка, представленная лакуной в другом языке, определяется как безэквивалентная.

К примеру, слова *Vorlesungsverzeichnis* (справочник, в котором указаны университетские лекции и семинары на семестр); *Schein* (студ.), *Leistungsnachweis* (справка в высших учебных заведениях об успешном участии в семинаре) безэквивалентны для русского языка, в русском языке этим единицам соответствуют лакуны.

В соответствии с изложенными теоретическими соображениями по поводу лексической безэквивалентности обычно рассматривается и фразеологическая безэквивалентность. Проблема межъязыковой эквивалентности на фразеологическом уровне разрабатывалась на материале разных языков в работах таких ученых, как А.В. Кунин, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, А.Д. Райхштейн, Н.Ф. Алефиренко, Е.Ф. Арсентьева, Л.К. Байрамова и других.

По мнению многих известных фразеологов, А.В. Кунина, Е.Ф. Арсентьевой и др., межъязыковые фразеологические соответствия делятся на два больших класса: фразеологические единицы, имеющие фразеологические соответствия в другом языке, и безэквивалентные фразеологические единицы.

Как показало исследование, при контрастивном описании фразеологических единиц выявляются как межъязыковые фразеологические соответствия, так и отсутствие фразеологического соответствия в языке сопоставления – фразеологические лакуны.

Фразеологические единицы, для которых в результате контрастивного описания материала не выявлены фразеологические соответствия, признаются *безэквивалентными* для исходного языка на фоне языка сопоставления.

«Как показывает практика, эквивалентов и близких соответствий в сфере фразеологии гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд – процесс фразеологизации, национальный по форме, во многом основывается на осмыслении одних и тех же или сходных денотатов, что и создает одинаковые или очень сходные фразеологические значения и делает возможным и актуальным контрастивное описание фразеологии и создание контрастивных фразеологических словарей» (Стернин 2006, с. 288). Вместе с тем, выявляется и заметное количество безэквивалентных фразеологических единиц.

Случаи лакунарности и безэквивалентности единиц представляют собой крайние, предельно яркие случаи проявления национальной специфики (Стернин 2004, с. 78).

Безэквивалентные фразеологические единицы представляют особую сложность в акте коммуникации, так как в русском языке им соответствуют фразеологические лакуны – отсутствие межъязыкового фразеологического соответствия в одном языке относительно другого языка, что создает барьеры на пути эффективной коммуникации.

«В двуязычной лексикографии большой практический интерес для изучения иностранного языка представляют приемы передачи БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ лексики. Это прослеживается на материале самых

различных пластов словаря. ... Незнание соответствующих иноязычных параллелей затрудняет общение» (Девкин 2005, с. 567). В.Д. Девкин считает, что для решения этой проблемы целесообразно составление тематических словарей примерных приемлемых соответствий.

Наш опыт позволяет выделить при контрастивном исследовании следующие безэквивалентные немецкие фразеологизмы на фоне русского языка и предложить возможные способы их перевода или передачи в немецко-русском словаре безэквивалентной фразеологии.

В результате проведенного контрастивного анализа немецких и русских фразеологизмов с наименованиями частей лица всего было выявлено 96 безэквивалентных немецких фразеологизмов на фоне русского языка. По тематическим группам они распределяются следующим образом:

1. Фразеологизмы с компонентом «Auge» (15 единиц):

da bleibt kein Auge trocken (букв. тут глаз не останется сухим) – 1. все растроганы до слез; 2. все смеются до слез; 3. никто не избежит этого;

in diese Suppe schauen mehr Augen hinein als heraus (букв. в этот суп смотрит больше глаз, чем из него; это выражение – игра слов со словом «глаз» в значении «Fettauge» – «капельки жира, плавающие на поверхности жидкости») – в этом супе нет ни жиринки;

ein Auge/ein paar Augen voll Schlaf nehmen (букв. взять полный глаз/полные глаза сна) – немного поспать, вздремнуть;

die Augen aufmachen/aufsperrren/auftun (букв. открыть глаза) – внимательно смотреть, что происходит вокруг;

nur Augen für jmdn., für etwas haben (букв. иметь глаза только для кого-либо, чего-либо) – обращать внимание только на кого-либо, что-либо; видеть, замечать кого-л., что-л.;

Augen im Kopf haben (букв. у кого-л. есть глаза в голове) – быть способным что-л. понять, оценить;

jmdm. etwas aufs Auge drücken (букв. нажимать на глаз кому-л.) – взваливать на кого-л. что-л. (неприятное);

ins Auge gehen (букв. идти в глаз) – кончаться плохо, иметь плохие последствия;

mit offenen Augen durch die Welt gehen (букв. идти по свету с открытыми глазами) – смотреть на мир открытыми глазами (быть любознательным, непредубежденным);

einen Knick im Auge haben (букв. у кого-л. в глазу излом, надлом, трещина, вмятина) – 1. косить; 2. не увидеть что-либо; не заметить что-либо;

Tomaten auf den Augen haben (букв. у кого-л. на глазах томаты) – ничего не видеть, ничего не замечать вокруг себя;

jmdm. nicht das Weiße im Auge gönnen (букв. завидовать у кого-л. даже белку глаза) – быть крайне недоброжелательным и завистливым по отношению к кому-л.; завидовать кому-л. в каждой мелочи;

mit dem linken Auge in die rechte Westentasche/ mit dem rechten Auge in die linke Westentasche sehen (букв. левым глазом смотреть в правый жилетный

карман (карман жилета)/ правым глазом смотреть в левый жилетный карман (карман жилета) – сильно косить левым/правым глазом;

jmdm. etwas vor Augen führen/halten/stellen (букв. перед глазами кого-либо что-либо водить/держат /ставить) – доказать со всей очевидностью, наглядно показать кому-л. что-л., ярко продемонстрировать перед кем-л. что-л.

2. Фразеологизмы с компонентом «Backe/Wange» (1 единица):

sich etwas von der Backe putzen können (букв. (мочь) чистить что-либо, например, грим, со щеки) – оставить, потерять надежду на что-л.

3. Фразеологизмы с компонентом «Gesicht» (11 единиц):

ein Gesicht machen, als hätten einem die Hühner das Brot weggefressen (букв. сделать такое лицо, как будто у кого-л. куры съели весь хлеб) – у кого-л. ужасно смущенный вид;

jmdm. ins Gesicht springen/(derb:) mit dem nackten Hintern/Arsch ins Gesicht springen (букв. прыгнуть кому-л. в лицо/голой задницей в лицо) – вцепиться в кого-л.;

der Wahrheit ins Gesicht schlagen (букв. бить правде в лицо) – противоречить чему-л., находиться в вопиющем противоречии с чем-л.;

sich eine ins Gesicht stecken (букв. сунуть себе в лицо сигарету) – курить сигарету, закурить, сунуть сигарету в зубы;

jmdn., etwas zu Gesicht bekommen/kriegen (букв. получить к лицу кого-л., что-л.) – внезапно увидеть кого-что;

[für jmdn.] ein Schlag ins Gesicht sein (букв. [для кого-л.] удар по лицу (в лицо; ‘ что-л. является бесцеремонностью, оскорблением, обидой для кого-л.’) – пощечина, оскорбление;

jmdm. den Spiegel vor das Gesicht halten (букв. держать кому-л. зеркало перед лицом) – указать кому-л. на его недостатки;

das zweite Gesicht (букв. второе лицо) – ясновидение, дар провидения;

das Essen fällt jmdm. aus dem Gesicht (букв. еда падает у кого-л. из лица) – кого-л. рвет;

ein anderes Gesicht aufsetzen/machen (букв. надеть/сделать другое лицо; ‘смотреть приветливее, веселее; чаще как требование’) – 1. изменить выражение лица; 2. изменить свое отношение к чему-л.;

jmdm. mit dem Stellwagen ins Gesicht fahren *австр.* (букв. ехать кому-л. в лицо на омнибусе) – грубо наехать на кого-л., потребовать кого-л. к ответу.

4. Фразеологизмы с компонентом «Lippe» (2 единицы):

eine [dicke/große] Lippe riskieren (букв. рискнуть[толстой, большой] губой) – рискнуть высказаться откровенно (против кого-либо); заговорить вызывающе;

etwas auf den Lippen haben (букв. иметь что-л. на губах) – выражать что-л., высказывать что-л. открыто.

5. Фразеологизмы с компонентом «Mund» (15 единиц):

jmdm. etwas in den Mund legen – 2 (букв. положить что-л. в рот кому-л.) – приписывать кому-л. то, что он не говорил;

einen großen Mund haben/führen (букв. иметь большой рот) – бахвалиться; куражиться (вести себя нагло, заносчиво);

den Mund aufreißen/voll nehmen (букв. раскрывать рот / набрать полный рот) – хвастаться, важничать, зазнаваться;

den Mund [zu] voll nehmen (букв. набрать слишком полный рот) – обещать слишком много;

etwas [nicht] in den Mund nehmen (букв. в рот [не] брать чего-л.) – что-л., какое-л. слово (не) произносить; (не) использовать какое-то слово;

etwas ständig/dauernd/viel im Munde führen (букв. часто / постоянно / много держать что-л. во рту) – о чем-л. часто говорить, часто употреблять какое-л. слово; постоянно утверждать что-л.;

jmdm. nach dem Mund[e] reden (букв. говорить согласно рту чьему-л.) – поддакивать, подпевать, льстить кому-л.;

jmdm. über den Mund fahren (букв. провести/проехать кому-л. по рту) – резко оборвать, осадить кого-л.; наброситься на кого-л.;

sich etwas am/vom Munde absparen (букв. экономить, откладывать от рта) – экономить, отказывая себе в самом необходимом; экономить на еде;

Ausdrücke im Munde führen (букв. иметь, держать выражения во рту) – грубо выражаться, употреблять ругательства;

aus berufenem Munde (букв. из компетентных уст; из уст компетентного человека) – услышать что-л. от компетентного (осведомленного) человека;

jmdm. Brei/ Honig um den Mund schmieren (букв. мазать кому-л. кашу/мед вокруг рта) – льстить кому-л.;

jmdm. das Wort im Mund herumdrehen (букв. перевертывать чье-л. слово во рту) – переиначивать чьи-л. слова, извращать (или искажать) смысл чьих-л. слов;

jmdm. das Wort aus dem Mund nehmen (букв. взять слово изо рта чьего-л.) – 1. предвосхитить чью-л. мысль; 2. перебивать кого-л.

6. Фразеологизмы с компонентом «Nase» (19 единиц):

jmdm. paßt/gefällt jmds. Nase nicht (букв. кому-л. не подходит/не нравится чей-л. нос) – недолюбливать кого-либо; кто-л. не может терпеть кого-л.;

eine Nase haben (букв. у кого-л. есть нос) – у кого-л. сопли;

die Nase vorn haben (букв. у кого-л. нос впереди) – добиться победы, успехов; выиграть;

die/seine Nase in ein Buch stecken (букв. сунуть свой нос в книгу) – усердно учиться;

sich eine goldene Nase verdienen (букв. заработать золотой нос) – заработать очень много денег;

die/jmds. Nase beleidigen (букв. оскорблять чей-л. нос) – плохо пахнуть;

der Nase nach (букв. по носу) – все прямо, не сворачивая;

sich an die eigene Nase fassen (букв. хвататься за собственный нос) – беспокоиться о собственных ошибках и слабостях вместо того, чтобы критиковать (судить) других;

auf die Nase fallen (букв. упасть носом) – потерпеть неудачу, оскандалиться;

jmdm. etwas auf die Nase binden (букв. привязывать кому-л. что-л. на нос) – посвящать кого-л. в то, о чем он не спрашивает (или о чем ему не следует знать);

jmdm. in die Nase fahren (букв. ехать кому-либо в нос) – обидеться на что-либо, не нравиться кому-либо, раздражать кого-либо;

jmdm. in die Nase stechen (букв. колоть кого-л. в нос) – очень нравиться кому-либо; так нравиться кому-либо, что он хотел бы это иметь; нравиться, быть приятным кому-либо;

jmdm. in die Nase stechen швейц. (букв. колоть кого-л. в нос) – раздражать кого-либо; сердить кого-либо;

immer mit der Nase vorneweg sein (букв. всегда с носом с самого начала, сразу) – (излишне) любопытный, нескромный; назойливый; дерзкий;

sich etwas unter die Nase schieben/stecken (букв. толкнуть/сунуть что-л. под нос) – сунуть что-либо в рот, поесть;

jmdm. jmdn. vor die Nase setzen (букв. поставить кому-либо кого-либо перед носом) – поставить кого-л. начальником над кем-либо; поставить кого-л. присматривать за кем-л.;

jmdn. vor die Nase gesetzt bekommen/kriegen (букв. получить кого-либо назначенным перед носом) – назначить начальника кому-либо; поставить начальника над кем-л.; 2. сорвать, расстроить чьи-л. надежды, перспективы на повышение;

jmdn. um eine Nasenlänge schlagen (букв. победить на длину носа) – победить кого-л. с минимальным преимуществом;

um eine Nasenlänge voraus sein (букв. быть впереди на длину носа) – немного опережать кого-л.

7. Фразеологизмы с компонентом «Ohr» (21 единица):

Arsch mit Ohren (букв. задница с ушами) – противный, отвратительный, безобразный человек;

ein feines Ohr für etwas haben (букв. иметь чуткое ухо на что-то) – чутко воспринимать, тонко чувствовать, сразу улавливать что-л.;

Ohren wie ein Luchs haben (букв. у кого-л. слух, как у рыси) – у кого-л. слух, как у рыси (очень острый);

die Ohren anlegen (букв. поджать уши (например, о лошади) – напрячь все силы, чтобы по возможности без ущерба пережить тяжелую, опасную ситуацию;

sich [nicht] die Ohren brechen (букв. [не] ломать себе уши) – [не] очень напрягаться при трудной, изнурительной работе;

bei jmdm. ein geneigtes /offenes/williges Ohr finden (букв. найти у кого-либо благосклонное/открытое/охотное ухо) – встретить сочувствие у кого-л., встретить благосклонное отношение со стороны кого-л.;

jmdm. sein Ohr leihen (букв. одолжить кому-л. свое ухо) – слушать, послушаться кого-л.;

jmdm. ein geneigtes Ohr leihen/schenken (букв. одолжить/подарить кому-либо благосклонное ухо) – благосклонно внимать кому-л., выслушивать кого-л.;

jmdm. ein Ohr/die Ohren abreden (букв. кому-либо уши отговорить) – столько наговорить партнеру, что он в конце концов не в состоянии больше слушать;

ins Ohr gehen (букв. в ухо входить) – легко запоминаться (о мелодии), быть понятным и приятным;

mit den Ohren schlackern (букв. хлопать ушами) – растеряться, оторопеть; быть крайне удивленным;

mit roten Ohren abziehen (букв. уйти с красными ушами) – уйти, пристыженно удалиться;

um ein geneigtes Ohr bitten (букв. просить о благосклонном ухе) – просить выслушать себя, просить чьего-л. благосклонного внимания (к своим словам, к предмету сообщения);

jmdm. etw. um die Ohren hauen/schlagen (букв. кому-либо что-либо в уши вколачивать) – кого-л. упрекать, сильно критиковать за что-л.;

jmdm. die Ohren vom Kopf fressen (букв. съесть у кого-л. уши с головы) – жить за чей-л. счет, разорить кого-л.;

jmdn. übers Ohr hauen (букв. дать (ударить) по уху) – надуть, обмануть;

den Schalk hinter den Ohren haben (букв. у кого-л. плут за ушами) – кто-л. отъявленный плут; хитрый, находчивый, склонный к шуткам, к забавам;

dem Teufel ein Ohr abschwätzen (букв. выиграть на спор у черта ухо) – быть очень красноречивым, быть очень словоохотливым;

sich den / frischen Wind um die Ohren pfeifen/wehen lassen (букв. позволить свежему ветру свистеть, веять вокруг ушей) – набираться жизненного опыта;

8. Фразеологизмы с компонентом «Stirn» (1 единица):

jmdm., einer Sache die Stirn bieten (букв. предлагать лоб кому-либо, какому-либо делу) – противиться, противодействовать кому-чему.

9. Фразеологизмы с компонентом «Wimper»:

безэквивалентные фразеологизмы отсутствуют.

10. Фразеологизмы с компонентом «Maul» (6 единиц):

das Maul (derb)/das Mäulchen [schon] nach etwas spitzen (букв. складывать рот/мордочку) – облизываться (в предвкушении чего-л. вкусного);

jmdm. ums Maul gehen (букв. ходить кому-либо вокруг рта) – льстить, поддакивать кому-либо;

jmdm. Brei/ Honig ums Maul schmieren (букв. мазать кому-л. кашу/мед вокруг рта, пасти) – льстить кому-л., подмазываться, подъезжать, подсыпаться к кому-л.; умасливать, улещивать кого-л.;

ein großes Maul haben/führen (букв. иметь большой рот, пасть) – бахвалиться; куражиться (вести себя нагло, заносчиво);

du sollst dem Ochsen, der da drischt, nicht das Maul verbinden (букв. ты не должен завязывать рот быку или волу, который мелет) – тому, кто делает работу, должно тоже что-то достаться.

11. Фразеологизмы с компонентом «Klappe» (4 единицы):

bei jmdm. geht die Klappe runter/fällt die Klappe (букв. рот опускается/падает у кого-либо) – кто-л. замолк, стих;

die Klappe aufreißen (букв. открывать рот) – хвастаться; быть дерзким;
eine große Klappe haben (букв. иметь большой рот) – хвастаться; быть дерзким;

die große Klappe schwingen (букв. махать ртом) – хвастаться; быть дерзким.

12. Фразеологизмы с компонентом «Fresse» (1 единица):

eine große Fresse haben (букв. иметь большой рот) - сильно хвастаться.

13. Фразеологизмы с компонентом «Schnabel»:

безэквивалентные фразеологизмы отсутствуют.

14. Фразеологизмы с компонентом «Schnauze» (1 единица):

eine große Schnauze haben (букв. иметь большой рот) – бахвалиться; куражиться (вести себя нагло, заносчиво).

Таким образом, безэквивалентность в сфере фразеологии – реальное языковое явление, и необходимо инвентаризировать безэквивалентные фразеологизмы для передачи их в двуязычных словарях. Контрастивный метод изучения языков представляет собой надежный инструмент для осуществления этой задачи.

Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (На материале английского и русского языков) // Иностр. яз. в шк. – 1980. - № 5. – С. 11–17.

Девкин В.Д. Немецкая лексикография. – М., 2005.

Попова З.Д. Лексическая система языка. – Воронеж, 1984.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980.

Рецкер Я.И. Задачи сопоставительного анализа перевода. – Л., 1962.

Контрастивная лексикология и лексикография. // Под ред. И.А. Стернина, Т.А. Чубур. - Воронеж, 2006.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. - Воронеж, 2004.

Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. - Галле, 1989.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. – М., 1973.

Словари

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim, 1989.

Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Bd. 11. - Mannheim, 1992.

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Bd. 11. - Mannheim, 2002.

Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. - Stuttgart, 1993.

Большой немецко-русский словарь / Под рук. О.И. Москальской. - М., 1980.

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. - М., 1994.

Немецко-русский фразеологический словарь. / Сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. - М., 1975.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова - М., 1995.

Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А.И. Молоткова. - М., 1967.

Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. - М., 2003.

Камаль Зейнаб Альдин, О.Н. Чарыкова

Образ берёзы в лирике С. Есенина с позиции носителя арабского языка

Анализ лирических произведений С. Есенина показал, что лексика, объединённая семантическим компонентом «растение», широко представлена в его творчестве. Наиболее полное отражение получил в лирике С. Есенина мир деревьев. Важное место в поэтическом мировосприятии поэта занимает образ берёзы. Не случайно он появляется в самом первом его опубликованном стихотворении.

Берёза в поэтическом мировосприятии поэта является символом России. Об этом свидетельствуют, например, следующие употребления:

...берёзовая Русь;

Эх, берёза русская!

Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь./ В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть.

Лирический пейзаж в поэзии С. Есенина очень часто включает берёзу в качестве одного из важных компонентов русской природы:

Белая берёза под моим окном /принакрылась снегом, точно серебром.

Я помню осенние ночи, / берёзовый шорох теней...

И страна берёзового ситца / Не заманит шляться босиком...

Это дерево, как правило, вызывает у лирического героя ассоциации светлого, радостного характера:

Здравствуй, златое затишье, / с тенью берёзы в воде!

Отговорила роща золотая / Берёзовым весёлым языком...

Милые берёзовые чащи!

Чаще всего берёза ассоциируется с красивой, весёлой и нарядной девушкой:

Берёзки! / Девушки-берёзки!

Зеленокосая, / В юбчонке белой / стоит берёза над прудом.

*Улыбнулись сонные берёзки / Растрепали шёлковые косы;
под берёзкою-невестой;*

на берёзках висят галуны;

серьги звонкие повесила;

меж берёз кудрявых бус;

под косницами берёз.

Это восприятие основывается на народно-поэтических воззрениях. По данным Е. Наумова, в народном творчестве часто встречается условно-символическое обозначение деревьев, и берёза символизирует девичью чистоту (Наумов 1985, с. 224). Вероятно, такая символика обуславливается белым цветом берёзовой коры, поскольку белый цвет во многих культурах ассоциируется с чистотой и невинностью.

Не является исключением и арабская культура. Чрезвычайно интересно отметить, что в арабской культуре берёза означает целомудрие и ассоциируется с образом Девы Марии. Второе значение данной лексемы в арабском языке – «подвижник-отшельник, изнуряющий себя лишениями и молитвами во имя служения богу». То есть берёза в языковом сознании арабов ассоциируется со святостью.

В русском фольклоре и русском национальном сознании ассоциация берёзы с девушкой лишена сакральных мотивов. В поэзии же С. Есенина образ девушки-берёзки обретает конкретные телесные черты. Лирический герой выделяет в её облике и называет определённые части тела:

– стан

*Я навек за туманы и росы
Полюбил у берёзки **стан**...*

- грудь

Зелёная причёска,

***Девическая** грудь...*

*Уж и берёза!
Чудная... **А груди**...*

- колени

*За голые **колени**
Он (настух) обнимал меня (берёзку).*

- ноги

*Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать.*

Лирический герой С. Есенина, олицетворяя берёзу, воспринимает её как земную женщину и обращается с ней соответствующим образом, выражая свои чувства просто, а иногда и по-крестьянски грубовато:

Отрок-ветер по самые плечи / заголил на берёзке подол...

*Так и хочется к сердцу прижать / **Обнажённые груди берёз!**
Как жену чужую, обнимал берёзку...*

С позиции представителя арабской культуры такие действия могут быть восприняты как святотатство, как осквернение чистоты. Поэтому стихи С. Есенина могут оказать на реципиента воздействие, противоположное авторской интенции.

Таким образом, адекватное восприятие представителем арабской культуры образа берёзы в лирике С. Есенина невозможно не только и не

столько в силу отличий в этнокультурных коннотациях данной лексемы в русском и арабском языках, а главным образом в силу специфики индивидуально-авторских коннотаций.

Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. – М., 2006.

Наумов Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. – М., 1985.

К.О. Киреева

Наименования лиц по профессиям в сфере науки, образования и медицины в русском и испанском языках

В качестве предмета для контрастивного исследования нами была выбрана лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Наименования лиц по профессиям в сфере науки, образования и медицины».

Поскольку первым этапом в процессе контрастивного анализа лексики стоит выделение лексической группировки в исходном языке, нами был составлен базовый список лексем, относящихся к данной ЛСГ в русском языке. Методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка были выписаны слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке. Использовались следующие словари.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2006.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой – М., 1987.

Рогожкина Р.П. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. – М., 2005.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М., 1977.

В итоге был получен базовый список, состоящий из 463 лексем. В результате проведенной работы лексемы исходного списка были распределены по 3 крупными тематическим группам: «Профессии в сфере науки, специальных разысканий и практических исследований», «Наименования лиц по профессиям в сфере медицины, фармакологии и гигиены», «Наименования лиц по профессиям в сфере просвещения, преподавания и обучения». Рассмотрим более подробно список тематических групп в порядке убывания.

1. В русском языке группа «Профессии в сфере науки, специальных разысканий и практических исследований» (естествовед, естествоиспытатель, натуралист и др.) представлена 299 лексемами, которые объединяются в 4 микрогруппы:

1) микрогруппа «Наименования профессий в сфере естественных, точных, инженерных и технических наук и соответствующих технологий» содержит в себе 154 лексемы, которые составляют 5 подгрупп:

- номинации лиц в сфере математики, физики, химии, астрономии, наук о Земле: астроном, математик 1, физик 1 и др. – Всего 42;
- номинации лиц в сфере наук о человеке, животном и растительном мире: анатом, бактериолог, эколог и др. – Всего 38;
- номинации лиц в сфере инженерных и технических наук: акустик 2, инженер, оператор 1 и др. – Всего 34;
- номинации лиц, занятых в сфере практических разысканий, работе на исследовательских аппаратах: акванавт, астронавт 2, космонавт и др. – Всего 17;
- номинации лиц, связанных с конструированием, проектированием и испытанием: изобретатель, испытатель, конструктор и др. – Всего 15;

2) микрогруппа «Наименования профессий в сфере гуманитарных наук, общественных наук и юриспруденции» состоит из 129 лексем и включает в себя следующие подгруппы:

- номинации лиц, связанных с гуманитарными науками: гуманитарий, археолог, историк 1 и др. – Всего 102;
- номинации лиц, связанных с юриспруденцией: законовед, юрист 1, криминалист и др. – Всего 11;
- номинации лиц, связанных с общественными науками: обществовед, культуролог, социолог и др. – Всего 5;
- номинации работников музеев: музеевед, музейщик, музейщица и др. – Всего 4;
- номинации работников театра: театровед, театроведка – Всего 2;
- номинации лиц, связанных с архивным делом: архивист, архивистка – Всего 2;
- номинации лиц, связанных с музыкой: музыковед, музыковедка – Всего 2;
- номинации лиц, связанных с библиотечным делом: библиограф – Всего 1;

3) микрогруппа «Наименования профессий в сфере экономических наук, статистики; в военных науках» представлена 14 лексемами, которые объединяются в следующие подгруппы:

- номинации лиц, связанных с экономическими науками: бухгалтер, маркетолог, финансист и др. – Всего 11;
- номинации лиц, связанных с военными науками: стратег, тактик – Всего 2;
- номинации лиц, связанных со статистикой: статистик – Всего 1;

4) микрогруппа «Наименования профессий в сфере богословия» включает в себя 2 лексемы – богослов, теолог.

2. В состав группы «Наименования лиц по профессиям в сфере медицины, фармакологии и гигиены» входит 107 лексем, образующие следующие микрогруппы:

- 1) врачи-специалисты: акушер, инфекционист, педиатр и др. – Всего 80;
- 2) обиходные, оценочные, народные названия врачей: бабка, врачеватель, травник и др. – Всего 16;
- 3) общие обозначения: врач, доктор, медик и др. – Всего 11.

3. Группа «Наименования лиц по профессиям в сфере просвещения, преподавания и обучения» включает в себя **57** лексем, представленных следующими микрогруппами:

- 1) педагоги-специалисты: англичанка, биологичка, математичка и др. – Всего 39;
- 2) общие обозначения педагогов: воспитатель, инструктор, преподаватель и др. – Всего 12;
- 3) домашние учителя, наставники: бонна, гувернантка, мадам и др. – Всего 6.

Далее определялись соответствия в испанском языке для лексем, входящих в ЛСГ «Наименования лиц по профессиям в сфере науки, образования и медицины» в русском языке. Каждое слово исходного языка (русского) проверялось по двуязычным словарям, выписывались все зафиксированные в словарях переводные соответствия слова. Для этого были использованы следующие двуязычные словари и словари испанского языка.

Diccionario de la Estudiante de la lengua española. – Barcelona, 1997.

Diccionario de sinónimos y antónimos de la lengua Española. – Larousse, 2007.

Diccionario general de la lengua Española. – VOX, 2006.

Enciclopedia Universal Sopena. Diccionario ilustrado de la lengua español. – Editorial Ramón Sopena, S.A. Provenza, 1995.

Gran diccionario de la lengua Española – Segunda edición, 2005.

Guia del alumnado 1994/95. – Universidad de Granada. Vicerrectorado de Estudiantes, 1995.

Martínez Amador E. Diccionario Gramatical y de Dudas del Idioma. Barcelona, 1985.

Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. – М., 2002.

Туровер Г.Я., Ногейра Х. Большой русско-испанский словарь. - М., 2002.

Общее количество выявленных единиц составило 491. Результатом анализа полученного языкового материала явился список тематических групп, расположенных в порядке убывания.

1. В испанском языке группа «Профессии в сфере науки, специальных разысканий и практических исследований» представлена 301 лексемой, которые объединяются в 4 микрогруппы:

- 1) микрогруппа «Наименования профессий в сфере естественных, точных, инженерных и технических наук и соответствующих технологий»

(naturalista, investigador, explorador, prospector) содержит в себе 170 лексем, которые составляют 5 подгрупп:

- номинации лиц в сфере математики, физики, химии, астрономии, наук о Земле: analista, geodesta, agrimensor de minas и др. – Всего 50;
- номинации лиц в сфере наук о человеке, животном и растительном мире: anatomista, antropologo, botanista и др. – Всего 45;
- номинации лиц в сфере инженерных и технических наук: aviador, aeronauta, ingeniero и др. – Всего 41;
- номинации лиц, связанных с конструированием, проектированием и испытанием: inventor, probador, constructor и др. – Всего 15;
- номинации лиц, занятых в сфере практических разысканий, работе на исследовательских аппаратах: submarinista, cosmonauta, investigador del polo и др. – Всего 12;

2) микрогруппа «Наименования профессий в сфере гуманитарных наук, общественных наук и юриспруденции» состоит из 105 лексем и включает в себя следующие подгруппы:

- номинации лиц, связанных с гуманитарными науками: arabista, orientalista, indianista и др. – Всего 82;
- номинации лиц, связанных с юриспруденцией: legista, jurista, legisperito и др. – Всего 8;
- номинации лиц, связанных с общественными науками: sociólogo, demógrafo, futurólogo и др. – Всего 6;
- номинации работников театра: teatrólogo, especialista en la ciencia del teatro. – Всего 3;
- номинации лиц, связанных с библиотечным делом: bibliógrafo. – Всего 2;
- номинации работников музеев: museólogo и др. – Всего 2;
- номинации лиц, связанных с музыкой: musicólogo. – Всего 2;

3) микрогруппа «Наименования профессий в сфере экономических наук, статистики, в военных науках» представлена 25 лексемами, которые объединяются в следующие подгруппы:

- номинации лиц, связанных с экономическими науками: gerente, director, manager и др. – Всего 19;
- номинации лиц, связанных с военными науками: estratega, táctico. – Всего 3;
- номинации лиц, связанных со статистикой: estadista, estadístico. – Всего 3;

4) микрогруппа «Наименования профессий в сфере богословия» включает в себя 2 лексемы – teólogo, teóloga.

2. В состав группы «Наименования лиц по профессиям в сфере медицины, фармакологии и гигиены» входит 150 лексем, образующих следующие микрогруппы:

1) микрогруппа «Наименования врачей-специалистов»: partero, comadre, dentista и др. – Всего 124;

2) микрогруппа «Обиходные, оценочные, народные названия врачей»: *algebraista, curandero, ensalmador* и др. – Всего 15;

3) микрогруппа «Общие обозначения»: *medico, doctor, galeno* и др. – Всего 11.

3. Группа «Наименования лиц по профессиям в сфере просвещения, преподавания и образования» включает в себя 40 лексем, представленных следующими микрогруппами:

1) микрогруппа «Общие обозначения педагогов»: *educador, instructor, monitor* и др. – Всего 15;

2) микрогруппа «Наименования педагогов-специалистов»: *maestrante, maestro de danza(s), repetidor* и др. – Всего 14;

3) микрогруппа «Наименование домашних учителей, наставников»: *ava, institutriz, instructor* и др. – Всего 11.

Обратимся к сопоставительному анализу тематических групп ЛСГ «Наименования лиц по профессиям в сфере науки, образования и медицины». Напомним, что в ходе проведенной работы базовый список лексем, относящихся к наименованиям лиц по профессиям в указанных сферах, в русском языке составил 463 лексемы, а в испанском 491. Ранжирование тематических групп в обоих языках сопоставления одинаково, различается лишь количество лексем, входящих в каждую из групп. И в русском, и в испанском языках самой многочисленной оказалась группа «Профессии в сфере науки, специальных разысканий и практических исследований», так как в её состав входит наибольшее количество лексических единиц: в русском 299, в испанском 301.

Более малочисленной оказалась группа «Наименования лиц по профессиям в сфере медицины, фармакологии и гигиены», которая содержит 107 и 150 лексем соответственно. Группа «Наименования лиц по профессиям в сфере просвещения, преподавания и обучения в русском языке» включает в себя 57 лексических единиц, в испанском языке 40. Ярких различий в составе и ранжировании микрогрупп и подгрупп, входящих в их состав нет. Единственным отличием группы «Профессии в сфере науки, специальных разысканий и практических исследований» в русском языке от аналогичной в испанском является наличие подгруппы «Номинации лиц, связанных с архивным делом», представленной двумя лексемами. Отметим, что данная подгруппа в испанском языке нами выделена не была, так как не зафиксировано ни одной лексической единицы.

Собранный материал является базой для последующего, более детального контрастивного семантического анализа выделенных единиц.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.

Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М., 2000.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М., 2007.

М.М. Литвинова

**Художественно-изобразительные возможности и
стилистические функции средств выражения категории
интенсивности признака
(на материале ранних сатирических произведений М.
Булгакова)**

В сатирических произведениях М. Булгакова 20–30-х гг. XX в.¹, в которых складывалось эстетическое своеобразие мастера, оттачивались характерные приемы работы со словом, писатель широко использует богатые возможности категории интенсивности. Она выполняет синтезирующую функцию и, реализуя авторское мировосприятие и авторские целеустановки, объективируется на всех уровнях художественной системы, а именно:

- на жанровом уровне, так как преувеличение как одно из проявлений категории интенсивности в словесном творчестве характерно для жанров сатиры (рассказы и фельетоны) и сатирической фантастики² (повести «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»);
- содержательном: три повести Булгакова посвящены осмыслению современности через показ событий-катастроф³, рассказы строятся на гиперболизации масштабов, роли и оценки происходящего;
- сюжетно-композиционном: в произведениях даются *концентрированные* варианты развития событий, описываются кульминационные моменты жизненного пути героев, напряженные формы деятельности, человеческой и предметной активности; устойчивые мотивы наполняются в авторской системе символической значимостью⁴;

¹ Материалом исследования послужили три повести и 125 рассказов, опубликованных в пятитомном собрании сочинений М. Булгакова (Булгаков 1989).

² Как считает Н.Д. Арутюнова, отступая от жизненного стандарта, «даже если автор сосредоточен на прозе жизни, он прибегает к такому методу ее обработки, который выводит ее за пределы нормы, а иногда и реальности. Этим целям служит гротеск, глобальная гипербола (раблезианство), сатира, комедийность, фарс, шарж, остранение, обманутое ожидание» (Арутюнова 1988, с. 312).

³ «Катастрофичность» булгаковских фабул, кроме прочего, Е.А. Яблоков связывает с обостренным интересом писателя к «сверхъестественному» (Яблоков 2001, с. 142); другой устойчивый мотив произведений писателя, по его мнению, это «ситуация «форсированного» прорыва к Истине, действительного или мнимого» (там же, с. 233).

⁴ Е. Замятин отмечает, что «Дьяволиаде» присуща «быстрая, как в кино, смена картин» (Булгаков 1989, с. 664). Сам Булгаков соглашается с тем, что в его произведениях «редкая стремительная фабула» (Булгаков 1997, с. 62).

- на уровне образного строя: положительные герои – профессора-интеллектуалы, совершающие открытия «мирового масштаба»; отрицательные герои – деградирующие типы, деятельность которых опасна не только для окружающих, но и для всего человечества;

- и, наконец, на уровне языка художественных произведений, включающих разные способы интенсификации высказывания.

Цель данной статьи – изложение результатов анализа семантики имен прилагательных как выразителей интенсивности признака и одного из важнейших средств экспрессивной стилистики. Их сопоставительное изучение проводится в рамках лексико-семантических микрогрупп, обусловленных словообразовательными связями с мотивирующими словами. При этом в центре внимания – функционирование анализируемых речевых средств, подвергшихся художественной обработке, реализация их системных характеристик в плане участия в образной организации текста.

Перечислим некоторые из них.

1. Лексемы *страшный, ужасный, жуткий* и им подобные выявляют эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения и имеют в словарях помету *разговорное*. В фантастических повестях М. Булгакова контекст актуализирует, как правило, сразу три значения перечисленных лексем: количественное, эмоциональное и оценочное. Объект описания, характеризующийся количественным превышением *нормы* того класса, к которому принадлежит сам, оценивается повествователем (автором или персонажем) резко негативно и вызывает соответствующую такой оценке эмоциональную реакцию: *Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злостью и резвостью. Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спруты щупальцами* (Роковые яйца).

С различием прилагательных в роли интенсификатора или интенсификатора связан прием создания комической интриги. Так, в рассказе «Золотистый город. Пища богов» предложение *Жуткая свинья* занимает позицию абсолютного начала и тем самым провоцирует возможность двоякой интерпретации (в силу разной референтной отнесенности): 1) как сочетания интенсификатора с существительным в прямом номинативном значении – размерно-эмоциональной характеристики животного (очень крупная свинья) или 2) как сочетания интенсификатора с существительным в синтаксически обусловленном значении (человек очень низких этических качеств). Проясняет ситуацию дальнейший контекст, содержащий сходное противопоставление: *Жуткая свинья. От угла рояля до двери в комнату Анны Васильевны ...Сто восемнадцать*

пудов свинья... – Нет, ты скажи, ты сам видел? – Ну... мне Петров рассказывал... Чудовищная свинья! – Лгун твой Петров чудовищный... В данном примере знак оценочного компонента, находящегося в структуре значения интенсива, не очевиден (*ужасная* по размерам *свинья* как выставочный образец достижений народного хозяйства – это хорошо или плохо?). Чаще, однако, оценочные компоненты в структуре значения интенсификатора и слова, к которому он относится, коррелируют и усиливают друг друга.

Нередко писатель прибегает к увеличению экспрессивности подобных словосочетаний за счет нарушений эксплицитных синтагматических связей между членами. Так, конструкция с порядком слов *произошло ужасное событие* обладает меньшей выразительностью, чем те, в которых опущен один из членов данного сочетания слов, а другой выдвинут в конец предложения, фразы и снабжен эмфатическим ударением. В повести «Дьяволиада» измученный происшествиями – кражей денег и документов, встречей с Кальсонером – Коротков говорит: – *У меня... э... произошло ужасное*. Схожая фраза в повести «Роковые яйца» также подчеркивает «знаковую» роль последующих перечислений: *Произошли события, и притом одно за другим. Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на 11 с ¼...* Регулярный характер рассматриваемых конструкций позволяет говорить об относительной ассоциативной спаянности компонентов этого сочетания слов в идиостиле М. Булгакова.

2. Лексемы эмоционально-интеллектуального отношения говорящего к предмету сообщения – *удивительный, поразительный, изумительный* и др. – также обозначают виды регулярно испытываемых рассказчиком и героями Булгакова эмоций, возникающих у них под воздействием высокой степени свойств каких-либо предметов или явлений художественной действительности. В значении «вызывающий удивление, поразительный, странный» (Словарь русского языка 1999) прилагательное *удивительный* используется Булгаковым при характеристике ирреальных и реальных событий, отклоняющихся от нормы, естества: *В утренних газетах появилась удивительная заметка: «Слухи о марсианине в Обуховом переулке ни на чем не основаны. Они распущены торговцами с Сухаревки и будут строго наказаны. Можно предположить, что удивление доктора Борменталья (Собачье сердце) вызвано не только содержанием слухов, но и самой заметки. Интересно, что в мире булгаковских произведений удивление персонажей вызывают не столько фантастические события (которые составляют «норму» этого вымышленного мира), сколько их частности. В следующем примере из повести «Роковые яйца» эмоции повествователя вызваны не самим появлением куриной болезни, ее масштабами и последствиями, а лишь параметрами распространения: Куриный мор удивительным образом задержался как раз на польской и*

румынской границах.. Подобная «наивность» рассказчика в рассматриваемом цикле является стилевым авторским приемом.

Однако чаще факты и события окружающей жизни вызывают у булгаковских персонажей более сильное чувство – *изумление*, т.е. «крайнее удивление» (Словарь русского языка 1999). Использование адъективированных причастий *изумительный*, *изумленный* характеризуется большей экспрессивностью, поэтому герои Булгакова часто употребляют их по отношению к фактам, резко отклоняющимся от «нормы привычного» для них, например, экспериментам профессоров Преображенского и Персикова: *Ф. Ф., как истый ученый, признал свою ошибку – перемена гипотеза дает не омоложение, а полное очеловечение (подчеркнуто три раза). От этого его изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше* (Собачье сердце); – *Меня, господин профессор, вы не пожелали познакомить с результатами вашего изумительного открытия, – сказал он [Альфред Бронский] печально и глубоко вздохнул, – пропали мои полтора червяка* (Роковые яйца). Словоформа *изумительный* встречается не только в роли интенсификатора, но и интенсификатора: *изумительной красоты сапоги* (очень красивые сапоги). Теряя положительную оценочность, она становится элементом булгаковского окказионального словоупотребления: *Я бы этого Швондера повесил, честное слово, на первом суку, – воскликнул Филипп Филиппович, – сидит изумительная дрянь в доме, как нарыв* (Собачье сердце). В идиостиле писателя образования ее деривационного гнезда несут концептуальную значимость не только благодаря частоте употребления⁵ но и тому, что регулярно передают константные смыслы, например, составляют неперемнную портретную деталь его отрицательных героев: (о Рокке) *Лицо вошедшего произвело на Персикова то же впечатление, что и на всех, – крайне неприятное впечатление. Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями* (Роковые яйца); ср.: *При такой жизни хорошего бога не сочинишь, и бог северных некультурных людей – безобразный, с дико-изумленными глазами, неумный...* (1-я детская коммуна). Прилагательные этой группы ярко демонстрируют различия в устройстве узуальной и авторской градационной шкалы. В следующем примере они формируют текстовую синонимическую парадигму, которая, в отличие от узуальной, характеризуется нарастанием интенсивности признака при нисходящей градации: *Молодые люди и девицы держались так, словно ничего изумительного не было в том, что голый человек разъезжает в поезде и осматривает усадьбы, но старого скорбного Иону голый поразил и удивил* (Ханский огонь).

⁵ В повестях они более чем в 18 раз превышают средние показатели, зафиксированные в Частотном словаре русского языка (М., 1986).

3. Лексемы *ослепительный, блистательный, оглушительный, громкий, вопиющий, потрясающий* и т.д. по происхождению являются выразителями сенсорной оценки силы света, звука, тактильных ощущений, т.е. свойств и процессов, способных оказывать интенсивное воздействие на воспринимающий субъект: *Это **вопиющее** нарушение* (Охотники за черепами); *Опыты эти дали **потрясающие** результаты* (Роковые яйца). Для обозначения «нормы» признака часто используется негативная конструкция: *Два дня я ходил по Москве и, представьте, нашел место. Оно **не было** особенно блестящим, но и **не хуже** других мест: также давали крупу и также жалованье платили в декабре за август* (Воспоминание...). Условия текстовой антонимии способствуют «выветриванию» внутренней формы прилагательных рассматриваемой группы, а каламбурное словоупотребление, совмещающее прямые и переносные, интенсифицирующие, значения способствует ее «оживлению»: *Я...сочинил **ослепительный** проект **световой** торговой рекламы. Что проект этот был хороший, показывает уже то, что, когда я привез его на просмотр моему приятелю, инженеру, тот обнял меня, поцеловал и сказал, что я напрасно не пошел по инженерной части: оказывается, своим умом я дошел как раз до той самой конструкции, которая уже светится на Театральной площади. Что это доказывает? Это доказывает только то, что человек, борющийся за свое существование, способен на **блестящие** поступки* (Москва 20-х годов).

4. Лексемы *невиданный, неслыханный, невообразимый, непередаваемый* и др. своей внутренней формой указывают на то, что сенсорные возможности, ментальные и этические способности говорящего (или членов социума в целом) ограничены в плане оценки и выражения степени градуируемого признака: *И в глазах этих мерцала совершенно **невиданная** злоба* (Роковые яйца); – *Сейчас, граждане, вы увидите феномен **неслыханного** качества – подлинную египетскую мумию, привезенную 2500 лет назад* (Египетская мумия); ***Невыносимую** дрожь отращения возбуждают во мне твои лягушки* (Роковые яйца); *Словом, он **немыслим** в человеческом обществе* (Москва 20-х годов); *Глаза в зелени тотчас же загорелись **непримиримую** ненавистью к этой опере* (Роковые яйца); ***Необозримые** пространства земли еще долго гнили от бесчисленных трупов крокодилов и змей* (Роковые яйца) и т.д.

Частотна ситуация, когда автор-рассказчик или персонаж-рассказчик оказывается не в состоянии постигнуть и передать доступными ему вербальными средствами величину градуируемого свойства, которым обладает объект изображения: *Это, знаете ли, будет такая штука, такая штука... Совершенно **неописуемая** штука* (Серия ноль шесть №0660243); *Словом, совершенно какой-то **неописуемый** вокзал* (Путевые заметки. Скорый №7 Москва – Одесса); *Вежливости **неописуемой** человек в кожаной тужурке спросил...* (Путевые заметки. Скорый №7 Москва – Одесса) и т.д. Для передачи того же смысла Булгаков прибегает к семантическому развертыванию, широко вовлекая в него средства

лексико-грамматического варьирования: *Что за это время происходило в знаменитом городе, **никакому описанию не поддается** (Киев-город); Тут и началось то самое, чего, по мнению корреспондента, **описать нельзя**. Поэтому и описывать не будем (Чертовщина); **Нет. Слов для описания** черного бюста Карла Маркса, поставленного перед Думой в обрамлении белой арки, у меня **нет** (Киев-город) и т.д. Запрет может быть и вполне осознанным, налагаемым на повествователя этическими соображениями: ...на плечах у меня был бараний полушубок. **Не стану описывать его. Не стану**, чтобы не возбуждать в читателе чувство отвращения, которое и до сих пор терзает меня при воспоминании об этой лохматой дряни (Воспоминание...); Но я ведь, кажется, хотел сказать о носках. **Нет. Не буду** я о носках говорить ничего, чтобы не получить в дополнение к гриппу еще развитие желчи. **Не буду** (Акафист нашему качеству).*

5. Лексемы *сказочный, волшебный, фантастический, сверхъестественный, чудовищный* и др. акцентируют такую высокую степень признака, которая представляется повествователю нереалистичной, выходящей за пределы нормы, естества. Прежде всего, конечно, их употребление касается атрибутов фантастического мира: *Микроскопы были заряжены новыми препаратами, в камере под лучом зрела со **сказочной** быстротой рыба и лягушачья икра; Серенькие амебы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней (словно **волшебным** образом) оживали Наутро город встал как громом пораженный, потому что история приняла размеры странные и **чудовищные** (Роковые яйца); Затем события покатились со **сверхъестественной** быстротой (Багровый остров) и т.д. Признаки данных объектов кажутся повествующему чрезмерно интенсивными.*

В нереалистичном ключе автором оцениваются также события, факты, когда-то, очень давно, имевшие место, но утраченные: *...гигантский магазин Эм-пе-о в **легендарные** (т.е. дореволюционные, высоко оцениваемые Булгаковым. – М.Л.) времена назывался Елисеев (Москва краснокаменная); или имеющие место, но аномальные, не обладающие правом на существование с точки зрения развития цивилизации и прогресса: Жизнь перестанет казаться какой-то **колдовской** маетой у одних на сундуке в передней, у других в 6 комнатах в обществе неожиданных племянниц (Москва 20-х годов). Встречаются примеры и чисто эмоционального словоупотребления: ...клоун Лазаренко ошеломляет **чудовищным** сальто! (Столица в блокноте); Рики-Тики-Тави – главнокомандующий всеми вооруженными силами острова, **фантастический** ненавистник мавров, но огненной воде не враг (Багровый остров) и др.*

6. Высокая положительная или отрицательная эмоциональная оценка предмету или событию дается с помощью лексем сакрально-инфернальной семантики *божественный, райский, чертовский, дьявольский* и пр.: *После второй рюмки **божественная** теплота разлилась у меня внутри и*

благодущие приняло меня в свои объятия («Московские сцены»); Запах омолодил меня, поднял с брюха, жгучими волнами стеснил двое суток пустующий желудок, запах, победивший больницу, **райский** запах рубленой кобылы с чесноком и перцем (Собачье сердце). Значение качественной характеристики возникло у них на основе первоначального относительного значения, которое нередко актуализируется в булгаковских контекстах: ...А мой любимый бог – бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой, от него пахнет махоркой. Он и меня зацепил своей кистью, и до сих пор я храню след **божественного** прикосновения на своем осеннем пальто, в котором я хожу и зимой (т.е. обнадеживающего и потому очень приятного прикосновения + прикосновения бога) (Столица в блокноте). Ср. также актуализацию оттенка сравнения, уподобления: Осенью, глядя на сверкающие **адским** пламенем котлы с асфальтом на улицах, я вздрагивал от радостного предчувствия (Столица в блокноте).

Эпитет *чертов* интенсифицирует отрицательную оценку объекта описания: *Драп, драп. О, чертова дерюга! Я не могу описать, насколько я мерз. Мерз и бегал. Бегал и мерз* (Сорок сороков). А в следующем примере совмещает значение интенсивности с актуализацией смыслов, свойственных булгаковскому художественному миру. Такие явления послереволюционной действительности, как *уплотнение* и вызванная им *теснота* в доме, – элементы «дьявольского» переустройства мира. В рассказе «Московские сцены» хозяин квартиры, желающий отстоять от притязаний новой власти принадлежащую ему жилплощадь, говорит пришедшим его уплотнять представителям домового комитета и пострадавшим от намеренно созданного им беспорядка: – *Вот видите, товарищи... я предупреждал: чертова теснота*⁶. В повестях прилагательные сакрально-инфернальной семантики и их дериваты устойчиво связаны с передачей подтекстных смыслов и мифопоэтических ассоциаций (Яблоков 1997, 2001). Из средств простой интенсификации высказывания они становятся средством авторской иронии и сатиры: – *А вы знаете, Александр Семенович, – сказала Дуня, улыбаясь, – мужики в Концовке говорили, что вы антихрист. Говорят, что ваши яйца дьявольские. Грех машиной выводить. Убить вас хотели* (Роковые яйца).

7. Среди прилагательных – показателей высокой положительной или отрицательной оценки – выделяется группа лексем общей оценки и их эмоциональных синонимов (*замечательный, превосходный,*

⁶ Ср. Разговор Филиппа Филипповича со швейцаром («Собачье сердце»):

– ...а в третью квартиру жилтоварищей вселили. ...целых четыре штуки.
– Боже мой! Воображаю, что теперь будет в квартире. Ну и что ж они?
– Да ничего-с.
– А Федор Павлович?
– За ширмами поехали и за кирпичом. Перегородки будут ставить.
– **Черт** знает, что такое!

восхитительный и т.д.) в роли интенсивов и интенсификаторов: *Шикарный* дом Эльпит... (№13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна); *И на человеческой глупости блестящая, великоленная амальгама того специфического смрадного хамства, которым пропитаны многие, очень многие замоскворецкие мещане!* (Комаровское дело).

Для Булгакова характерно их амбивалентное употребление, например, передача высокой степени негативного признака с помощью прилагательных противоположных оценочных знаков ср.: *замечателен* квартирный вопрос, ср. *самый ужасный вопрос в Москве – квартирный; великоленный* звездный разрыв на бедре (очень большой, что очень плохо) и т.д.

Благодаря свойству оценочных прилагательных истолковываться «по-разному в зависимости от того, какие категории предметов они характеризуют» (Арутюнова 1988, с. 6), прилагательные этой группы часто употребляются в иронических контекстах. В них, например, может противопоставляться высокая положительная оценка одного из признаков или части признаков предмета и очень низкая оценка другой части признаков, которая и определяет общую оценку предмета. В фельетоне «Война воды с железом» *железнодорожное* лицо, выписывающее билет на поезд, говорит воднику: – *Замечательное* местечко. Сидеть можете, курящее, просторно и отдельно... Водник прочитал резолюцию, покачулся, глаза вытаращил и сказал: – Большое мерси! Было написано: «Выдать ему одно место в сортире второго класса до Тамбова».

Интересно, что в роли чистого интенсификатора Булгаков употребляет и прилагательное *хороший*, которое на узуальной градационной шкале маркирует «норму» оценки признака, а не ее высокую степень: *Театр для меня – наслаждение, покой, развлечение, словом, все что угодно, кроме средства нажать новую хорошую неврастению, тем более что в Москве есть десятки возможностей нажать ее без затраты на театральные билеты* (Столица в блокноте).

8. На высокую степень интенсивности признака указывают и эмоциональные синонимы непроизводных параметрических прилагательных: *огромный, громадный, гигантский, колоссальный, мощный* и др. Эта группа является одной из самых многочисленных⁷. «Синонимы данного ряда отличаются от большинства параметрических прилагательных тем, что содержат указание на отклонение значения параметра не от нормы, а от очень большой величины, т.е. от величины, уже намного превосходящей норму» (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2000, с. 238). Выступая в роли интенсивов и интенсификаторов, они нередко обладают синкретизмом семантики

⁷ Например, в повестях зафиксировано: *огромный* – 24 словоупотребления, *громадный* – 16 словоупотреблений, *гигантский* – 7 словоупотреблений, *колоссальный* – 2 словоупотребления, *грандиозный* – 2 словоупотребления, *грандиозный* – 2 словоупотребления и т.д.

(совмещая параметрическое и оценочное значение) и несут на себе отпечаток индивидуально-авторского словоупотребления: *Новый Брянский вокзал **грандиозен** и чист* (Путевые заметки. Скорый №7 Москва – Одесса); *В дивных парках над обрывом – **великий** покой. ...В садах **большой** покой. В Царском светлая тишина* («Киев-город»); ***Большое** было время; Да что говорить. Был дом... **Большие** люди – **большая** жизнь* (№13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна).

Персонажей М. Булгакова, живущих в переломную эпоху, эпоху социальных катаклизмов, как правило, окружают предметы, значительно превосходящие и «абсолютный эталон» – размеры человека, и средние нормы своего класса. В этом – объективное веяние времени (в отдельных рассказах и фельетонах, например, «Торговый ренессанс», «Золотистый город» и др., писатель выступал репортером НЭПа, сталинских социалистическихстроек) и субъективные ощущения булгаковского героя, историческими событиями отброшенного на дно жизни, но неизменно стремящегося подняться на ее вершины (Дьяволиада). В этом и философия писателя: маленький человек не способен бороться со злом, это может делать только недюжинная личность: пример – гиперболическое восприятие «нерешительными докторами» действий героини: *В освещенном четырехугольнике коридора предстала в одной сорочке Дарья Петровна с боевым и пылающим лицом. И врача и профессора ослепило обилие **мощного** и, как от страха показалось обоим, совершенно голого тела. В **могучих** руках Дарья Петровна волокла что-то, и это что-то, упираясь, садилось на зад, и небольшие его ноги, крытые черным пухом, заплетались по паркету... Дарья Петровна, **грандиозная** и нагая, тряхнула Шарикова, как мешок с картофелем, и произнесла такие слова...* (Собачье сердце).

Иного стилистического эффекта – комического – добивается писатель, актуализируя собственно лингвистические свойства прилагательных данной микрогруппы. Он возникает, например, из-за неожиданного столкновения терминологических образований, обладающих эмоционально-экспрессивной нейтральностью (здесь – названия советских бюрократических учреждений) и слов со значением эмоциональным, размерно-интенсифицирующим: – *Это вопиющее нарушение!* – кричал заступник, конвоируемый Антиповым воинством, – *я подам заявление в **малый** Совнарком, а если не поможет, то в **большой**.* – *Хучь в **громадный**, – пыхтели храбрецы, – Совнарком разбойникам не потатчик* (Охотники за черепами).

9. Отдельно выделим группу лексем – показателей уникальности признака: *Бескорыстная реклама Ярону, верьте совести: **исключительный** талант* (Столица в блокноте); *Случай был **экстраординарный*** (Самогонное озеро); *Христи был **гениален*** (Дом Эльпит-Рабкоммуна); *Стук в яйцах был **триумфальным** стуком для Александра Семеновича* (Роковые яйца); *Посреди буйно разросшегося сада дом с мезонином **идеальной** чистоты* (Путешествие по Крыму).

10. Лексемы *предельный, крайний, первый, последний* и т.д. реализуют значение очень высокой степени признака как предельное, не способное к дальнейшему повышению: *После карикатурной провинции без газет, без книг, с дикими слухами – Москва, город громадный, город **единственный**, государство, в нем только и можно жить* (Бенефис лорда Керзона); *Персиков сдвинул очки на лоб, потом передвинул их на глаза, всмотрелся в рисунок и сказал в **крайнем** удивлении...* (Роковые яйца); *В общем, сели они за столики и напились до **предельной** нагрузки* (Негритянское происшествие). Естественно, что предельные значения признаков, которыми обладают объекты, различны как для отдельных носителей, так и целых классов. Акцентуация этого противопоставления также способна вызвать комический эффект: *Развил наш поезд такую скорость, что, представьте, потерял я пенсне из окна, так проводник соскочил, подобрал и рысью поезд догнал. Я кричу тогда... Развить, говорю, мне в 24 секунды скорость, **предельную** для товарных поездов на означенном участке!* (Беспокойная поездка).

Время, в которое живут герои Булгакова – рубеж двух эпох, события, которые с ними происходят, заставляют их совершать нетрадиционные поступки, требуют от них предельного напряжения сил: ***Последнее** их [греков-оккупантов, выведенных из Одессы. – М.Л.] слово было русское слово: – Вата!* (выражающее, по-видимому, квинтэссенцию текущего момента). Взгляд на более или менее ординарные поступки окружающих сквозь призму крайности отличает и самого автора-рассказчика, сохраняющего в «нехорошей квартире» известную долю юмора (о председателе домкома, нечаянно пробудившем в пьяном квартхозе желание совладать с собственной женой): *Это был **первый** случай в жизни нашего председателя, когда он не обрадовался своим словам* (Самогонное озеро). В подобном словоупотреблении прилагательные совмещают интенсифицирующее значение с временным (см. выше) или качественно-степенным: *Пожарные ужинают кашей, как вам известно. Но это – **последнее** дело, вроде грибов; Вот **последнего** холуя именно и приятно бывает тянуть за лодыжку. Боишься – получай! Раз боишься, значит, сто'ишь...* (Собачье сердце) *После карикатурной провинции без газет, без книг, с дикими слухами – Москва, город громадный, город **единственный**, государство, в нем только и можно жить* (Бенефис лорда Керзона).

11. В противоположность предыдущей группе лексемы *безмерный, безграничный, беспредельный, бесконечный* представляют высокую степень признака как не имеющую естественного предела, способную возрасти до бесконечности. Единицы данной микрогруппы выражают и иронические и неиронические смыслы (в зависимости от того, в какой степени выветрилась внутренняя форма): *– Поверьте, Филипп Филиппович, вы для меня гораздо больше, чем профессор, учитель... Мое **безмерное** уважение к вам...* (Собачье сердце); *Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него **бесконечная** вереница* (Похождения Чичикова); *Вышел Хикин на станцию и увидел замечательное объявление: ...ОТПО*

предлагает своим покупателям **безграничный** кредит (Сапоги-невидимки).

12. Была выделена также группа прилагательных, которые указание на интенсивность признака сочетают с указанием на его действительность, достоверность, соответствие естественной норме: *Но только одно условие: кем угодно, когда угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо иной не мог бы даже подойти к дверям моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая. Броня* (Собачье сердце). Интересен следующий пример, в котором значение признака, усиленного интенсификатором, приобретает собственное имя, становясь нарицательным: *Когда небесный гром (ведь и небесному терпению приходит предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, **настоящий** Лев Толстой...* (Киев-город).

Авторский выбор перечисленных прилагательных чаще всего связан с оживлением их внутренней формы и ориентирует на восприятие слова в его семантической многоплановости. Высокие экспрессивные возможности данных единиц предопределяют их использование с целью создания разнообразных стилистических эффектов – иронии и пародии, каламбурного и оксюморонного употребления, буквализации и двойной актуализации значения слова.

Другая особенность рассматриваемых групп прилагательных заключается в широком деривационном и грамматическом варьировании наиболее релевантных для писательского идиостиля лексем. Так, например, в переносном значении лексема *мертвый* (имеющий сходство с крайней формой жизнедеятельности человека, лишенный жизненности, оживления, замерший, тихий (Толковый словарь русского языка 2000 т. 2, с. 189) и ее дериваты, сохраняющие корневую сему предельности, зафиксированы в следующих словоупотреблениях (как правило, они характеризуют героев, испытывающих резко отрицательные эмоции, чаще всего страх): *Это ученик Фисухин, – предал Фисухина **мертвый** преподаватель, – он змею валериановыми каплями напоил* (Просвещение с кровопролитием); *Покорнейше благодарим, – беззвучно ответил **полумертвый** Хвостиков* (Кондуктор и член императорской фамилии); *Панкрат, и так боявшийся Персикова, как огня, теперь испытывал по отношению к нему одно чувство: **мертвенный** ужас* (Роковые яйца); *При этом лучше всех, глубже и **мертвеннее** молчал зеленоватый Коротков* (Дьяволиада); *В 10 пришел младший дворник (выпивший слегка), в 10 ч. 20 м. старший (**мертво** пьяный) (Самогонное озеро). Ср. также глагольные образования: *Но почему же? – **мертвея**, спросил Талалыкин* (Стенка на стенку); *...**помертвевшая** барышня выскочила вон* (Мадмазель Жанна). В этих примерах интересно взаимодействие корневой интенсивности (предельности) и семантики аффиксальных морфем (дериваты неполноты признака *полумертвый*, *мертвея* и суперлатив *мертвеннее всех*). Тем самым пристрастие автора к определенным интенсивам и*

интенсификаторам способно передавать значимую информацию о языковой личности. В частности, вышеприведенные наблюдения подтверждают замечание исследователя творчества Михаила Булгакова Е.А. Яблокова о том, что «для мироощущения писателя и его героев весьма характерно состояние экзистенциального распутья, “диффузии” потустороннего и посюстороннего миров, взаимопроникновение которых осуществляется в самых различных формах...» (Яблоков 2001, с.32)⁸. Таким образом, осмысление поведения слова в тексте, в том числе выразителей интенсивности признака, позволяет сделать выводы, касающиеся не только мира отдельного художественного произведения, но и авторского индивидуального стиля в целом.

Другая особенность употребления перечисленных прилагательных – возможность выступать в условиях синонимической внутригрупповой и межгрупповой замены (например, при обозначении большого количества): *Пирожные бесчисленными рядами устилают прилавки. Все это чудовищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают, и сказочные, астрономические цифры миллионов... пропускают в день блестящие, неустанно щелкающие кассы* (Торговый Ренессанс). Нередки случаи «нанизывания» интенсивов и интенсификаторов: **всемирный феноменальный бас** (№13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна).

В произведениях Булгакова широко употребляются также прилагательные, интенсифицирующее значение которых имеет связанный, обусловленный характер: *в пучину самого голого атеизма; признаки бурной энергии; ввиду вашего упорного противодействия* и т.д. Оно сохраняется и в случаях изменения дистрибуции: *В океане, издавна за свои бури и волнения названном Тихим, под 45-м градусом находился огромный необитаемый остров, населенный славными и родственными племенами – красными эфиопами, белыми арапами и арапами неопределенной окраски, получившими от мореплавателей почему-то кличку махровых* (Багровый остров) (ср.: *махровый* – 2. перен. ярко выраженный со стороны какого-н. отрицательного качества. *Махровое мещанство. Махровый реакционер* (Ожегов 1999).

Несмотря на разнообразие имеющихся средств и способов выражения интенсивности качественного признака, М. Булгаков тяготеет к единицам, имплицитным компонент интенсивности в своей семантике. Это дает ему возможность акцентировать семантическую двуплановость (многоплановость) применяемых образных средств – актуализировать одновременно и абстрактный компонент интенсивности, относящийся к понятийному содержанию слова, и конкретное наглядно-чувственное, эмоциональное представление о тех или иных предметах или явлениях действительности.

⁸ Им приводится перечень героев, так или иначе имеющих всякого рода «пограничные» положения между жизнью и смертью. Ср. также названия рассказов: «Мертвые ходят», «Когда мертвые встают из гробов», «Приключения покойника».

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. – М., 1997.

Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. – М., 2001.

Источники языкового материала

Булгаков М.А. Собрание сочинений в 5-ти томах. – М., 1989.

Булгаков М.А. Дневник. Письма. 1914 – 1940. – М., 1997.

Словари

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. – М., 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.

Лю Цзин

Отражение славянского язычества в русском языке и в национальной культуре

Язычество — общее название первобытных неатеистических религий, основанных на многобожии. Славянское язычество являлось составной частью комплекса воззрений, верований и обрядов первобытного человека на протяжении многих тысячелетий. При князе Владимире и до Владимира Русь была языческой страной. Язычество на Руси прошло сложный многовековой путь и глубоко укоренилось в сознании населения. До сих пор многие древние языческие традиции имеют следы в русском языке и в национальной культуре.

По старославянскому верованию языческие боги были природными, то есть были связаны с явлениями природы, каждый бог отвечал за свои стихии, имел определенные «полномочия». Человек считал природу богом, явления природы считались волей определенных богов. Так, засуха и ураганы считались наказаниями богов, а дожди, плодородие, благополучие в семье считались божьей милостью.

Славянское язычество - часть огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий (Рыбаков 1994, с. 3). Особенности язычества проявляются в характере его эволюции, при которой новое не вытесняет старое, а наслаивается на него.

В книге «Слово об идолах» выделяется четыре основных этапа развития язычества. На первом этапе славяне «клали требы упырям и берегыням», то есть поклонялись злым и добрым духам, управляющим стихиями (водными источниками, лесами и т.д.). На втором этапе славяне поклонялись Роду и Рожаницам. Род - древнее земледельческое божество Вселенной, а Рожаницы - божества благополучия и плодородия. На третьем этапе славяне молились Перуну, т.е. сложился государственный

культ княжеско-дружинного бога войны, который первоначально почитался богом грозы и молнии. На четвёртом этапе по принятии христианства славяне молились как комплексу богов, возглавляемому Перуном, так и более древним Роду и Рожаницам (Рыбаков 1994, с. 15-16).

Местом отправления культа служили храмы, в которых волхвы и жрецы молились, совершали различные обряды, приносили жертвы богам (первый урожай, первый приплод скота, травы и венки из пахучих цветов, а в некоторых случаях даже и живых людей).

В X веке князь Владимир решил использовать языческую религию в государственных целях. На своём княжеском дворе, куда приглашался пировать народ, Владимир поставил изображения шести главнейших божеств. Главным был бог грозы и покровитель воинов Перун - славянский Зевс. Кроме того, были Хорс -бог Солнца, Маркошь - богиня Земли, Дажбог, Стрибог и Сварог - небесные божества.

В 988 г. Русь приняла христианство, отменила язычество. Деревянные изображения языческих богов были изрублены и сожжены, но многие языческие традиции не исчезли со временем, некоторые ритуальные действия сохраняются до сих пор. Эти традиции смешались с христианскими традициями и укоренились среди русского населения. Это, безусловно, отражается в русском языке.

В современном русском языке сохранилось немало «языческих» слов. Например, по представлению древних, бог Род является создателем Вселенной и всего общего, он распоряжался дождём и грозой, подземным огнём. Корень *Род* является производящим для целого ряда слов: а) обозначение понятий, связанных с категориями «рождение» и «родство» - *род, народ, родня, родичи, родственники, родина, природа, рожать, урожай*; б) обозначение водного источника – *родище* (др. рус.), *родник, родии* (др. рус.) – лилии (цветы, растущие у воды); в названии молнии – *родиа* (др. рус.). Такие фразеологизмы, как *клясться родом и плодом* свидетельствуют об уважении к Роду; пословица *Что на роду написано, то и исполнится* отражает элементы фатализма в народном сознании. (Аркадьева 2007, с. 88). Со временем значимость Рода снизилась, он стал хранителем домашнего очага, то есть «домовым», который ещё называется «*Чуром*», поэтому при опасности люди кричат: «*Чур меня!*».

Кроме того, многие русские традиции, обычаи, ритуалы и праздники так же имеют тесную связь с язычеством. Например, Перун почитался у значительной части индоевропейских племен древности как бог грозы, молнии и грома. В период образования Киевского государства Перун выдвинулся как верховное божество, как бог войны и защитник правды. (Аркадьева 2007, с. 89). Перед изображением Перуна неугасимо горели священные костры. Когда народу угрожала большая беда, то производили человеческие жертвоприношения (Рыбаков 1994, с. 199-200). После принятия христианства культ Перуна был замещён культом пророка Ильи, но в северных областях России долго сохранялось ритуальное действо: поедать бычка на Ильин день. Перед могилой Неизвестного солдата на

Красной площади горит вечный огонь. Это тоже восходит к культу Перуна.

Вспомним праздник Масленица (Проводы зимы). Это древнеславянский языческий праздник, посвящённый проходам зимы и встрече весны. Обычно масленица начинается в конце февраля или в начале марта, продолжается неделю, что было связано с работой на земле. Во время праздника пекут блины, которые имеют круглую форму и похожи на весеннее, тёплое солнце. Это связано с исповеданием культа Дажбога (бога солнца). Солнце является символом жизни: люди едят блин, как бы приглашая солнце к себе. Со словом *блин* образованы русские фразеологизмы: *Первый блин - комом; Без блинов не масленица, без пирогов не именины.*

Надо отметить, что в большинстве случаев язычество не сохранилось как самостоятельный элемент национальной культуры. Православие вобрало многие черты языческих верований, вошедших в вероучение и культ, церковный календарь (*Масленица, Пасха, культ березы*). Кроме того, многие языческие суеверия также смешались с православными, например, *встать с левой ноги* (быть в плохом настроении).

Язык и религия - взаимосвязанные системы. Религиозные факторы играли (и играют) важную роль в судьбах языков и в истории человеческой коммуникации (Мечковская 1998, с. 3). Опираясь на знание и опыт тысяч поколений людей, язычество даёт нам обусловленное национальным сознанием представление о мире и содержит значимые культурные и исторические ценности. Без знакомства с культурой и национальным менталитетом овладение русским языком невозможно. Поэтому изучение язычества имеет важное значение для объяснения специфики русского национального менталитета, а также для обучения русскому языку.

Аркадьева Т.Г. Мифологизация славянского языческого пантеона // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. – СПб., 2007.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 1994.

Токарева Н.Д. Россия и русские. - М., 2004.

Е.А. Маклакова

Способы номинации лиц (на материале русского и английского языков)

Под термином «наименования лиц» в данном исследовании понимается корпус лексических и лексико-фразеологических единиц, служащих для номинации отдельных представителей антропосферы, которые в

зависимости от дифференциального признака, лежащего в основе номинации, выявляются в ряде открытых тематических групп.

Анализ данного массива лексики дал возможность охарактеризовать действие основных способов номинации, таких как морфологический (суффиксация/префиксация, субстантивация, усечение), лексико-семантический (изменение семантического объема слов, метафорический и метонимический перенос), синтаксический (многокомпонентные композиты с антропонимическим компонентом) и сочетание нескольких способов номинации (фразеологизмы).

Морфологические способы номинации. В русской номинативной лексике суффиксальный способ остаётся доминантным при образовании слов со значением лица. Среди всех номинаций, представленных в русскоязычных словарях, значительное большинство наименований лиц образованы суффиксально, в основном с помощью суффиксов с деривационным значением *-тель* (*житель, родитель, строитель, писатель, укротитель, смотритель, спасатель, обозреватель, издатель*), *-щик/чик* (*сборщик, сварщик, электрщик, стекольник, мусорщик, носильщик, обходчик, ключник, водопроводчик, гардеробщик*), *-ник* (*полярник, сверстник, техник, сапожник, ударник*), *-ист* (*металлист, гитарист, солист, статист, сценарист, публицист, окулист, массажист*), *-ец* (*скиталец, глупец, мудрец, беглец, республиканец, партизнец, боец, спартанец, техасец, туземец, уроженец, поселенец, аварец, австриец, алтаец, китаец, литовец*), *-ин, -ан, -як, -от* (*армянин, болгарин, датчанин, египтянин, грузин, хutorянин, южанин, татарин, меломан, мужлан, поляк, земляк, сибиряк, бурят, киприот*) и т.д.

В английском языке действует суффиксальное образование существительных со значением лица. Около 70% всех наименований лиц, образованных данным способом, составляют производные с суффиксом *-er/-or* (*vender / vendor - 'продавец', teacher - 'учитель', worker - 'работник', farmer - 'фермер, speaker - 'оратор, spectator - 'зритель'*).

Важно обратить внимание на то, что в английском языке существует соотносительность отдельных суффиксов. Например, контрагенты, т.е. лица, вступающие во взаимные отношения, наименования которых имеют одну и ту же производящую основу, в английском языке наиболее регулярно противопоставлены с помощью суффиксов *-er/-or* (ant) – *-ee* (*employee – employer 'служащий – наниматель', defendant – defender 'ответчик – защитник', registrant – registrar 'получатель патента – чиновник-регистратор', franchiser – franchisee 'хозяин привилегии' – 'получатель привилегии'. warrantor – warrantee 'поручитель' – 'тот, кому дается гарантия', mortgager – mortgagee 'должник – кредитор'*).

К данному способу номинации также относятся слова, образованные от наименований мужчин и называющие женщин и составляющие многочисленную группу парных существительных (*ученик - ученица, миллионер - миллионерша, нищенка - нищий, хозяин - хозяйка, сударыня -*

сударь, раб - раба - рабыня, господин - госпожа, повар – повариха, actor – actress, master - mistress) и т.д.

Значительную роль в словообразовании наименований лиц играют суффиксы эмоционально-субъективной оценки, характерные для русского языка, такие как ласкательные (*ребенок, сынок, лапочка, папочка, голубчик, младенец, голубушка, хозяйка, душенька, девонька, душечка*), уменьшительно-ласкательные (*пацаненок, внучонок, зятек, дружок, сынок, девчонка*), оценочные (*страшилище, детище, дуралей, грамотей*), пренебрежительные (*нищенка, торгашка, старикашка*) и др.

В то же время суффиксальный способ является ведущим способом номинации лиц в профессиональном жаргоне и языке средств массовой информации. Суффиксальные новообразования компрессивного типа служат краткими обозначениями наименований лиц (по профессии и иным признакам), функционируя в основном в разговорном языке, нестрогой профессиональной речи, языке периодической печати как эквиваленты официальных развернутых наименований (*электронщик, телевизионщик, газетчик, фискальщик, фондовик, системщик, айтишник, креативщик, продавец, бытовик, сетевик, оффшорник*). Данные наименования, принадлежат к сугубо устной форме профессионального общения и не всегда находят отображение в словарях в отличие от немногих типа *рыночник, льготник, бюджетник, теневик, биржевик*.

К устной речи относятся и образования с суффиксами *-ла, -ун, -ач* (*чистюля, трепач, пристава, пискун, молчун, ловкач, крикун, заправила, заводила, доставала, воображала, болтун, брехун, меняла, воротила, свистун, плясун, выпивала, подпевала, обжигала, зазывала, кидала, летун, несун*), фиксируемые в словарях с пометой «разговорное».

Значительное пополнение номинативной лексики происходит с помощью образования сложных и сложносуффиксальных форм наименований лиц (*автолюбитель, градоначальник, первооткрыватель, книголюб, мясоед, книголюб, людоед, самоучка, первогодок, одноклассник, летописец, десятиклассник, черно книжник, долгожитель, второгодник, знаменосец, телезритель, самоубийца*), а также сложносокращенных неофициальных номинаций лиц по должности (*завуч, управдом, нарком, замминистра, зампред, замдиректора, главврач, гендиректор, генсек, комзвод, комдив*).

Префиксация как способ образования наименований лиц не очень типична для обоих языков. Наиболее продуктивны при образовании наименований лиц в русском языке префиксы *со-* со значением совместности действий, прав и обязанностей, принадлежности к данному социуму (*согражданин, сокамерник, соотечественник, соплеменник, сородич, собеседник, собрат, собутыльник, современник, соглядатай, сожитель, соперник, соратник, сослуживец, сотоварищ, сотрапезник, сотрудник, союзник, совладелец, сообщник, соучастник, соискатель, сокурсник*) и *суб-* со значением подчиненного положения в определенной иерархии (*субподрядчик, субпоставщик, субпроектировщик, субэмитент*).

В английском языке, помимо аналогичных префиксов *co-* (*co-manager* 'соуправляющий', *co-owner* 'совладелец', *cotenant* 'соарендатор') и *sub-* (*subcontractor* 'субподрядчик', *subpurchaser* 'перекупщик'), к числу продуктивных можно также отнести приставку *non-* со значением отрицания того, что выражено производящей основой (*non-customer* 'лицо, не являющееся клиентом', *non-combatant* 'лицо в вооруженных силах, которое не принимает участие в военных действиях', *non-resident* 'лицо, не проживающее постоянно в одном месте', *non-starter* 'лицо, не участвующее в соревнованиях', *non-repeater* 'лицо, не совершающее повторных покупок', *non-prospect* 'лицо, не являющееся потенциальным покупателем').

В дополнение к вышесказанному следует упомянуть субстантивацию как довольно распространенный способ образования номинаций лиц, среди которых можно встретить наименования, которые характеризуют лицо, например, по занимаемой должности (*командующий, замыкающий, запасной, дневальный, военный, дежурный, заведующий, управляющий, уполномоченный, поверенный, служащие*), по социальным / правовым отношениям (*бедный, богатый, неимущий, виновный, уголовный, обвиняемый, осужденный, партийный, левый, малообеспеченный*), по профессиональной принадлежности (*полицейский, постовой, конвойный, провожатый, пожарный, рабочий, разнорабочий*), по межличностным / родственным отношениям (*знакомый, крестный, одинокий, возлюбленный, влюбленный, любимый*), по личностным качествам (*лысый, молодая, хромой, горбатый, голодающий, голодный, безумный*), по национальной / территориальной принадлежности (*приезжий, городской, цветной, черный, подданный, отдыхающий, прохожий*) и т.д.

Усечение основы является малопродуктивным способом образования исследуемых нами русских и английских наименований лиц, которые преимущественно используются в устной речи и не в полном объеме фиксируются словарями (*мент, профи, зам, экс, контра; temp (=temporary) 'временный работник', pres/Pres/prez/Prez (= president) (AmE) 'президент; директор компании'*).

Лексико-семантические способы номинации. Как известно, многозначность отражает асимметрию языкового знака посредством фиксации всего безграничного человеческого опыта ограниченными языковыми средствами, когда за одним звуковым комплексом закрепляется несколько значений. Необходимо заметить, что большинство русских наименований лиц - это преимущественно идентифицирующие знаки, для которых типична многофункциональность и многозначность, что необходимо учитывать при подборе их переводных соответствий в английском языке, например:

артист (1.об актере, певце, музыканте; 2.о том, кто достиг высокого мастерства, совершенства в ч-то; 3.о том, то притворяется к-л или каким-л, скрывая истинные мысли, чувства и т.п., или позирует, рисуется в расчете на приятное впечатление, успех у окружающих);

хранитель (1.лицо, в чьи должностные обязанности входит охрана к-л материальных ценностей, обычно культурных; 2.тот, кто хранит незыблемость ч-л, кто остается верен ч-л; 3.книж. тот, кто или то, что оберегает, ограждает к-л от ч-л);

художник (1.человек, создающий произведения изобразительного искусства красками, карандашом и т.п., живописец; 2.тот, кто создает произведения искусства, творчески работает в области искусства; 3.тот, кто достиг высокого совершенства в к-л работе, кто проявил большой вкус и мастерство в ч-л);

отказник (1.лицо, которому отказали в выезде из страны по к-л причинам.2.тот, кто отказывается от службы в вооруженных силах страны в силу политических, религиозных и т.п. убеждений.3.ребенок, от которого отказались родители);

агент (1. представитель организации, выполняющий служебные поручения.2. лицо, являющееся ставленником к-то, служащее чьим-л. интересам.3.секретный сотрудник разведки к-л государства; шпион).

Довольно часто в процессе функционирования в речи слово проявляет заложенную в нем способность к полисемии, что способствует увеличению количественного состава единиц исследуемого корпуса языка. Например, в современных контекстах можно встретить второе значение слова *колхозник*, не включенное в вокабулу толкового словаря: «недалекий, малообразованный человек», или слово *бюджетник* в значении «малообеспеченный человек, живущий на скромную зарплату».

Очевидно, что следующие за архисемой «лицо» дифференциальные и интегральные семы уточняют и конкретизируют структуры семем одной и той же лексемы, и каждая из них обладает своим собственным набором переводных соответствий в английском языке:

защитник (значение 1 - лицо мужского или женского пола, защищает кого-/что-л от нападения, ограждает, охраняет от посягательства, отстаивает что-л) - английские переводные соответствия: defender, protector, advocate, environmentalist, supporter;

(значение 2 - лицо мужского или женского пола, отстаивает интересы обвиняемого на суде) - английские переводные соответствия: counsel for the defence, lawyer, advocate, barrister, solicitor;

(значение 3 - лицо мужского пола, играет в футбольной, хоккейной и т.п. команде, защищает участок поля) - английские переводные соответствия: full-/half-back.

Образование наименований лиц такими лексико-семантическими способами, как метафорический или метонимический перенос, характерно для обоих языков. Например, наименования *bears* 'медведи' и *bulls* 'быки', первоначально возникшие в биржевом жаргоне для наименования игроков, постепенно расширили свое значение и в настоящее время регистрируются всеми специальными англоязычными словарями без каких-либо помет, указывающих на ограниченность их употребления.

Большинство метафорически переосмысленных английских наименований лиц являются результатом переноса по ассоциации. При данном виде переноса схожие признаки связаны не с понятием об определенном явлении, а с представлениями о нем в конкретной речевой ситуации, с ассоциациями. Основными лексическими группами, участвующие в метафорическом образовании наименований лиц, являются:

1) наименования животных, например: *loan shark* ('кредитная акула') - ростовщик; *fat cat* ('жирный кот') - состоятельный бизнесмен, думающий лишь о собственной выгоде;

2) наименования вымышленных существ, например: *business angel* ('бизнес-ангел') - состоятельный человек, вкладывающий собственные средства в начинающийся или расширяющийся бизнес; *ghost* 'привидение, призрак, дух' - лицо, зарегистрированное в качестве работника, но фактически не работающее и не получающее заработной платы;

3) наименования лиц, изначально имеющих другое, не связанное с данной сферой общения значение, например: *company doctor* ('доктор компании') - финансовый консультант, *classman* ('классный человек') - студент, выдержавший экзамен с отличием, *street Arab* ('уличный араб') - беспризорник, бродяга, *fishwife* ('рыбная жена') - шумливая, вульгарная женщина, *castler-builder* ('строитель замков') - фантазер, *fellow-traveller* ('парень-путешественник') - попутчик.

Анализ данных русскоязычных лексикографических источников свидетельствует о том, что в русском языке с помощью метафорического переноса образуется значительное количество наименований лиц (*амеба, баритон, боров, волшебник, глыба, дуб, жеребец, контральто, курица, ласточка, модель, нимфа, пила, размазня, чертенок, шкаф, штучка, челноки*). Не меньшее распространение получили слова и словосочетания со значением лица, которые представляют собой заимствования из литературного языка в результате изменения объема значения слова.

Значительная часть русскоязычных и англоязычных наименований лиц такого рода совпадает, что вероятно вызвано экстралингвистическими причинами - совпадением основных, базовых явлений в культурной жизни обоих народов, их особой актуальностью в употреблении для носителей обоих языков (*служители Фемиды, буриданов осел, человек в футляре, Фигаро здесь, Фигаро там, скупой рыцарь, принцесса на горошине, Фома неверный, мещанин во дворянстве, премудрый пескарь, валаамова ослица*).

Кроме того, данный корпус языковых единиц регулярно пополняется семантическими дериватами, образованными в результате расширения значения общеупотребительных слов, таких как, например, *продавец / seller, покупатель / buyer, перевозчик / carrier*. Сопоставление толкований этих лексем, приведенные, с одной стороны, в общелитературных словарях, а с другой - в специальных лексикографических изданиях, свидетельствует о том, что для специальных и неспециальных наименований лиц интегральным признаком является обозначение лица по

виду деятельности (продаже, покупке и т. д.). Специальные толкования получают, кроме того, дополнительные дифференциальные признаки: обозначение физических и/или юридических лиц; отношение к обязательству, договору и т. д.

Образование наименований лиц в лексическом корпусе обоих языков связано также с действием **синтаксического способа номинации**, при помощи которого образуются составные, многокомпонентные (полилексемные) наименования. Спецификой наименований лиц с помощью синтаксического способа образования в русском языке можно считать наличие среди них значительного количества образований, состоящих из четырех и более слов (*лицо, заинтересованное в совершении кредитной организацией сделки на финансовых рынках; надлежащий обладатель вексельного права требования*). Однако их следует, по всей видимости, отнести к предтерминам, т.е. единицам первоначального обозначения лиц. В дальнейшем в процессе их терминологизации может иметь место либо аббревиация, характерная для английского языка, либо стяжение многокомпонентных наименований путем устранения их малоинформативных компонентов.

Большая часть составных наименований в обоих языках представляет собой двухкомпонентные словосочетания. В основе образования подобных наименований лиц в русском языке лежат следующие бинарные модели, называемые субстантивными фразеологическими единицами:

1) прилагательное + существительное со значением лица (*писанный красавец / красавица, красная девица, живой труп, летучий голландец, казанская сирота, кисейная барышня, белокурая / продувная бестия, дамский угодник, скупой рыцарь, вавилонская блудница, добрый малый, голь перекатная, кровный враг, шапочный знакомый, злой гений, блудный сын, свадебный генерал*);

2) прилагательное + неодушевлённое существительное с переносным значением (*дражайшая половина, отрезанный ломоть, путеводная звезда, чернильная душа, тугая мошина, мыльный пузырь, злые языки, горячая кровь, широкая натура, ненасытная утроба, тертый калач, круглый ноль, мякинная голова, умная голова, голова садовая, толоконный лоб, живой ум, бездонная бочка, чугунная голова, выжатый лимон, старый хрен, старая вешалка, заячья душа, кувшинное рыло*);

3) прилагательное + одушевлённое существительное с переносным значением (*драниная кошка, мокрая курица, старый сыч, желторотый птенец, глухая тетеря, слепая курица, старая лиса, курский соловей, ломовая лошадь, премудрый пескарь, стреляный воробей, заблудшая овца, змея подколотная, гусь лапчатый, ранняя птичка, канцелярская крыса, дойная корова, важная птица, светский лев, редкая птица*);

4) существительное со значением лица + предлог + существительное (*мещанин во дворянстве, принцесса на горошине, человек с большой буквы, ангел во плоти, рыцарь без страха и упрёка, рыцарь на час, сапожник без*

сапог, мальчик на побегушках, халиф на час, мастер на все руки, первый среди равных);

5) неодушевлённое существительное + (предлог/союз) + неодушевлённое существительное (*кровь с молоком, аришин с шапкой, метр с кепкой, кожа да кости, язык без костей, глаза и уши*);

6) генетивные образования из неодушевленных существительных (*ума палата, пуп земли, свет очей, кладёзь премудрости*).

В заключение отметим, что наиболее распространенными и продуктивными в сопоставляемых языках являются синтаксический и морфолого-синтаксический способы номинации. Однако при внешне соотносимом количестве наименований, образованных этими способами, обращают на себя внимание качественные различия, проявляющиеся как в структуре словоформ, так и в характере отношений между компонентами сложных образований.

Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. – М., 2002.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2002.

Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М., 2005.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. И.В.Федосова. – М., 2007.

Э.Р. Мамлеева

Злые и добрые колдуны в английском национальном сознании

Ещё первобытный человек, не имевший возможности объяснить все законы природы, пытался одушевить окружающий его мир. Реки и камни, животные и растения, жизнь и смерть – всё имело душу, волю, способность действовать, вредить или помогать человеку. Согласно первобытным представлениям, духи обитали в невидимом потустороннем мире, но могли проникать в мир видимых людей. Поклонения и магия должны были помочь людям так или иначе ладить с духами – умиловить их или перехитрить. Обоожествление природы, характерное для первобытной поры, проявлялось во множестве частных, отдельных, во многом хаотичных верований, культов, обрядов, поклонений и заговоров.

В настоящей статье мы пытаемся выявить, какие лексические единицы образуют группу *people who have magic powers and practice magic* (люди, которые обладают магической силой и практикуют магию) в английском языке и какими признаками эти люди обладают, по мнению англичан.

Эта группа выделяется на основе сем: *who practices magic* (тот, кто практикует магию), *who can make strange things happen by magic* (тот, кто может делать сверхъестественные вещи при помощи магии), *who performs magic by using the power of evil spirits* (тот, кто может делать магические действия при помощи сил злых духов), *who has magic powers, especially*

one who can make bad/good things happen to people (тот, кто обладает магическими силами, особенно те, кто может причинять людям зло/добро).

На основе этих сем в группу вошли следующие лексический единицы (ЛЕ): *enchanter, enchantress, magician, sorcerer, sorceress, witch, white witch, wizard u warlock*. Рассмотрим их словарные толкования по словарям Longman Dictionary of Contemporary English (1992) и Online Cambridge Dictionary.

Enchanter *n* a magician (Longman 1992, I, p. 334) (чародей; волшебник; колдун). ...*the man of skill had enlarged his medical attainments by joining in the incantations of the savage priests, who were acknowledged to be powerful enchanters, often performing seemingly miraculous cures by their skill in the black art* (N. Hawthorne «The Scarlet letter»). (... человек с определёнными умениями пополняет свои врачебные знания, присоединяясь к заклинаниям диких жрецов, которые были признанными сильными колдунами, зачастую выполнявшие своё на вид чудесное излечение искусством чёрной магии (Н. Хоторн)). Контекст показал, что колдуны могут лечить, хотя их сила в знании заклинаний чёрной магии. Слово употребляется только по отношению к мужчине.

Enchantress *n* a female magician (Longman 1992, I, p. 334) (колдунья). *Then this wicked enchantress changed the capital, which was a very populous and flourishing city, into the lake and desert plain you saw* (A. Lang «The Arabian Nights»). (А потом эта злая волшебница изменила столицу, которая была многолюдным и цветущим городом, на озеро и пустыню, какой ты её увидел (Э. Лэнг)). Контекст показал, что колдуньи могут наносить вред не только отдельным людям, но и целым городам. Слово употребляется только по отношению к женщине.

Magician *n* (in stories) a person who can make strange things happen by magic (Longman 1992, II, p. 629) ((в историях) человек, который может творить удивительные вещи при помощи волшебства). *I found that the man-animals in general were a nation of the most powerful magicians, who lived with worms in their brain, which, no doubt, served to stimulate them by their painful writhings and wriggings to the most miraculous efforts of imagination* (E. Poe «The Thousand-and-Second Tale of Scheherazade»). (Я обнаружил, что люди-животные, на самом деле, были самыми сильными колдунами, которые жили в мозгах вместе с червями и, которые побуждали своими болезненными извилинами к самым волшебным фантазиям (Э. По)). Контекст показал, что колдуны могут принимать образ животных и проникать в разум простых людей, тем самым нанося им вред. Слово употребляется только в художественном тексте.

Sorcerer *n* a person who performs magic by using the power of evil spirits (Longman 1992, II, p. 1006) (человек, который совершает волшебство/магию, используя силы злых духов). *With a single drop of ink for a mirror, the Egyptian sorcerer undertakes to reveal to any chance comer far-reaching visions of the past* (G. Eliot «Adame Bede»). (Египетский колдун при помощи капли чернила на зеркале мог рассказать любому посетителю

его прошлое (Д. Элиот)). Контекст показал, что у колдунов имелись особые предметы, при помощи которых они могли рассказывать прошлое.

Sorceress *n fem.* sorcerer (Longman 1992, II, p. 1006) (наименование женщине от *sorcerer* волшебник, колдун, чародей).*thou hast escaped with that fair Jewish sorceress, whose black eyes have bewitched thee* (W. Scott «*Ivanhoe*»). (Ты убежал с этой прекрасной еврейской колдуньей, чьи чёрные глаза околдовали тебя (В. Скотт)). Контекст показал, что у колдуний особая внешность.

Witch *n* a woman who has magic powers, esp. one who can make bad things happen to people, such as an illness or accident: *a white (=good) / black (=bad) witch* (Longman 1992, II, p. 1210) (женщина, обладающая магической силой, особенно та, которая может делать зло другим людям: *белая (=хорошая) / чёрная (=плохая) ведьма/колдунья*). *Women suspected of being witches used to be burned at the stake.* (Женщин, которых подозревали, что они ведьмы/колдуньи, сжигали заживо на костре). Контекст показал, что общество боролось с ведьмами и колдуньями, применяя к ним самые жестокие меры.

White witch *n* a woman who has magic powers, one who can make good things happen to people (Online Cambridge Dictionary) (женщина, обладающая магической силой, та, которая может делать добро другим людям; добрая волшебница, фея). ...*you're exactly like a witch, but you're a friendly witch. I expect you're what they used to call a "white witch"* (A. Christie «*By the Pricking of My Thumbs*»). (...вы похожи на колдунью, только на добрую колдунью. Таких раньше называли «добрыми феями» (А. Кристи)). Контекст выявил составную номинацию *white witch*, тогда как *black witch* практически не употребляется, поскольку отрицательная коннотация уже заложена в ЛЕ *witch*.

Wizard *n* (esp. in stories) a man who has magic powers (Longman 1992, II, p. 1211) (особенно в историях) человек, который обладает магической силой). *He [wizard] was the grandson of a former Matthew Maule, one of the early settlers of the town, and who had been a famous and terrible wizard in his day* (N. Hawthorne «*House of Seven Gables*»). (Он был внуком Мэтью Мола, одного из самых первых поселенцев городка, который был известным и ужасным колдуном своего времени (Н. Хотрон)). Контекст показал, что колдовство может передаваться по наследству.

Warlock *n* (esp. in stories) a male *witch* (Longman 1992, II, p. 1186) ((особенно в историях) мужской род к сущ. колдунья, волшебница, ведьма). *I'm nae warlock, to find a fortune for you in the bottom of a parritch bowl* (L. Stevenson «*Kidnapped*»). (Я не колдун, который может увидеть твоё будущее на дне котелка с кашей (Л.Стивенсон)). Контекст показал, что при помощи особых предметов колдуны могут рассказывать не только прошлое, но и предсказывать будущее.

Первоначальный анализ показал, что существует в языковом сознании англичан разделение на добрых (*white witch*) и злых (*sorcerer, witch*) колдунов, но зачастую только контекст позволяет понять, какую

коннотацию (положительную или отрицательную) несёт в себе представленная лексема. Следует отметить, что гендерные пары имеются не у всех слов: *enchanter/enchantress*; *sorcerer/sorceress*, но у слов *witch* (о женщине), *white witch* (о женщине), *warlock* (о мужчине) гендерной пары нет. Слова *magician*, *wizard* и *warlock* употребляются только в художественных текстах, историях и сказках, в разговорной речи они практически не встречаются, то есть имеют стилистическую окраску книжной речи. Таким образом, в английском национальном сознании колдуны – это люди, действия которых связаны со злыми духами; в основном они творят плохие дела (наводят болезни), но иногда могут делать и что-либо хорошее; это обязательно люди, которые обладают определёнными знаниями и умениями; не только женщины, но и мужчины могут заниматься колдовством.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии. - М., 1998.

Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Group UK Limited, 1992. (Словарь современного английского языка: В 2-х т. - М., 1992).

Online Cambridge Dictionary / www.thefreedictionary.com

А.В. Медведева

Образная основа слуховых метафор

Любое переносное значение по своей природе метафорично. Ассоциативный способ отражения действительности оказывается постоянным элементом речемыслительной деятельности вообще. Образ как когнитивная категория во многом определяет процесс метафоризации. Поскольку образование метафоры происходит на когнитивном уровне, то именно категория образа, связанного напрямую с когницией, способствует адекватной интерпретации метафоры на лексико-семантическом уровне.

В последние годы лингвисты отмечают непрерывно возрастающий интерес к метафоре как таковой и ее участию в образовании и формировании антропологической (направленной к человеку) научной парадигмы. Для современного этапа изучения метафоры характерна интеграция разных подходов – семасиологического, лингвистического и производных от него: когнитивного, поэтического, культурологического и др. В этой области известны работы таких ученых, как Н.Д. Арутюновой, Г.Н. Складневской, Н.А. Кожевниковой, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, В.Н. Телии и мн. др.

Таким образом, лингвистическое исследование метафоры можно назвать комплексным: она изучается как механизм речемыслительной деятельности, как способ концептуализации нового знания (С.С. Гусев, А.Н. Баранов), как способ смыслопроизводства (Дж. Лакофф, М. Джонсон,

А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.), как способ номинации (М.Э. Рут, В.Н. Прохорова), как модель семемного варьирования (Д.Н. Шмелев, А.П. Чудинов), как способ выражения индивидуального видения действительности и создания художественного мира (Н.А. Кожевникова, Н.Н. Иванова) и др.

Дж. Лакофф в своей статье «Contemporary theory of metaphor» так рассуждает о природе метафоры: «Metaphor is the main mechanism through which we comprehend abstract concepts and perform abstract reasoning. ... Metaphor is fundamentally conceptual, not linguistic, in nature» («Метафора – главный механизм, посредством которого мы постигаем абстрактные концепты и осуществляем абстрактное рассуждение... Метафора по своей сути концептуальна, она не лингвистическая по своей природе». Прим. авт.) (Lakoff 1993, p. 244).

В.Н. Телия выделяет два типа метафоры: языковую (коллективную, отражающую общеходно-практический и культурно-исторический опыт языкового общества, и в этом смысле объективную) и речевую (оказионально-авторскую, не существующую вне контекста и отражающую индивидуально-субъективное видение мира). Языковая метафора «создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его «обычном» употреблении и как бы закрепленных за смысловым потенциалом данного слова языковым узусом» (Языковая номинация 1977, с. 193). Этим автор объясняет тот факт, что такая метафора легко стирается и теряет живую образность, а ее мотивировка прозрачна, знакома и без усилий воспроизводится говорящим коллективом.

Н.Д. Арутюнова считает, что метафора возникает только при условии нарушения категориальных границ на основании сдвига в таксономии объектов. Метафора «прилагает образ, сформированный относительно одного класса объектов, к другому классу или конкретному представителю другого класса» (Арутюнова 1988, с. 153). По мнению автора, метафора состоит из двух категорий – образа и выделенного из него смысла, причем смысл постепенно подавляет образ.

Одна из наиболее существенных функций метафоры состоит в освоении абстрактного через конкретное, рационально постигаемого через доступное чувственному восприятию. Метафора представляет собой соединение образов двух разных денотатов, частично сходных своими признаками. «В силу сближения образов денотат одного из них служит моделью другого и тем самым его изобразительным воплощением» (Никитин 1996, с. 190).

В метафоре как в утверждении о свойствах объекта на основании некоторого подобия с уже обозначенным в переосмысленном значении слова, преобладает субъективное начало в оценке действительности, что делает возможным скачкообразное развитие нового смысла на основании гипотезы или домысла (Телия 1977).

Для выявления оснований метафорического переноса нами использовался метод семемного анализа по денотативным семемам (Д1,

Д2) и коннотативным семемам (К1, К2), основанный на положении о том, что одна лексема может выражать много семем, но все они группируются в четыре типа: два денотативных и два коннотативных (Попова, Стернин 1984). Денотативная первая семема (Д1) отражает экстралингвистическую реалию непосредственно, а лексема представляет прямое номинативное значение. Денотативная вторая семема (Д2) отражает некоторую сущность посредством сопоставления ее с семемой Д1, для которой имеется готовое наименование.

Коннотативная мотивированная семема (К1) отражает некоторую сущность посредством образа денотативной семемы и выражается только в словосочетаниях. К1 возникает в результате развития значения семемы Д1, а также и семемы Д2. Развитие значения в отличие от переноса наименования состоит в том, что семный состав семемы Д1 преобразуется путем перегруппировки или утраты некоторых сем, а также изменения иерархии оставшихся. Семема К1 обозначает некий денотат путем ссылки на образ другого денотата. При использовании лексемы в статусе К1 происходит совмещение образов Д1 и К1; причем семема К1 часто имеет в языке другую лексему, характеризующую ее в статусе Д1. Коннотативная вторая семема (К2) отличается от К1 отсутствием мотивированной связи с денотативной семемой той же лексемы. Совокупность семем одной лексемы называют семантемой (Копыленко, Попова 1978).

Анализ лексико-семантической (ЛСГ) «слуховое восприятие» рассматриваемых нами глаголов позволил выявить некоторые способы возникновения мотивированного коннотативного значения слова (К1) на базе прямого номинативного (Д1). Рассмотрим метафоры, отражающие сходство впечатления от слухового образа.

Лексема *гудеть* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать длительный однотонный звук». *Гудок гудит. Ветер гудит в трубе*. При переносе по дифференциальной семе «однообразно звучащий» данная лексема реализует переносное значение «надоедливо повторять, говорить». *Гудеть одно и то же*.

Лексема *гоготать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, похожие на «го-го-го» (о гусях). При переносе по архисеме «производить гогочущие звуки» данная лексема приобретает переносное значение «громко смеяться, издавая гогочущие звуки». *Чего ты тут гогочешь?*

Лексема *жужжать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «производить однообразно дребезжащий звук, свистящий шум». *Жужжит в паутине муха*. При переносе по сходству звучания по архисеме «создавать жужжащий звук» данная лексема в переносном смысле употребляется в отношении свиста пуль: *Пули жужжат над головой*.

Лексема *журчать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «течением производить лёгкий монотонный шум» (о воде). *Ручей журчит*. При переносе по скрытой семе «лёгкий, приятный» у данной лексемы

появляется переносное значение «тихо и приятно звучать, с мелодичными переливами голоса». *Журчащая речь. Речь журчит.*

Лексема *залиться* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «покрыться сплошь водой, жидкостью». *Котлован залился водой.* При переносе по сходству звучания со звуком льющейся воды по скрытой семе «приятно, мелодично, звонко» данная лексема реализует переносное значение «начать петь, а также издавать какие-нибудь залиvistые звуки». *Залиться песней. Залиться смехом, лаем. Залиться соловьём.*

Лексема *верещать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать пискливые, скрипучие или визгливые звуки». *Верещат галчата.* При переносе по скрытой семе «неприятно, отталкивающе» данная лексема реализует переносное значение «говорить быстро, много, визгливо». *Ты не разговариваешь, а верещишь!*

Лексема *лаять* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные агрессивные, громкие, резкие и отрывистые звуки» (о собаке, лисице и некоторых других животных). *Собаки лают.* При переносе по скрытой семе «громко, хрипло, агрессивно и отрывисто» у этой лексемы есть коннотация «бранить, ругать». *Не говорит, а просто лает как собака!*

Лексема *гавкать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «лаять – издавать характерные громкие, резкие и отрывистые звуки». *Собаки гавкают.* При переносе по сходству слухового восприятия на основе отрицательной эмоциональной оценки по скрытой семе «злобно, отрывисто» данная лексема реализует переносное значение «говорить грубо и злобно, ругаться». *Ну что ты гавкаешь, как собака?*

Лексема *мычать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, напоминающие «му-у»» (о корове или быке). *Стадо мычит вдали.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «невнятно, непонятно» у данной лексемы появляется переносное значение «говорить невнятно, издавать тягучие, нечленораздельные звуки». *Мычит что-то в ответ.*

Лексема *стрекотать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать стрекот». *Стрекошет сверчок.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «быстро, без перерыва» у данной лексемы реализуется переносное значение «говорить быстро и без умолку». *Стрекошет как сорока кто-нибудь.*

Лексема *шипеть* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука «ш»». *Змея шипит. Гусь шипит.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «тихо и угрожающе» данная лексема реализует два переносных значения: «говорить сдавленным от злости голосом» и «ворчать, браниться, выражая своё недовольство, злобу». *Шипеть на домашних.*

Лексема *кряхтеть* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать глухие неясные звуки (от боли, физического напряжения)». При

переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «неловкость, неудобство» эта лексема обозначает «быть в нерешительности и недовольстве, испытывая умственное напряжение». *Кряхтеть над сложной задачей.*

Лексема *кудахтать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, похожие на «кудах-тах-тах»» (о курице). При переносе по дифференциальной семе «сбивчиво и торопясь» данная лексема приобретает переносное значение «говорить бестолково и взволнованно (обычно о женщине)». *Ну что ты кудахчешь, говори яснее!*

Лексема *крякать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, похожие на «кря-кря»» (об утке). *Крякать по-утиному.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «удовлетворенно» у данной лексемы реализуется переносное значение «издавать отрывистый горловой звук (обычно как выражение удовлетворения)». *Крякать от удовольствия.*

Лексема *шуметь* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать шум, протекать с шумом». *Деревья шумят на ветру. За окнами шумит дождь. Дети шумят.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «распространять для слухового восприятия на большие расстояния» у данной лексемы появляются переносные значения: 1) «интенсивно обсуждать что-нибудь, делать предметом всеобщего внимания» *Шуметь о своих успехах*; 2) «громко выражать недовольство» *Шуметь из-за пустяков*. Еще одно переносное значение – «то, что воспринимается многими, производит впечатление, существует, находя широкий отклик». *Шумит слава. Шумит новый фильм.*

Лексема *ржать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, похожие на ржание» (о коне, лошади). *Кони ржут неподалеку.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «громко» у данной лексемы появляется переносное значение «громко смеяться». *Ну что ты ржешь, как лошадь?*

Лексема *блеять* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, напоминающие «бе-е» (об овце, козе). При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «неуверенно, нечленораздельно» эта лексема реализует переносное значение «говорить неуверенно, жаться, стесняться». *Ну что ты блеешь? Отвечай как положено.*

Лексема *кукарекать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «кричать, издавая характерные звуки, похожие на «ку-ка-ре-ку»» (о петухе). *Кукарекать по-петушиному.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «раньше всех» данная лексема реализует переносное значение «выступить невпопад, не к месту, раньше времени». *Да ладно тебе кукарекать! Мы о деле говорим.*

Лексема *куковать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать характерные звуки, напоминающие «ку-ку»» (о кукушке). При

переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «одинокчество» у данной лексемы появляется переносное значение «говорить с самим собой, в одиночестве». *Вот сиди теперь, кукуй здесь один!*

Лексема *щелкать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «давать щелчки кому-нибудь с характерным звуком». *Щелкать по лбу. Щелкать кнутом. Щелкать языком.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «отрывисто» данная лексема реализует следующие коннотативные значения: 1) «производить короткие, отрывистые звуки» *Соловей щёлкает в кустах*; 2) «считать, перебрасывая костяшки со звуком щелчка» *Щелкать на счётах*; 3) «раздроблять (скорлупу) с хрустом, издавая звук щелчка». *Щелкать семечки. Как орехи щёлкает кто-нибудь что-нибудь* (делает что-нибудь быстро, легко, одно за другим).

При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «быстро, мгновенно, со звуком щелчка» у данной лексемы появляются еще два коннотативных значения – «делать фотографические снимки» *Щелкать «мыльницей»* и «стреляя, убивать» *Щелкать по воробьям из рогатки.*

Лексема *звенеть* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать, производить чем-нибудь звуки высокого, металлического тембра». *Звенит колокольчик. Звенеть монетами.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «звонко» у данной лексемы реализуется переносное значение «звонко и мелодично петь». *Звелят голоса.*

Лексема *звонить* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «производить, издавать звон». *Телефон звонит. Звонить в звонок. Звонить у дверей*; а также «ударяя в колокол (колокола), благовестить или трезвонить». *Звонарь звонит на колокольне. Звонить к вечерне, к заутрене.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «подавать сигналы» у данной лексемы реализуется переносное значение «вызывать телефонным звонком для разговора по телефону; также вообще о телефонном разговоре». *Звонить по телефону. Звони мне завтра. Звонили из дома: интересные новости.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «громко и во все стороны» данная лексема имеет переносное значение «разглашать что-нибудь, поднимать шум». *Нечего об этом повсюду звонить!*

Лексема *барабанить* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «бить в барабан, играть на барабане». *Барабанит на своей установке с утра до ночи!* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «громко, ритмично» данная лексема реализует переносное значение «часто и дробно стучать». *Дождь барабанит в окна. Барабанить пальцами по столу.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «невнимательно, механично, не задумываясь» у данного слова появляется переносное значение «громко и небрежно

играть или говорить». *Барабанить на рояле вальс. Барабанит стихи без всякого выражения.*

Лексема *голосить* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «громко с причитаниями плакать, исполняя обрядовый плач». *Плакальщицы голоса́т по покойнику.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «громко» данная лексема имеет переносное значение «громко петь или кричать». *Голосить песню. Петухи голоса́т на заре.*

Лексема *шептать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «говорить шёпотом». *Шептать на ухо кому-нибудь.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «нежно и тихо» у этой лексемы есть переносное значение «издавать шелестящие звуки». *Шепчут листья.*

Лексема *скрежесать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «издавать резкий скрипящий звук при трении» (обычно о железе). *Цепь скрежещет. Колёса скрежещут о рельсы.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «злобно» эта лексема реализует коннотацию «пребывать в крайнем раздражении, ярости». *Скрежесать зубами.*

Лексема *трещать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «образуя трещины, разламываясь, ломаясь, издавать треск». *Лёд трещит. Дрова трещат в печи.* При переносе по сходству слухового восприятия по дифференциальной семе «издавать звук, похожий на треск» данная лексема реализует переносное значение «издавать звуки, похожие на треск». *Трещат кузнечики.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «беспрерывно» у этого слова появляется еще одно коннотативное значение – «говорить без умолку, тараторить». *Ну что ты трещишь, как сорока?*

Лексема *тарахтеть* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «производить толчками шум и треск». *Колёса тарахтят по булыжнику.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «беспрерывными раздражающими толчками» у данной лексемы, так же как и у предыдущей, появляется переносное значение «говорить без умолку, тараторить». *Да не тарахти ты! Говори спокойно.*

Лексема *бренчать* по основной денотативной семеме Д1 обозначает «тихо позванивать, звякать». *Бренчат шпоры. Бренчать ключами.* При переносе по сходству слухового восприятия по скрытой семе «тихо, однозвучно, невыразительно» данная лексема реализует переносное значение «неумело или небрежно играть на музыкальном инструменте». *Бренчать на гитаре.*

Таким образом, наш материал позволяет сделать выводы о том, какие звуки оказались наиболее важными и значимыми для восприятия носителей русского языка. Очевидно развитие устойчивой коннотации у лексем, обозначающих звуки ветра, воды, льда, человеческого голоса, рук, пальцев, а также у лексем, обозначающих звуки, издаваемые птицами

(гуси, куры, утки, галчата, кукушки), насекомыми (мухи, кузнечики), домашними животными (собаки, коровы, лошади, козы) и некоторыми артефактами (колокол, монеты, железо, барабан, струны, телега и др.).

Наиболее характерным способом образования коннотативного значения у глаголов является перенос по скрытым и дифференциальным семам, отражающим весь спектр значений слова в разнообразных ситуациях непосредственного общения. Примечательно, что слуховые образы еще не рассматривались отдельно в онтогенезе, функционировании и взаимосвязи с другими когнитивными категориями. На наш взгляд, рассмотрение этих незатронутых лингвистами аспектов развития метафоры интересно, перспективно и продуктивно, поскольку может дать материал для понимания национальной специфики языковой картины мира, закрепленной в сознании носителей языка посредством языковых знаков. Для более глубокого понимания этой специфики будет полезно привлечь материал других языков.

Арутюнова Н.Д. От образа к знаку // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М., 1988. – С. 147-162.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения). – Воронеж, 1984.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.

Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. – Cambridge, 1993. – 202-251p.

Ю.А. Пельтихина

Информационное пространство СМИ в зеркале метафоры

Термин «информация», получивший в современном употреблении статус общенаучного, имеет особую значимость в рамках современных когнитивных исследований языка. В широком понимании этот термин связан с обозначением знания вообще, а также его видов. В нашей памяти одновременно хранится образная вторичная информация об окружающем нас мире в своем естественном голографическом виде и перекодированная вторичная информация в символике нашего языка. При этом образная информация, составляющая основу мироощущения человека, не поддается логическому исчислению, как это имеет место в техническом знании. В связи с этим представляют интерес сами метафорически-образные способы представления информации и характера ее воздействия на человека, проявляемые в обиходном употреблении языка.

В настоящей работе рассматриваются и характеризуются выявленные на материале современных СМИ способы метафорической оценки психологического воздействия информации на человека. Нами были выделены группы метафор, характеризующие информационное поле в следующих аспектах.

I. Восприятие/защита от информации в силу каких-либо обстоятельств.

II. Создание (каналы, источники) информации (со знаком + и -).

III. Причинно-следственные связи в информационном потоке.

I. К первой группе относятся следующие метафорические представления информации.

1. «Защита» от информации («Для нас более привычно говорить о праве на информацию, а не о «защите» от нее»).

В языке СМИ данная метафора обычно является показателем негативной окраски информации, которую человек не воспринимает либо не хочет воспринимать в силу каких-либо обстоятельств.

2. «Средства защиты» от информации (*«Как правильно «потреблять» информацию? Каковы перспективы в области разработки средств защиты от нее?»*).

3. «Индивидуальные средства защиты» от информации (*«На мой взгляд, необходима разработка индивидуальных средств защиты от информации, которые ненавязчиво будут оценивать, что и как на тебя влияет»*).

Как таковое, данное выражение, а именно «средства защиты» традиционно употреблялось в военной сфере (средства защиты от нападения). СМИ же используют вышеуказанную метафору для того, чтобы показать насколько сильно человек не хочет воспринимать ту или иную информацию, прилагая к этому все усилия и даже ищет «средства защиты» от нее.

4. Компьютерная «патологическая зависимость» (*«Напомним о случаях массовых заболеваний от просмотра телепередач в Японии, о компьютерных патологических зависимостях»*).

Выражение «патологическая зависимость» употребляется в медицине. Алкоголизм, наркомания, курение – все это патологическая зависимость. В форме метафоры данное выражение употребляется для того, чтобы показать насколько беспомощен стал человек без компьютера и без техники в целом. *Наш век – компьютеризированный, информационный. Век высоких технологий. Без всего этого человек ничто.*

5. Противостояние массовой «информационной атаке» (*«Опасность представляет не только содержание информации, но и ее объем. И не каждый из нас в силах противостоять массовой “информационной атаке”*»).

В наше время информационные потоки огромны. Распространяется как позитивная, так и негативная информация. Человеку легко принимать информацию со знаком «+», но намного тяжелее противостоять той же со знаком «-». Отсюда и возникла метафора противостояние массовой

«информационной атаке» как нежелание и протест против восприятия всей преподнесенной информации.

II. Ко второй группе относятся следующие метафорические представления информации.

1. «Каналы передачи» информации (*«Сегодняшние каналы передачи информации – собственно окружающая среда, системы обучения, средства массовой информации, информационные компьютерные сети, новые информационные технологии способны незримо и неявно торговаться в нашу жизнь»*).

Под каналами передачи понимаются те приемы, способы и методы, с помощью которых информация распространяется в различных аудиториях, т.е. в общих массах людей. В роли таковых могут выступать телевидение, радио, пресса (газеты, журналы, различные книги), лекции, интернет и т.д.

2. «Черный пиар» (*«Рассматривая влияние СМИ на человека, многие отмечают только один негативный аспект, а именно воздействие “черного пиара”»*).

Данная метафора часто употребляется в языке СМИ с целью очернить какой-либо объект (человека, предмет, организацию и т.д.). Под пиаром в целом понимается способ сделать кого-либо, что-либо популярным. «Черный пиар», в частности, означает способ по достижению популярности в негативном смысле слова, т.е. в центре внимания оказываются только отрицательные черты либо человека, либо предмета.

3. «Потоки» поступающей информации (*«Образно говоря, в структурах человеческого мозга посредством СМИ прокладываются физические пути, колеи, по которым движутся потоки поступающей информации и с которыми связаны внедренные в сознание индивида те или иные стереотипы мышления и поведенческие установки»*).

Под «потоками» в СМИ понимается объем (общая масса) поступающей информации, которую человек либо воспринимает, либо защищается от нее как по собственному желанию, так и в силу определенных обстоятельств. В этом потоке одновременно содержится и положительная, и отрицательная информация.

4. «Комплексное оболванивание» избирателя (*«Предвыборные пиаровские технологии воздействуют на чувства, эмоции и разум избирателя, и в итоге позволяют осуществить комплексное оболванивание избирателя»*).

Вышеприведенная метафора употребляется, в основном, в политике и она носит негативный характер. Под этим понимается давление, производящееся на огромные массы людей с помощью «потоков» поступающей информации. Человек, не справляясь с огромным ее объемом, оказывается не в состоянии отличить правду от неправды (позитивное от негативного), что и является целью политических деятелей.

5. «Конвейер производства» информации (*«Чтобы восстановить свои позиции на информационном рынке СМИ-холдинг включили в конвейер производства информации такого нового участника, как Интернет»*).

Метафора «конвейер производства» в языке СМИ означает: в настоящее время «потoki» информации настолько велики, как будто бы ее производят на конвейере, или, иными словами, на заводе с огромной скоростью.

6. Передача информации «из уст в уста» (*«Есть проекты, о которых все говорят и информация передается «из уст в уста»»*).

Это метафорическое выражение находится в обиходе уже очень давно и не только в языке СМИ. Говоря «из уст в уста», мы имеем в виду передачу информации посредством прямого контакта «человек-человек».

III. К третьей группе метафорических представлений информации относятся.

1. «Механизмы взаимосвязи» СМИ (*«Учеными уже раскрыты механизмы взаимосвязи СМИ и агрессивного поведения зрителей, получены результаты эмпирических исследований по данной проблеме, и должностным лицам пора бы уже сделать практические выводы о том, что, когда и в каком количестве демонстрировать, скажем на ТВ»*).

Под вышеприведенной метафорой понимаются каналы, способы взаимодействия различных СМИ. Неизвестно, действуют ли они слаженно или отдельно друг от друга. Бывают случаи, когда один и тот же факт, событие преподносятся по-разному в отдельных СМИ. Это и есть «механизмы взаимосвязи» СМИ.

2. «Чувство информационного голода» (*«Все испытывают чувство информационного голода, но удовлетворяют его по разному»*).

Как уже было сказано ранее, наш век – информационный. «Потоки» информации огромны и в размере, и в скорости. Человек к этому привык. Когда же наступает пауза в «конвейере производства» информации, ощущается недостаток последней, отсюда и возникает «чувство информационного голода».

3. «Удовлетворение информационного голода» (*«Все испытывают чувство информационного голода, но удовлетворяют его по разному»*).

Испытывая недостаток информации, человек все же находит способы ее добыть. Посредством интернета, например. Эта информация может быть недостоверной и «несвежей», но сам факт ее «добычи» является «удовлетворением информационного голода».

4. «Циркуляция информационных потоков» (*«Последние 2-3 десятилетия показывают невиданный ранее рост информационных потоков, которые циркулируют в обществе и которые кардинальным образом изменяют среду обитания и стиль жизни человека»*).

Под вышеуказанным метафорическим выражением понимается постоянное движение «потоков» информации от одной сферы деятельности к другой и регулярное ее обновление. Важную роль здесь играет поддержание интереса аудитории к преподносимой информации в целях расширения круга потребителей последней.

5. «Вирусная скорость» роста и «рекламное вложение» (*«Второй важный момент – скорость роста, точнее даже вирусный рост. Мы*

рассматриваем два параметра; вирусная скорость роста и рекламное вложение. Оказалось, что скорость роста у всех примерно одинаковая»).

Термин «вирус» традиционно используется в медицине. Вирус – это массовое заболевание. Говоря об информации и, используя метафору «вирусная скорость» роста и «рекламное вложение» имеют в виду то, что в настоящее время информация распространяется настолько интенсивно и широко, что это становится подобным вирусу во всех и во всем. А с помощью рекламы информация достигает своей цели еще быстрее.

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

- Все рассмотренные выше метафорические представления информации могут быть отнесены к различным сферам-источникам.

1. Сфера медицины: а) «компьютерная патологическая зависимость»; б) «средства защиты» от информации; в) «вирусная скорость» роста; г) «индивидуальные средства защиты» от информации.

2. Военная сфера: а) «защита» от информации; б) «средства защиты» от информации; в) противостояние массовой «информационной атаке».

3. Сфера биологических потребностей: а) «потреблять» информацию; б) «чувство информационного голода»; в) «удовлетворение информационного голода».

4. Сфера водных стихий: а) «впитывание» информации; б) «каналы» передачи информации; в) «потoki» поступающей информации; г) «циркуляция информационных потоков».

5. Сфера общественной жизни: а) «черный пиар»; б) «комплексное оболванивание избирателя»; в) передача информации «из уст в уста».

Передача информации происходит посредством общения человек-человек, человек-общество, с использованием различных средств (стратегий) психологического воздействия.

6. Сфера производства: а) «конвейер производства» информации; б) «механизмы взаимосвязи» СМИ.

- В метафорическом представлении выделяются следующие группы реакций человека на воздействующую на него информацию: подчинение/управление человеком с помощью информации; зависимость человека от информации; сопротивление/противостояние человека информации.

- В метафорическом представлении информация имеет определенные характеристики: изменение скорости и объема; циркуляция; возобновление.

Рассмотренный языковой материал позволяет выявить разнообразные способы образного представления характеристик информационного пространства и воздействия информации на человека.

Образ женщины в русских, немецких и китайских пословицах и поговорках (культурологический аспект)

Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. У каждого народа есть свои представления об окружающем мире, о людях. В обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства.

В данной статье приведены результаты сопоставительного анализа русских, немецких и китайских пословиц и поговорок, в которых нашло отражение традиционное для данных культур представление об идеале и антиидеале женщины. Изучение пословиц и поговорок предполагает большое количество лингвокультурологической информации и позволяет значительно расширить кругозор иностранных учащихся. Уместное использование пословиц и поговорок является одним из показателей хорошего владения языком.

Сопоставление пословиц и поговорок русского, немецкого и китайского языков из анализируемых словарей позволило выделить как некоторые общие параметры, по которым можно производить сравнение восприятия образа женщины, так и некоторые различия.

В русском языке можно выделить следующие параметры для сравнения.

1. Замужество и семейная жизнь. Примечательно преобладание в синтаксисе входящих в эту подгруппу пословиц придаточных уступительных, выражающих готовность мириться с жизненными неурядицами во имя частичного благополучия: *Хоть бита, да сыта*.

Высока также частотность противопоставительных союзов, вносящих в пословицу семантику обманутого ожидания. *Приданое в сундуке, а урод на руке*.

Общая картина замужества часто окрашена в минорные тона: оно воспринимается как необходимость и как приобретение хотя бы минимальной защищенности, отсутствующей у женщины вне брака: *Когда овдовеешь, тогда-то и мужа помянешь*.

Доминирует образ несвободы, связанности: *Покроют головушку, наложат заботушку*.

В пословицах у женщины можно выделить две роли - *женщина/баба* и *мать*. Концепт *женщина/баба* в большом количестве случаев коннотирован отрицательно и близок к семантическому полю *зло, опасность*: *Всех злыдней злее злая жена*

2. Материнство и родительская любовь. Мать - символ «положительного», она защищает, оберегает. Отношение к ней принципиально иное. *Детушек воспитать - не курочек пересчитать*.

Значительное количество пословиц рассматривает рождение ребенка как раскрытие тайны, неотвратимый выход на свет «греха»: *И году не проташь: девятый месяц все скажет.*

Мать также выступает как источник комфорта, заботы. Она противопоставляется мачехе и иногда даже кормилице: *Мать кормилица, а кормилица не мать.*

3. Красота и хозяйственность. Внешность не существенна, но важна хозяйственность. Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит. Большинство подчеркивают вторичность красоты и первичность хозяйственных или нравственных качеств: *Красота приглядится, а щи не прихлебаются.*

4. Слабый и нелогичный ум. Несмотря на наличие высказываний, высоко оценивающих женский ум (*Женский ум лучше всяких дум*), стереотипной чертой является все же ограниченность женского интеллекта: *Волос длинный, а ум короткий.*

5. Болтливость. Процессу женского говорения приписывается малая ценность. Примечательно, что сочетание слов *баба/женщина* и *говорить* практически не встречается. Женщины брешут, метут языком, бредят, талдычат, врут, сплетничают: *Шили и мыла, гладила и катала, пряла и ложила, а все языком; Бабий язык — чертово помело.*

6. Сварливость, вздорный нрав: *С бабой не сговоришь (не убедишь).*

Женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как правильное и неправильное. Основная сема здесь - нелепость, неправильность женского поведения: *Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу.*

Примечательно, что пословицы этой группы в большинстве случаев выражают вполне логичное намерение в первой части и неудачный результат во второй: *Ладила баба в Ладугу, а попала в Тихвин.*

7. Опасность, коварство: *Жена ублажает, лихо замышляет.*

8. Любовь и привязанность. В данной подгруппе констатируется абсолютная необходимость наличия любимого человека («милого»). В пословицах этого типа доминируют готовность к самопожертвованию — *Ради милого и себя не жаль; За милого и на себя поступлюсь* - и крепость эмоциональных уз - *Забудется милый, так вспомнится; Не мил и вольный свет, когда милого нет.*

9. Проявление своей воли. Зависимость и незащищенность женщины, исключение ее из всего многообразия социальных отношений предполагает лишение женщины воли и свободы. *Жене волю дать — добра не видать.* Пословицы этого типа весьма многочисленны. Из них явствует, что женское пространство ограничено в прямом и переносном смысле. Тем не менее, целый ряд пословиц фиксирует наличие воли, самостоятельности женщин и своего взгляда на мир: *Утро вечера мудренее, жена мужа удалее.*

Анализ материала словарей показал, что в немецком языке представлены следующие семантические сферы:

1. Замужество и семейная жизнь. Большинство фразеологических единиц стилистически нейтральны: *Ehestand, Wehestand* (Жениться – не все веселиться).

2. Материнство и родительская любовь. Материнство коннотировано только положительно: *Mutterliebe altert nie* (Любовь матери никогда не старит); *Wer das Kind bei der Hand greift, greift der Mutter ans Herz* (Кто хватается ребенка за руку, тот хватается мать за сердце).

3. Красота и хозяйственность. Немецкий язык относит привлекательную внешность к числу значимых ценностей: *Eine schone Wirtin macht einen teuren Gasthof* (хорошая хозяйка держит дорогую гостиницу).

Красота также связывается с опасностью и соотносится с военной сферой: *Eine schone Frau hat ihre Waffen bei sich* (Красивая женщина держит оружие при себе).

«Хорошая» женщина бесценна, она способна совершать чудеса, делать жизнь окружающих легче: *Eine gute Frau macht aus einem Achtziger einen Vierziger...* (Хорошая женщина из восьмидесятилетнего сделает сорокалетнего).

Семантическая область «женского труда» относится лишь в сфере домашней работы: *Eine Frauenhand findet immer zu tun* (Женская рука всегда найдет себе занятие).

4. Слабый нелогичный ум. Часто происходит инфантилизация женского ума, когда лексическое окружение слова *Frau* соотносится с подобными концептами: *Kindern und Frauen muss man ihr Spielzeug lassen* (Детям и женщине нужно позволять свои игрушки). Большинство фразеологических единиц, посвященных женскому интеллекту, отражают представление об его ограниченности: *Eine dumme Gans* (глупая гусыня); *Eine dumme Ziege* (глупая коза); *Ein verrucktes Huhn* (сумасшедшая курица).

5. Болтливость и молчаливость: *Alte Weiber und Frosche quaken viel* (Старые бабы и лягушки много квакают).

6. Сварливость, вздорный нрав: *Ein boser Mann ist ein Teufel, eine bose Frau eine Holle* (Злой мужчина – дьявол, злая женщина – ад).

7. Коварство, опасность. *Eine Frau und ein Gewitter sind immer zu furchten* (Женщину и грозу всегда нужно бояться).

8. Любовь, привязанность. Общая идея единиц этой подгруппы состоит в том, чтобы отразить «слепоту» любящего мужчины, не способного заметить недостатки любимой: *Wer liebt, dem ist jeder Tintenfleck eine Venus* (Для влюбленного каждое чернильное пятно – Венера). Фиксация специфики женского взгляда на любовь и привязанность в рассматриваемом материале не была обнаружена.

9. Хитрость, фальшь, неискренность. *Eine falsche Katze* («Притворный» котенок).

10. Религиозная сфера, где доминирует лексема *Nonne* (монахиня). Лексема монашка/монахиня в русских фразеологических единицах практически не встречается. *Alles kommt an den Mann, sagte die Nonne, bloss ich nicht* (Все приходит к мужчине, - сказала монахиня, - только не я).

11. Непорочность. Эта небольшая подгруппа отражает негативную моральную оценку «падения» женщины: *Zu Fall kommen*.

12. Номинации «слабого пола» как такового. Эта небольшая подгруппа выражает понятие женственности как таковой: *Die holde Weiblichkeit* (Слабая женственность). В ней присутствуют атрибуты, соотносящиеся с лексико-семантическим полем «Слабость»: *schwach, hold, zart*.

В пословицах и поговорках можно найти номинации женщины как молодой, так и старой. Молодую девушку называют *ein blondes Gift* (белокурый, светловолосый дар), *ein flotter Dampfer* (бойкий пароход). Фрагмент поля, относящийся к понятию *altes Weib* (старуха), часто обнаруживает присутствие лексемы *Teufel* (черт): *Wo der Teufel nicht hinwagt, schickt er ein altes Weib* (Где не может черт пройти, туда он посылает старую бабу).

В китайском языке есть древняя пословица, в которой описываются достоинства идеальной женщины: *Три вида подчинения и четыре благородных качества*. Женские добродетели по феодальным нормам нравственности Китая: до замужества женщина должна подчиняться отцу или старшему брату, после замужества – мужу, а после смерти мужа – старшему сыну; женщина должна обладать добродетелями, быть сдержанной в словах, следить за внешностью и быть верной мужу. На основе смысла данной пословицы возникали впоследствии новые пословицы и поговорки, относящиеся лишь к конкретному качеству женщины.

1. Замужество и семейная жизнь. Муж и жена воспринимаются как единое целое. Для китайской культуры очень важны мир и взаимопонимание в семье, об этом говорит большое количество пословиц, посвященных данной теме: *Жить в мире и согласии, мирно жить и трудиться, наслаждаться мирным трудом и спокойствием; Делить горе и невзгоды; Если думать врозь – вместе не жить*.

Особое внимание уделяется верности жены своему мужу, покорности своей судьбе, что является одним из четырех достоинств женщины: *Верная жена, делящая невзгоды с мужем; Жену, которая с тобой делила горя рок, ту, что тебе назначена судьбой, не смей гнать за порог* (законной любящей жене муж должен отвечать любовью и уважением).

2. Материнство и родительская любовь. Главным предназначением жены является рождение и воспитание детей: *Нужно много времени, чтоб воспитать человека; Нет ничего на свете беспокойнее родительского сердца*.

Мать и отец очень важны для китайской культуры: невосполнимая потеря сравнивается с потерей отца и матери: *Как будто потерял отца и мать*.

3. Красота и хозяйственность. В китайском языке внимание уделяется не только внешней красоте, особое внимание уделено женской походке: *Для влюбленного она – всегда красавица Си Ши, Каждому своя милая – самая красивая; Из каждого следа той прекрасной ножки взрастает лотос*. Но

красота не всегда является гарантом счастья: *Красавицу часто постигает горькая участь* (не родись красивой, а родись счастливой).

Пословиц, посвященных хозяйственности, не так много, как в русском языке, но все же они есть: *Вести домашнее хозяйство в духе трудолюбия и бережливости*.

4. Слабый нелогичный ум. *Чем меньше в женщине учености, тем больше в ней добродетели*.

5. Болтливость и молчаливость. В китайском языке большое количество пословиц посвящено говорливости, болтливости женщины без цели: *Болтать всякую всячину; Лясы точить*. Другим достоинством женщины является ее молчаливость, сдержанность в словах: *Не обмолвиться ни словом*.

6. Благородство. В данном блоке пословиц женщина отличается благородством, высокой моралью и тихим нравом: *Светла как льда прозрачность и яшмы белизна* (высокая мораль и благородная натура).

7. Большое число пословиц посвящено неверности. *Тайно подгонять осеннюю волну* (тайно заигрывать с кем-то, флиртовать); *Носу вставил третий* (появился любовник). К данной области можно также отнести пословицы, которые представляют собой советы для мужчин. *Потворство женщине ведет к ее распутству* (излишняя снисходительность порождает дурные наклонности).

8. В китайском языке ряд пословиц посвящен старости как одному из недостатков женщины: *Есть три скучнейшие вещи в жизни мужчины: холодный чай, слабое вино и старая женщина*.

9. Женским слезам посвящено множество поговорок в китайском языке: *Громко расплакаться; Выть белугой; Слезы хлынули потоком*.

И немецкая, и русская, и китайская фразеология представляют несвободный образ женщины, где ее ипостаси жестко разграничены по семантическим областям в зависимости от отношения к мужчинам: девушка, невеста, жена, мать, домохозяйка, старуха, вдова и т.п. Женщины, их характер и деятельность определяются как «Иное», «Другое», составляя один из полюсов более общей оппозиции «Свое – чужое».

Во всех языках образ женщины противоречив: и немецкий, и русский, и китайский языки обнаруживают четкую полярность в характеристике представительниц второго пола. Оценки основаны во многих случаях на функционально обусловленных противопоставлениях «добрая - злая», «gut - böse».

В трех языках значительная часть материала представляет собой моральные, нравственные предписания, относится к женщинам. Сходство можно отметить и в оценке и дефиниции типично женских качеств: слабом интеллекте, сварливости, болтливости. В русском и китайском материале ярче выражено нежелание позволить женщинам высказаться.

Несмотря на то, что был обнаружен ряд сходных черт, анализ показал и весьма существенные различия в отображении немецким и русским

языками концепта *женщина*. Прежде всего, стоит отметить резкую количественную разницу (1800 единиц в русском, около 400 в немецком и 350 в китайском).

Обращает на себя внимание также тот факт, что образ женщины представлен в русском материале значительно шире не только в количественном, но и в качественном отношении: отражены разнообразнейшие социальные роли, степени родства, этапы жизни женщины, ее разнообразные задачи и умения (невеста, мать, жена, сестра, сваха, теща, свекровь, невестка, золовка, хозяйка, мачеха, кума, попадья и т.д.) Это резко отличает русский фразеологический материал от немецкого и китайского. Не менее важен факт, что в русской языке внешность женщины не имеет решающего значения. Немецкие и китайские фразеологические единицы, напротив, придают этим качествам высокую значимость.

Важной особенностью русских пословиц является наличие в них высказываний от лица женщины. В немецком и китайском материале такое явление обнаружено не было. Женская точка зрения отображает наблюдение за бытием «от первого лица», от лица женщины. Пословицам данной группы свойственно отрицательное отношение к процессу женского говорения.

В китайском языке в пословицах и поговорках особое внимание уделено четырем достоинствам идеальной женщины: добродетели, сдержанности в словах, ухоженной внешности и верности мужу. На эти достоинства в китайском языке много яньюев (китайских пословиц) и чхэньюев (китайских пословиц, состоящих из четырех иероглифов). Недостатком женщины в китайской культуре является отсутствие одного из четырех достоинств, что становится темой для пословиц и поговорок с отрицательной характеристикой женщины. Особо следует упомянуть о яньюиях и чхэньюиях, посвященных неверности женщины, где это качество доведено до предела и номинацией женщины становится «проститутка».

Таким образом, можно утверждать, что фразеологические единицы раскрывают национальный стереотип женщины в данной культуре, что способствует их взаимопониманию.

Результаты анализа пословиц и поговорок русского, немецкого и китайского языков можно представить в виде следующих таблиц:

Таблица 1. Сходство в характеристиках женщины

	Русский язык	Немецкий язык	Китайский язык
Замужество и семейная жизнь	+	+	+
Материнство и родительская любовь	+	+	+
Красота и хозяйственность	+	+	+

Слабый нелогичный ум		+	+	+
Болтливость	и	+	+	+
молчаливость				

Таблица 2. Различие в характеристиках женщины.

	Русский язык	Немецкий язык	Китайский язык
Сварливость, вздорный нрав	+	+	—
Коварство, опасность	+	+	—
Любовь привязанность	+	+	—
Проявление своей воли	+	—	—
Имитация женской речи	+	—	—
Хитрость, фальшь, неискренность	—	+	—
Номинации по возрасту	—	+	+
Религиозная сфера	—	+	—
Номинация «слабого пола» как такового	—	+	—
Благородство	—	—	+
Неверность	—	—	+
Сравнение с мужчиной	—	—	+
Женские слезы	—	—	+

Обнаруженные стереотипы могут быть положены в основу методики обучения русскому языку как иностранному.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990.

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. – СПб., 2006.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) / www.ons.rema.ru.

Кирилина А.В. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999 / www.a-z.ru.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Словари

Байер А., Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. – М., 1989.

Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1975.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1997.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 1991.

Кожевников И.Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка. – М., 2005.

Колпакова И.П., Мельц М.Л. Избранные пословицы и поговорки русского народа. – М., 1957.

Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. – М., 2005.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 2001.

Сизов С.Ю. Китайско-русский словарь идиом. – М., 2005.

Хуссейн Тума М.

К вопросу о многозначности и омонимии во фразеологии (на примере русских фразеологизмов со словом «язык»)

Как отмечается в литературе, многозначность и омонимия фразеологических единиц не образуют строго дифференцированных, системных явлений - по крайней мере, достаточных для полноценной лексикографической разработки.

Ещё в конце XIX века А.А. Потебня указывал на способность фразеологизмов развивать «многозначность» (Потебня 1914). Однако лишь с 1950-х годов об этом явлении стали говорить достаточно определённо, хотя и до сих пор не все исследователи признают многозначность фразеологизмов, а те, которые признают, по-разному объясняют это явление. Так, Н.М. Шанский полагает: «В многозначных фразеологизмах значения всегда соотносятся одно с другим как исходное и производное, прямое и переносное» (Шанский 1985, с. 42). А.И. Молотков подтверждает эту точку зрения: «В границах многозначного фразеологизма, как и в границах многозначного слова, лексические значения могут соотноситься между собой <...> как прямое и переносное» (Молотков 2001, с.6).

Иного мнения придерживаются другие лингвисты. Например, по мнению М.И. Фоминой, которая последовательно отграничивает фразеологизм от слова, «системные отношения внутри одной фразеологической единицы, обладающей двумя и более значениями, несколько иные, чем у многозначных слов» (Фомина 2001, с. 325). Исследователь сообщает, что «в кругу фразеологизмов полисемия наблюдается значительно реже». В.П. Жуков (автор раздела «Фразеология» в учебнике под редакцией П.А. Леканта) подтверждает это, отмечая, что «подавляющая часть фразеологизмов однозначна» (Современный русский литературный язык 1999, с. 53). По подсчётам лингвистов, в 1-м издании специального «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова из 4000 фразеологизмов только около 600 многозначных, что составляет немногим более 15% (Фомина 2001, с. 325). Как указывает М.И. Фомина, «разные значения одной и той же фразеологической единицы не соотносятся между собой как прямое и переносное <...> что всегда наблюдается у многозначного слова. Сам по себе фразеологизм <...> чаще всего возникает в процессе метафорического (и значительно реже - метонимического) переноса, то есть образного переосмысления первичного прямого значения свободного словосочетания» (Фомина 2001, с. 325 - 326).

В.П. Жуков также считает, что «фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же состава. В результате повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания появляются такие многозначные фразеологизмы, которые обладают только метафорическими значениями» (Современный русский литературный язык 1999, с. 53). Впрочем, В.П. Жуков не проявляет той категоричности в обозначении путей развития у фразеологизмов переносных значений, какая свойственна М.И. Фоминой: в приведённой цитате он лишь указывает, что таким способом фразеологическая полисемия развивается «часто».

Кроме того, В.П. Жуков утверждает, что «многозначность наиболее характерна для глагольных и наречных оборотов как самых распространённых, в меньшей степени - для именных (адъективных и т. д.)» (Современный русский литературный язык 1999, с. 531). Н. М. Шанский в подтверждение наблюдений В.П. Жукова добавляет, что «многозначность чаще встречается у тех фразеологических оборотов, которые по структуре соответствуют словосочетанию <...> Среди фразеологизмов, по структуре соответствующих предложению, многозначных образований немного» (Шанский 1985, с. 43).

В данной статье мы попытаемся установить, насколько чётко многозначность и омонимия могут быть определены в частном классе фразеологизмов - среди устойчивых оборотов со словом «язык» и, следовательно, насколько выводы теории фразеологии приложимы к практике анализа конкретного фразеологического материала.

Анализ лексикографических справок относительно устойчивых единиц со словом «язык» показывает, что полисеманты (в числе которых отмечается небольшое количество оборотов, имеющих тенденцию к образованию омонимов) в их составе обнаруживаются среди фразеологизмов, использующих слово «язык» в прототипических значениях «мышечный орган» и «система знаков, служащая средством общения людей».

Среди фразеологизмов-полисемантов со словом «язык» в значении «мышечный орган» мы обнаружили следующие единицы:

Высунув (высунувши, высуня) язык (разг., прост.) - поспешно, очень быстро; стремительно, из последних сил» (бегать, убегать, улепётывать и т. п.). Например: «Он бежит... *высунув язык*, задыхаясь» (Б. Горбатов);

в хлопотах до изнеможения (бегать, трудиться, делать что-либо). Например: «В день отъезда я бегал по Питеру, *высунув язык*» (А. Чехов).

Боек (бойкий) на язык (на слова) (разг., экспрес.) - находчив в разговоре, красноречив. Например: «Дикие туристы *бойкие на язык*, но знать мало что знают, уметь совсем почти ничего не умеют, блудят и мрут в тайге» (В. Астафьев);

разговорчивый, болтливый. Например: «Возня с хозяйством обратила её в вечно движущуюся и *бойкую на язык* женщину» (И. Гончаров).

Вертеться на языке у кого-либо -

о большом желании сказать то, о чём нельзя говорить по каким-либо обстоятельствам. Например: «Порядочный роман!.. Что-то очень... У меня *на языке вертелось* вставить здесь одно слово, которое чрезвычайно просилось на язык, но лучше воздержаться» (Н. Гоголь); «Табельщик судорожно передвинул ногу. *На языке у него вертелось* нечто дерзкое и наглое» (С. Голубов);

что-то знакомое, хорошо известное, но забытое в данный момент. Например: «Фамилия *вертелась* у него *на языке*, как это иногда случается» (А. Смирнов);

никак не вспомнится (о тщетном усилии вспомнить момент). Ср.: *вертеться в голове*. Например: «Был у нас в роте командир, поручик... Вот, оказия, никак его фамилию не вспомню... *На языке вертится*, а не вспомню. Прямо затемнение какое-то» (К. Седых).

Как видим, полисемантическая структура последнего фразеологизма представлена значениями: «то, что хочется сказать (но нельзя)», «то, что известно, но сейчас забыто», «то, что необходимо вспомнить». Очевидно, что 1-е из этих значений не содержит компонента *вспоминания*, свойственного двум другим, и поэтому, как нам представляется, находится на стадии отделения в омоним.

Лишиться (лишиться) языка (прост., экспресс.) –

утрачивать дар речи под влиянием сильных переживаний (страха, испуга и т. п.). Например: «Жена у меня немая... Как родила второго ребёнка - мёртвого, так с тех пор и *лишилась языка*» (А. Куприн);

будучи рассерженным на кого-либо, испытывая обиду, не разговаривать, молчать. Например: «Наталя будто *языка лишилась*. Утром она так же молча поставила на стол завтрак. Арсений снова пытался заговорить, заслонил даже дорогу, но она всё так же глядела мимо, легко отстранила его» (В. Муссалитин).

На языке у кого-либо (разг.) -

что-либо постоянно повторяется, обсуждается и т. п. кем-либо. Например: «Штернберг был у нас художественною знаменитостью. В те времена он постоянно был у всех *на языке*» (В. Стасов);

в речи, разговоре. Например: «Точно, дитя: что на уме, то *на языке*»; «*На языке* легка и ласка и услуга» (В. Даль).

Развязать (развязывать) язык (языки) (разг., неодобр.) -

начать много говорить, становиться болтливым. Например: «Дед неожиданно для всех прикрикнул на отца: - Поговори у меня! Ишь, *язык развязал*» (Ф. Гладков);

опасаясь расправы, наказания и т. п., начинать говорить, выдавая какую-либо тайну. Например: «На выбор: или ты, собака, сейчас же *развяжешь язык*, или через десять минут будешь поставлен к стенке!» (М. Шолохов).

У последнего фразеологизма-полисеманта словари отмечают также группу значений, которую, по нашему мнению, можно рассматривать как находящуюся в стадии перехода к омонимии:

Развязать (развязывать) язык (язычок, языки) кому (разг., неодобр.) - давать возможность разговориться, заговорить непринуждённо, без стеснения. Например: «С уходом адвоката в каюте сделалось как-то вольнее, как будто отсутствие его всем *развязало языки*» (М. Салтыков-Щедрин); «Когда пропустили по первой, голопольцы загалдели. Стаканчики *развязаны сразу языки*. Всем захотелось говорить» (А. Неверов);

заставлять, принуждать кого-либо говорить, сообщать какой-либо секрет. Например: «- Эге, брат, так ты вздумал отмалчиваться! - закричал запорожец. - Да вот постой, любезный, я тебе *язычок развяжу!*» (Н. Загоскин).

Представляется очевидным, что, находясь в семантической соотнесённости, значения *развязать язык* «начать говорить» и «*развязать язык*» (кому) «заставить говорить кого-либо» отстоят друг от друга всё же дальше, чем значения «становиться болтливым или начать говорить вообще» и «начать говорить (выдавая какую-либо тайну) под угрозой расправы» внутри одной пары и «давать возможность разговориться кому-либо» и «заставлять говорить кого-либо» - внутри другой.

Обнаруживается и другой устойчивый оборот со словом «язык», многозначная структура которого демонстрирует тенденцию к распаду, характерному для образования фразеологической омонимии:

Разрешать /разрешить язык (устар.) – начинать говорить. Например: «Тут Кассандра вещий *язык разрешила*, чтобы нам предсказать о грядущем» (В. Жуковский);

Разрешать (разрешить) язык кому, чей (устар.) – заставлять заговорить кого-либо. Например: «Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш *разреши́т язык* моего старого знакомого. Я не ошибся... На втором стакане он сделался разговорчив» (А. Пушкин).

Итак, среди более ста десяти отмеченных во фразеологических словарях единиц со словом «язык» в прототипическом значении «мышечный орган» лишь менее десятка прокомментированы фразеографами как многозначные. О присутствии среди них 3-х пар омонимов (то есть единиц, совпадающих по лексическому составу, но значительно различающихся по идиоматической семантике) можно говорить лишь с некоторой долей неопределённости. В любом случае указанные выше фразеологизмы-омонимы образовались не из разных, независимых «источников», а являются «продуктом» (возможно, не окончательно оформившимся) распада полисемантической структуры одного фразеологизма.

Лексикографические характеристики фразеологизмов со словом «язык» в прототипическом значении «система знаков, служащая средством

общения людей» (таких оборотов в словарях представлено чуть более 20-ти) позволяют и среди них выделить небольшое количество полисемантов, а именно:

Эзоповский (эзопов) язык -

иносказательный, изобилующий недомолвками, двусмысленностями, аллегориями и другими приёмами речи, направленными на то, чтобы скрыть подлинные мысли. Например: «Захотели вы непременно точности, когда вся директива писана на каком-то *эзоповском языке*» (Сергеев-Ценский);

художественная речь, основанная на иносказании, намёках и других подобных приёмах, в которой за прямым смыслом сказанного таится второй план, раскрывающий подлинные мысли автора.

Птичий язык -

псевдонаучный, непонятный для многих язык;

тайный, намеренно закодированный язык.

Полисемантическую структуру последнего фразеологизма, по нашему мнению, можно рассматривать как приближающуюся к омонимической.

Таким образом, и в данной семантической группе фразеологизмов со словом «язык» содержание многозначных единиц не превышает 10%. Полностью оформившихся омонимов среди них, по нашему мнению, нет.

Как видим, наблюдения над корпусом русских фразеологизмов со словом «язык» вполне подтверждают сомнения некоторых фразеографов в возможности обнаружить во фразеологии чётко дифференцируемые полисемантические и омонимические отношения. Доля многозначных фразеологизмов среди оборотов со словом «язык» оказывается даже меньшей, чем доля полисемантов в материале словаря под редакцией А. И. Молоткова (около 10% против чуть более 15%). Фразеологизмы-омонимы среди устойчивых единиц со словом «язык» идентифицируются с существенными оговорками.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. - Харьков, 1914.

Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. - М., 1999.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. - М., 2001.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М., 2001.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., 1985.

Формирование языкового сознания

Али Анвар А.

Обучение русской падежной системе арабговорящих учащихся на начальном этапе

Обучение практическому овладению падежной системой русского языка и правильному употреблению падежных и предложно-падежных конструкций является одной из основных и наиболее сложных проблем методики преподавания русского языка в арабской аудитории на начальном этапе.

Значимость категории падежа для флективных языков типа русского и арабского давно признана лингвистикой, в то же время всегда указывалось на большие трудности анализа этой категории. О. Есперсен в своем труде «Философия грамматики» считал ее даже «одной из наименее рациональных частей языка в целом» (Есперсен 2002, с.213). Коммуникативная значимость этой категории для флективных языков подчеркивалась В.В. Виноградовым, указывавшим, что «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами и явлениями, действиями и качествами в митре материальной действительности» (Виноградов 2001, с. 144-145).

Разработкой эффективных методов обучения нерусских учащихся русской падежной системе занимались многие методисты и русисты, в частности, такие, как О.М. Аркадьева, А.Ф. Бойцова, Т.А. Вишнякова, К. Пехливанова, И.А. Рудакова, С.А. Хавроница, Р.А. Этова, К. Абдурахман, Бланш Фахер и др.

Известно, что арабский и русский языки относятся к разным языковым группам в морфологической классификации, т.е. они не являются генетически родственными.

Своеобразие морфологической системы русского языка с его системой падежей, согласованием прилагательного, притяжательного и указательного местоимений, порядкового числительного с существительными в роде, числе и падеже, глагольным управлением, несомненно, затрудняет автоматизацию действий по выбору форм в соответствии со структурой и смыслом и является источником многочисленных ошибок арабов, начинающих изучать русский язык.

Важно отметить, что русскую и арабскую грамматические традиции в интересующем нас плане (т.е. сопоставления русской категории падежа и арабского «И'раб») объединяет общее преобладание функционально-синтаксического подхода к данным явлениям.

В «Русской Грамматике» 1980-го года отмечается, что категория падежа - это словоизменительная категория имени, выражающаяся в системе

противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношения имени к другому слову (словоформ) в составе словосочетания и предложения (Русская Грамматика 1980, с 474-475).

Падеж как словоизменительная категория выражается флексиями. В зависимости от системы флексий в падежных формах все существительные, изменяющиеся по падежам, делятся в русском языке на три класса или склонения.

Существительные каждого склонения имеют свои парадигматические характеристики: первые составляют парадигму единственного числа, а другие - парадигму множественного числа. Общее количество флексий по всем трём склонениям в ед. и мн. числе составляют пятнадцать различных флексий: нулевую флексию «0», флексии / а /, - / о /, - / у /, - / ом /, - / ој /, - / оју /, - / ју /, - / э /, - / и /, - / а 1 /, - / оф 2 /, - / еј /, - / ам /, - / ами /, - / ах /, например, *стол, стена, окно, к Ивану, с другом, на мостовой, над травкой, с зависимостью, в учебнике, в связи, от Дубинина, от студентов, от товарищей, по вечерам, за стенами, в городах.*

В арабском языке, как в других флективных языках, функции слов в предложении определяются путём прибавления в конце слов определенных суффиксов, которые меняются в зависимости от синтаксических значений слов. Подобные изменения называются «И'раб», прибавляемые суффиксы – падежными признаками.

В арабском языке категория «И'раб» выражается двумя способами – способом огласовки и посредством суффиксов.

Что касается способа огласовки, то здесь следует напомнить, что в арабском языке корнеслов, выражающий общее понятие, образуется согласными звуками и является консонантным.

Отдельные словоформы, выражающие конкретные понятия и реляционные связи, образуются посредством постановки гласных между согласными консонантного корнеслова. Например, от корнесловных звуков «к», «т», «б» с помощью гласных можно образовать новые слова: штаба, кутиба, катибун, кита-бун и др. (Flesh 1956, p. 9).

Следует отметить, что большинство арабистов и арабских филологов считают, что «И'раб», т.е. флексия – это только изменение окончаний слов.

Суффикс, выражающий флексию, неотделим от слова, определяет его функцию в предложении. С этой точки зрения Г. Флейш явление «И'раба» называет деклинацией (там же). Разные виды «И'раба» - огласовки, суффиксы - по существу имеют одно и то же свойство, так как огласовки и суффиксы в окончаниях слов являются разновидностями гласных: кратких и долгих.

Вернёмся к цели нашего исследования, которая заключается в выделении основных трудностей в формировании умений и навыков употребления падежей в речи арабговорящих учащихся на русском языке. Такие трудности определяются особенностями системы русского языка, различиями в способах выражения смысловых отношений в русском и родном языке учащихся.

Важно упомянуть, что категория падежа в русском языке представляет собой сложную шестипадежную систему (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный). В арабском языке падежная система состоит из трёх падежа: именительный, винительный и родительный.

Описание характеристик категории падежа в арабском языке, прежде всего, требует обнаружения ее тесной связи с категорией рода.

Особенно важно сказать, что категория рода в арабском языке отличается от такой же категории в русском языке. В русском языке имеются три рода: мужской, средний и женский, а в арабском - мужской и женский, т.е. отсутствует средний род. Наличие у русских существительных трёх родов при двух родовых формах у арабских существительных приводит к тому, что у неодушевленных существительных, где категория рода формальна, арабскому слову мужского или женского рода в русском языке соответствует слово аналогичного значения в среднем роде. Ср.:

русский язык	арабский язык	перевод
сред. р. Имя	муж. р. Исмун	Имя
= письмо	= рисалетун	письмо
= окно	= нафидатун	окно
= море	= бахрун	море

Отсутствие среднего рода в арабском языке является причиной многих ошибок арабских студентов при употреблении русских существительных, местоимений, числительных и прилагательных.

При усвоении категории рода в русском языке студенты-арабы допускают много ошибок, часть из которых объясняется трудностями усвоения отнесенности русских имен к среднему роду: вместо среднего рода учащиеся употребляют мужской род под влиянием родного языка, например: *Мы получили письмо от брата. Она шла долго* вместо *Оно шло долго; Сестра выключила радио, потому что он мешал ей* вместо *Оно мешало ей*.

Кроме вышеназванных нами трудностей при работе над категорией рода в арабской аудитории, большие затруднения вызывают существительные русского языка и женского рода с «ь» в конце. Приводим несколько существительных, к примеру, женского рода в русском языке – мужского в арабском: *боль, грудь, запись, мысль, новость, ночь, дверь, надпись, тетрадь и т.п., и наоборот, корабль, огонь, контроль* и т.п.

В связи с отсутствием формального показателя рода в именительном падеже у существительных, орфографически оканчивающихся на «ь», арабские студенты допускают два типа ошибок:

1. Отверждение согласных на конце существительных женского рода, например, *лошад, двер*, (вместо *лошадь, дверь*), что приводит к тенденции

отнесения этих существительных к мужескому роду.

2. Смягчение конечного согласного в словах мужеского рода типа: *ветерь, столь, стуль* (вместо *ветер, стол, стул*). Причины появления подобных ошибок могут иметь фонетический характер (явление твердости / мягкости составляет трудность для арабов).

Таким образом, формальные показатели падежей арабского языка для обоих родов следующие:

падеж	мужской род	женский род
Им.	тильмид (школьник)	тильмидат – ун (школьница)
Род.	тильмид – ин	тильмидат – ин
Вин.	тильмид – ан	тильмидат – ан

Из приведенных примеров видно, что основным показателем женского рода в арабском языке элемент «– ат». Окончание падежа прибавляется к этому элементу. В русском языке, как известно, окончания существительных в среднем и женском роде изменяются при образовании падежных форм: *им. п.* письмо, *род.п.* письма, *дат.п.* письму, *вин.п.* письмо, *твор.п.* письмом, *предл.п.* (о) письме; *им.п.* девушка, *род.п.* девушки, *дат.п.* девушке, *вин.п.* девушку, *твор.п.* девушкой, *предл.п.* (о) девушке.

В первом и во втором типах склонения существуют два варианта: «твёрдый» и «мягкий»: *институт — института* и т.д., но *трамвай — трамвая, учитель — учителя*, и т.д.; *страна — страны, страной* и т.д., но *земля — земли, землёй* и т.д.. Существительные с мягкой основной и нулевым окончанием относятся к разным типам склонения в зависимости от принадлежности к роду: *словарь - словаря - словарю - словарь - словарём - (о) словаре* (муж. р.), но *тетрадь - тетради - тетради - тетрадь - тетрадь - (о) тетради* (жен. р.). Это вызывает большие трудности у учащихся, так как отсутствует формальный и семантический показатель принадлежности к роду.

Итак, можно отметить, что падежная система имён в арабском языке отличается строгим единством, здесь нет многообразия форм, как в русском языке. Это само по себе может явиться причиной ошибок арабских студентов, но главной причиной ошибок является расхождение в распределении значений падежей.

Перейдем к описанию наиболее типичных ошибок арабоязычных учащихся в употреблении русских падежей на начальном этапе обучения.

Ошибки на замену падежей

1. Именительный падеж

Введение именительного падежа арабоязычным учащимся не представляет никакой трудности, так как он имеет в арабском языке те же значения, которые имеются в русском языке. Этот падеж в русском и арабском языках противопоставлен всем другим падежам, чаще всего занимает синтаксическую позицию подлежащего. В русском языке

именительный падеж является исходной падежной формой, в которой имя существительное употребляется для названия лица, предмета или явления.

Как было указано выше, введение именительного падежа арабам не представляет особой трудности, но здесь необходимо остановиться на некоторых типичных ошибках у арабских учащихся в употреблении именительного падежа:

а) как в русском, так в арабском языке, именная часть сказуемого употребляется в именительном падеже: Этот человек - инженер. При наличии связки «быть» в русском языке наряду с именительным употребляется и творительный падеж, а в арабском языке при наличии связки обязателен винительный падеж. Ср.: *Саша Мацкевич был студента*. Вместо *Саша Мацкевич был студент (студентом)*.

б) именительный падеж может встречаться в составе русского предложения: «город Москва», газета «Известия», а в арабском языке названия дней недели, месяцев, сочинений и названия при словах, обозначающих общие понятия, ставятся в родительном падеже. Ср.: *Ему трудно читать газету «Известии»*. Вместо *Ему трудно читать газету «Известия»*.

2. Родительный падеж

Родительный падеж очень ёмкий как в русском, так в арабском языках. Общим для обоих языков является его постпозитивное употребление с именем существительным. Это значения:

- 1) принадлежности: *квартира отца, очки учителя, сумка сестры*;
- 2) признака: *вечер встречи, жестокость войны*;
- 3) целого после существительных, обозначающих часть этого целого: *кусок хлеба, пакет молока*;
- 4) отношения: член команды: *студент нашего института, гражданин России*;
- 5) родительного падежа после отглагольных существительных и т.д.

Такие же значения встречаются и в арабском языке. Однако следует иметь ввиду некоторые особенности арабского языка, которые могут явиться причиной ошибок учащихся даже в этих случаях. Эти особенности сводятся к следующему:

а) в арабском языке шире употребляется родительный падеж для определения назначения предмета, тогда как в русском языке мы находим в этих случаях прилагательные или конструкцию с предлогом «для»;

б) в арабском языке родительному падежу целого с существительным, обозначающим часть («кусок хлеба»), точно соответствующему русскому обороту, соответствует и конструкция с предлогом «мин» - (из, от): *Кадахун мин аль-асири* (буквально *Стакан из сока*);

в) конструкциям с родительным падежом несогласованного определения, имеющим при себе прилагательное: *человек высокого роста*, в арабском языке соответствуют совершенно иной оборот;

г) в арабском языке наряду с оборотом *сумка сестры* может

использоваться оборот с предлогом принадлежности;

д) если в русском языке родительный падеж употребляется после существительных, как со значением части предмета, так и после существительных со значением меры, то в арабском языке после существительных со значением меры стоит винительный падеж.

В арабском языке после чисел от трёх до десяти имя существительное ставится в родительном падеже множественного числа; после одиннадцати до девяноста девяти в винительном падеже единственного числа; после круглых сотен и тысяч - в родительном падеже единственного числа; после сложных числительных типа 115, 127 и т.п. - в зависимости от последнего произносимого слова. Поэтому при объяснении этой темы преподавателю следует исходить только из особенностей русского языка, так как аналогий здесь не имеется.

После слова «*сколько*» в арабском языке имя стоит в винительном падеже единственного числа. Однако после слова «*несколько*» употребляется также родительный падеж множественного числа, так как это слово в арабском языке является существительным, обозначающим неопределённое количество.

Русское неопределённое местоимение «*некоторые*» по-арабски переводится тем же словом, что и «*несколько*».

Слова «*мало, много*» в арабском языке являются также существительными. После них употребляются предлог «*мин*» - (из, от) в сочетании с существительным, стоящим в родительном падеже.

В отличие от русского языка в арабском языке, как правило, и в отрицательной, и в утвердительной конструкциях употребляется именительный падеж:

У меня есть сумка (индии хакибатун. Буквально у меня сумка).

У меня нет сумки (лайса индии хакибатун. Буквально не имеется у меня сумка).

В арабском языке отрицание при глаголах не влияет на управление.

В русском языке используются три предлога при обозначении направления с родительным падежом: «из, от, с», а в арабском им соответствует только один предлог «*мин*». Отсюда более внимательное отношение преподавателя к отработке форм с этими предлогами. Ошибки здесь очень много: «*из отца*», «*из родины*», «*от родины*» и т.д.

Предлогу «у» в арабском языке соответствует предлог «*инда*»: «*у друга*». Однако, в пространственном значении: «*у реки*» – предлогу «у» в арабском языке соответствует наречный предлог «*курба*». Поскольку «*курба*» близко по значению наречию «*рядом*», арабские учащиеся допускают ошибки типа: «*Он стоял рядом стола*».

Важно отметить, что особого внимания требует работа над управлением глаголов «*брать, отнимать, спрашивать, просить* - у кого?», так как с этими глаголами в арабском языке употребляется предлог «*мин*», и студенты часто допускают ошибки типа: «*взял словарь от друга*».

3. Дательный падеж

Дательный падеж в значении адресата употребляется в русском языке после глаголов речи и некоторых других глаголов. В арабском языке в этом значении ему соответствует предложная конструкция. Используется предлог «*ли*» – (к, для) с родительным падежом имени существительного. Но в ряде случаев мы наблюдаем в арабском языке переходные глаголы, управляющие винительным падежом, тогда как их русские эквиваленты требуют дательного падежа: *рассказывать кому? что?; сообщать кому? что?* и т.д. – в арабском языке им соответствует винительный падеж.

Ошибки, вызванные смешением винительного и дательного падежей очень многочисленны у арабоговорящих учащихся: *отвечал преподавателя, советовал его* и т.п.

Дательному падежу русского языка в значении направлении действия с предлогом «к» (к кому?) соответствует арабская конструкция с предлогом «*ила*» – специальным предлогом направления. Поскольку этот предлог может использоваться в арабском языке и после некоторых глаголов типа *писат*» кому?; *посылать* кому?, особенно если адресат находится далеко, и поскольку он лексически близко к предлогу «*ли*» – (к, для), то учащиеся делают ошибки: *послал письмо к брату, пишу к сестре* и т.д.

4. Винительный падеж

Как в русском, так и в арабском языке, винительный падеж – это, прежде всего, падеж прямого дополнения. В арабском языке переходность развита шире, чем в русском. Затруднения в понимании этой темы учащимися часто бывают вызваны этим обстоятельством.

Часто русским глаголам, управляющим родительным, дательным и творительным падежами без предлога, в арабском языке соответствуют переходные глаголы. Поэтому к теме переходности следует возвращаться всякий раз при изучении других падежей, обращая внимание на случаи расхождения в глагольном управлении.

Расхождения в употреблении винительного падежа в русском и в арабском языках являются одной из основных причин наиболее распространенных ошибок, например, глагол «*учит*» в русском языке без дополнения не употребляется, а в арабском может употребляться без прямого дополнения в значении «*учиться*». Отсюда ошибка: «*Он учит в университете*». Глаголу «*учиться*» в арабском языке соответствует другой глагол «*та'алама*», который может употребляться в значении «*изучать*». Глагол «*работать*» – «*амила*» может употребляться в значении «*делать*», отсюда ошибка: *Я работаю домашнее задание* вместо *Я делаю домашнее задание*.

Родительный падеж в значении направления действия в арабском языке употребляется со специальным предлогом «*ила*» — (к, на, в), который употребляется во всех случаях при выражении значения направления действия или движения субъекта. Поэтому часто происходит смешение этих предлогов учащимися арабами, особенно после знакомства с конструкциями типа *Он пошёл к школе, Она вышла в улицу, Они ходили на институт* и т.п.

5. Творительный падеж

Творительный падеж принадлежит к числу менее частотных падежных форм русского языка. Он в русском языке употребляется для обозначения орудия или средства, при помощи которого производится действие.

После всех глаголов - связок типа *быть, стать, казаться, являться* и др. в русском языке употребляется творительный падеж, а в арабском употребляется винительный падеж. Такое расхождение вызывает ошибки в речи арабоязычающих учащихся на русском языке. Ср.: *Он был врача* и *Он был врачом*. В арабском языке это значение также передаётся с помощью предлога «би». Одна из наиболее распространённых ошибок: *Пишу с карандашом*, вместо *Пишу карандашом*.

Русскому предлогу «с» в значении совместного действия (с кем?) в арабском языке соответствует предлог «ма 'а», особых затруднений значение предлога «с» не вызывает у арабских учащихся.

6. Предложный падеж

Предлогам «в, на», употребляющимся в русском языке с предложным падежом, в арабском соответствуют предлоги «фи – в» и «ала – на». Предлог «фи» — внутри (*в аудитории, в школе*); предлог «ала» – на поверхности чего-либо: (*на доске, на стене, на столе*). Однако арабский предлог «ала» в отличие от русского предлога «на» употребляется исключительно в этом конкретном значении: на поверхности какого-либо предмета. Во всех других случаях, даже со словами женского рода «площадь», «улица», где значение «на поверхности» выражено достаточно ясно, в арабском языке употребляется предлог «фи». Ошибки здесь многочисленны, характерны для начального этапа: *в почте, в улице, в заводе, в стадионе* и т.п.

Предложный падеж в значении объекта мысли, речи в русском языке выражается с помощью предлога «о», соответствующего арабскому предлогу «'ан»: о ком? - «'ан манн?», о чём: - «'ан маза!». Вопросительные слова «манн! - кто?», «маза? - что» в арабском языке не изменяются по падежам, русские падежные формы могут вызвать у студентов недоумение.

Предложному падежу в значении средства переживания с предлогом «на» (на автобусе, на поезде) в арабском языке соответствует конструкция с предлогом «би»: (на самолёте – *би-т-та 'ирати*); (на поезде – *би-л-китари*). Такие конструкции как в русском, так в арабском передаются с помощью предлога «в — фи» (См. Гранде 1998 и Ковалев 1998).

Таким образом, успешное овладение арабами основными значениями русских падежей и правильное употребление их в речи возможно только при нахождении последовательно-синтаксического обоснования отбора учебного грамматического материала в лингвистическом плане и построении обучающей системы, последовательно реализующей принцип активной коммуникативности.

Главным критериями отбора грамматического материала, на наш взгляд, является критерий *системно-функциональной значимости* и критерий

конкретной коммуникативной ценности.

Что касается падежной системы русского языка, то в материал начального этапа, по нашему мнению, включаются все падежи. Ограничения можно провести только в отношении некоторых падежных значений. Например, исключаются предложно-падежные сочетания со значением причины и обусловленности, такие, как *ввиду* (чего?), *в связи* (с чем?) и некоторые другие.

На начальном этапе значение причины широко представлено придаточным предложением причины: *не был на лекции, потому что болел; не поехал на экскурсию, потому что была плохая погода.*

Важное значение имеет определение порядка падежей, т.е. согласно принципу «от легкого к трудному» и выделение трудного для освоения материала на основе принципа учёта родного языка учащихся, который реализуется на контрастивной (сопоставительной) основе.

Flesh H. L'arabe classique, Esquis D'une structure linguistique. - Beyrouth, 1956.

Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове. – М., 2001.

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М., 1998.

Есперсен О. Философия грамматики. - М., 2002.

Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. - М., 1998.

Русская Грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М., 1980.

Л.А. Высоцкая

Преподавание русского языка в новых социокультурных условиях

В последние десятилетия изменился общественно-политический уклад российского общества, что сказалось на развитии и функционировании русского языка. Основные изменения в языке и общении явились прямым следствием общественных изменений: политической свободы в обществе, свободы слова, политического плюрализма, перехода к рыночной экономике, открытости общества, экономической и социальной нестабильности, поляризации общества, технического перевооружения быта.

Русский язык – великий язык, имеющий тысячелетнюю историю, великую литературу, древнюю письменную традицию. Сегодня он переживает очередной этап своего интенсивного развития. Хотелось бы отметить, что расширение функций устной речи в современной языковой ситуации ведет к сокращению общего объема письменной речи в обществе. Устная форма существования языка развивается более интенсивно.

У преподавателей в настоящее время вызывает тревогу снижение уровня грамотности, уровня культуры речи и культуры общения учащихся.

Конечно, нельзя требовать, чтобы все наши учащиеся изъяснялись исключительно на литературном языке, тем более что устная речь подразумевает не слишком жесткое следование правилам русского языка в отличие от письменной речи.

И все-таки невозможно без владения правильной речью описать, например, красоту природы. Мы показываем учащимся, что описать закат с помощью сленга не получится, мы должны использовать в полной мере богатство и разнообразие русского литературного языка. Важно показать учащимся, что важнейшими качествами современной личности являются не только профессионализм, но и общая культура, разносторонняя образованность, умение правильно вести себя в различных ситуациях, поддерживать беседу – как официальную, так и неформальную.

Современная концепция обучения русскому языку предусматривает обновление содержания и методов преподавания языка, в частности, овладение ценностями духовной и материальной культуры через язык. В настоящее время профессиональное образование ориентировано на подготовку специалиста, способного успешно реализовываться в будущей практической деятельности. К нему предъявляются новые требования. Вопрос «как учить» становится таким же важным, как и «чему учить». Необходимы новые методы и подходы в обучении русскому языку, которые требуют гораздо больше времени, чем традиционные, но повышают уровень осознанности и прочности усвоения знаний.

В нынешних условиях важно прививать интерес к изучаемому предмету, активизировать творческую деятельность студентов, формировать у них умение самостоятельной познавательной деятельности. В начале обучения необходимо говорить студентам о русском языке как о национальной ценности, о том, что не знать родной язык стыдно. Конечной целью обучения русскому языку на современном этапе развития общества является формирование свободного владения речью не только в письменной, но и прежде всего – в устной форме.

Коммуникативный подход ориентирован на массовые потребности и обучение коммуникации. Поэтому сегодня необходима риторизация обучения. В первую очередь, нужно обучать свободной монологической речи - учить студента публично выступать, принимать участие в дебатах. Общество требует от молодого человека таких качеств, как инициативность, ответственность, целеустремленность. Овладение учащимся коммуникативными навыками является мощной мотивацией в обучении русскому языку. Образцовое владение и культура пользования родным языком становятся такой же ценностью для человека, как профессиональная подготовка, хорошая работа.

Какие же методы обучения русскому языку позволяют сделать урок интересным, добиться положительных результатов в учебном процессе? Среди новых методов обучения необходимо отметить следующие:

1. Проблемно-поисковые: проблемный урок («Заимствования в русском языке»), диспут («Русский язык и мы»), лабораторная работа

(«Практическое использование словарей в процессе анализа и редактирования текста»), учебно-исследовательская работа («Наблюдение за устной речью окружающих», «Классификация нарушений языковых, коммуникативных и этических норм»), различного рода проектная деятельность («В мире современного русского языка»).

2. Информационно-развивающие: демонстрация учебных мультимедийных материалов (интерактивное учебное пособие по русскому языку и культуре речи, подготовленное специалистами Московского государственного лингвистического университета), различные формы внеаудиторной самостоятельной работы студентов.

3. Творчески-развивающие: урок-конкурс (на лучшее убеждающее выступление), урок-конференция («Русские ученые-лингвисты»), круглый стол («Проблема молодежного жаргона и сквернословия в современном русском языке»), урок-интервью, деловая игра («Деловая беседа»), КВН, викторина, урок-кроссворд, Орфографический футбол, защита творческих работ.

4. Практические методы: контрольное тестирование (помимо уже существующих: контрольных работ, диктантов с различными заданиями, тренировочных упражнений, семинарских занятий, зачетов).

Кроме того, к новациям относят метод малых групп, метод конкретных ситуаций, метод опорных конспектов. Обучающиеся с интересом воспринимают новые формы проведения занятий. Благодаря им повышается интерес к содержанию дисциплины. Место таких нестандартных уроков в общей системе определяется в зависимости от конкретного материала и уровня базовых знаний студентов.

Преподавание русского языка в новых социокультурных условиях – процесс сложный, требующий от преподавателя выполнения главной учебной задачи – обучения грамотному письму и владения речью как важнейшим инструментам профессиональной деятельности.

Богомолов В.С. Формирование творческой активности студентов // Специалист. – 2008. – № 4. – С. 67-74.

Гервальд И.В. О подготовке специалиста нового типа // Среднее профессиональное образование – 2006. – № 10. – С.45-53.

Коломыцкая М.В. Формирование языковой компетенции студентов // Специалист. – 2008. – № 2. – 61-64.

Палтиевич Р.Л., Никитина Т.А. Информационное общество и новые педагогические технологии в образовательном процессе // Среднее профессиональное образование – 2005. – № 8. – 44-50

Стернин И.А. Общественно-политические процессы и развитие языка: очерк изменений в русском языке конца XX- начала XXI века. – Воронеж, 2004.

Проектная деятельность студентов в курсе «Русский язык и культура речи»

Каждый преподаватель стремится сделать свою работу интересной и результативной. В этом плане полезной оказывается проектная деятельность студентов.

Как известно, проектную деятельность методисты понимают по-разному. Одни называют проектной деятельностью форму самостоятельной работы учащихся под руководством преподавателя. И тогда практически в каждом курсе идет такая работа, только она не носит названия «метод проектов». Другие относят к проектной деятельности определенную технологию обучения. Рассмотрим этот метод именно в таком узком понимании термина.

В этом случае, занимаясь образовательной деятельностью, студент или группа студентов планирует и осуществляет, доводя до конца или до определенного заранее этапа, какой-либо выбранный им проект. При этом деятельность осуществляется самостоятельно. Преподаватель вмешивается в работу студентов только на первом этапе – этапе разъяснения студентам условий проектной работы, а затем – по мере необходимости, на правах равного участника.

Проектный метод личностно ориентирован, так как студент может выбрать ту проблему или тему, которая кажется ему наиболее интересной, и в ходе работы сам определяет направление деятельности, необходимое для реализации идей.

Еще один несомненный плюс проектной деятельности – реальный результат работы – проект, который представляется товарищам в форме сообщения, памятки, плаката и т.д., где дается ответ на проблемный вопрос проекта и показывается ход его получения.

В курсе «Русский язык и культура речи» могут использоваться разные виды проектов: индивидуальные и групповые, обучающие и контролирующие, сквозные, то есть сопровождающие весь курс, и разовые, полученные в ходе отдельного занятия.

Так, в начале курса студентам предлагается ряд тем, из которых они могут выбрать одну, и по ней вести исследование в группе, в паре или индивидуально. Вот некоторые из этих тем: «Жаргон в речи современной молодежи», «Новые слова и фразеологизмы в современном русском языке», «Заимствования и их освоение», «Высокая и сниженная лексика в речи студентов», «Какой должна быть речь современного студента».

Исследование должно вестись студентами в ходе всего курса «Русский язык и культура речи», объектом наблюдения должна стать речь их однокурсников. Через каждый месяц делаются промежуточные сообщения о ходе работы, а в заключение должна состояться презентация результатов

исследования в виде сообщения, сопровождаемого средствами наглядности.

Студенты выбирают тему, делятся на группы, в которых разрабатывается методика исследования и его детальный план. Затем проводятся опросы, эксперименты, наблюдения, интервью. Результаты обсуждаются, обобщаются, оформляются в виде рефератов, сообщений, стендов и представляются на промежуточных презентациях.

Для того, чтобы провести итоговую презентацию, студенты объединяются и обобщают свои результаты, отвечая на вопрос: «Как сделать речь современных студентов культурной?». Результаты исследования должны быть представлены на занятии и сведены в памятку, которую получает каждый студент.

Необходимый этап метода проектов – оценка результатов исследования и процесса работы. Этот анализ проходит в форме индивидуальной письменной рефлексии студентов.

В итоге метод проектов, использованный в курсе «Русский язык и культура речи», позволяет заинтересовать студентов этим предметом, выработать у них внимание к своей речи и к речи окружающих, умение применять теорию к конкретным речевым произведениям.

Ю.А. Сумарокова

Из истории контрастивного анализа

Как учебная, так и справочная литература являются результатом сопоставительных/контрастивных исследований языков, которые позволяют сопоставлять разносистемные языки и таким образом выявлять общие и отличительные черты не только родственных, но и неродственных языков.

Контрастивная лингвистика считается в современной лингвистике сравнительно молодым направлением в науке. Однако практический опыт сопоставления языков берет свое начало с эпохи Возрождения. Известно, что элементы сопоставления встречались уже и в грамматиках XIX века, например, в работах Р. Раска, Ф. Боппа, Я. Гримма. Основная цель сопоставительных исследований состояла первоначально в поисках отличительных черт чужого языка по сравнению с родным языком, что нашло свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в различных странах, особенно в Западной Европе (Гак 1998, с. 239).

Длительное время оставался спорным вопрос о том, какой язык при сопоставлении брать в качестве исходного. В большинстве исследований в данной роли привлекался родной язык. По мнению В.Г. Гака, каждый человек, изучающий иностранный язык, в уме или перед глазами держит модель родного или какого-либо другого языка, с которым сравнивает изучаемый язык. (Гак 1998, с. 5).

Однако не следует переоценивать роль родного языка. По мнению некоторых ученых (Ш. Балли, В. Скалички, В. Матезиуса и многих других) сравнение языков должно осуществляться безотносительно к их генетическим связям. Так, В. Скаличка указывает на то, что каждый язык в отдельности - это замкнутая система и поэтому всякое сравнение двух языков, отчасти означает некоторое разрушение двух систем (Гак 1998, с. 26). По мнению Б.А. Серебренникова, сопоставление фактов двух языков полностью должно быть направлено на выявление различий в структуре сопоставляемых языков с целью более эффективного усвоения изучаемого языка. Он писал, что «нужна не сопоставительная грамматика двух языков, а нужно такое пособие, в котором основной акцент был бы сделан на особенно характерные расхождения двух языков» (Серебренников 1970, с. 14).

Возникновение контрастивной лингвистики как науки часто связывают с выходом в 1957 книги Р. Ладо «Linguistics across Cultures». Большой вклад в развитие контрастивной лингвистики внесли выдающиеся ученые - лингвисты: И.А. Бодуэн де Куртене, Р. Ладо, Г. Никкель, Р. Филлипович, Р. Штернеманн, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, В.Д. Аракин, К.Г. Крушельнитская, В.Г. Гак, В.Н. Ярцева и другие. Ими были разработаны и изучены основы сопоставительного анализа языков. В научной литературе появились такие термины как «сопоставление языков», «сопоставительная грамматика», «контрастивная лингвистика», «контрастивная грамматика».

Однако обособление контрастивной лингвистики от сопоставительного языкознания породило терминологическое разночтение. С точки зрения одних лингвистов термины *сопоставительная* и *контрастивная* лингвистика употребляются как синонимы. Другие считают данное разграничение существенным «ибо первый термин подчеркивает направленность, прежде всего на дифференциальные особенности сопоставляемых языков, а второй – на сам процесс сопоставления, для которого важны, как межъязыковые различия, так и сходства» (Мокиенко 1987). Более того, отмечают, что контрастивный анализ ограничивается двумя языками, а «разновидностью контрастивных исследований является изучение одного языка в “зеркале” другого...» (Гудавичус 1985, с. 4).

Задачей сопоставительной лингвистики является сравнение результатов исследований двух или нескольких языков, нахождение сходства и различий, выявление особенностей сопоставляемых языков. Кроме того, сопоставительная лингвистика связана с различными отраслями прикладного языкознания, в особенности с теорией перевода. Сопоставительный анализ позволяет лучше определить специфику каждого из сопоставляемых языков, которая может остаться без внимания вне сравнения. Контрастивная же лингвистика занимается преимущественно выявлением различий между языками.

В преподавании языков предпочтение отдается в большей степени языковым различиям, чем общим чертам.

Сопоставительная лингвистика использует различные методы исследования. Как отмечает В.Г. Гак, весьма эффективной в сопоставительном анализе является «микролингвистическая методика». Здесь сравниваются не только грамматические формы, но и компоненты языковых единиц (Гак 1998, с. 14).

Инструментом контрастивной лингвистики является преимущественно контрастивный анализ, который появился в 60-х-нач. 70-х годов прошлого века на базе структурализма. Контрастивный анализ структур двух разных языков должен выявить все возможные трудности обучения, которые потребуют дополнительной практики и внимания. В то время, таким образом, объясняли трудности овладения определенными языковыми единицами изучаемого языка как следствие различий в родном языке и языке изучения.

Заявление о том, что элементы языка, которые схожи с элементами в родном языке, будут усваиваться легче, чем не имеющие аналогов в родном языке языковые элементы, предложенное Ладо в его известном труде, не было новым, однако он был первым, кто предложил теоретическое обоснование и описание этапов контрастивного изучения языков.

В 60-е гг. прошлого века данный метод был воспринят с большим энтузиазмом и реализован в контрастивном описании различных европейских языков в рамках проектов Центра Прикладной Лингвистики (Center of Applied Linguistics) в Вашингтоне, США. Считалось, что выявленные посредством контрастивного анализа потенциально сложные для изучения единицы языка должны учитываться при составлении более эффективных языковых курсов.

Контрастивный анализ оказал большое влияние на сферу изучения иностранного языка как второго (SLA) в виде измененных программ обучения иностранному языку и подготовки учителей, на теоретическое обоснование аудио-лингвального метода обучения языку (Audio-Lingual Method).

Однако центральный вопрос гипотезы контрастивного анализа о том, что все ошибки, совершенные в процессе изучения иностранного языка продиктованы «интерференцией» родного языка, не был подтвержден в ходе направленных языковых экспериментов середины и конца 70х гг. Вскоре выяснилось, что большинство ошибок, предвиденных с помощью контрастивного анализа, не находили объяснения в родном языке студента. Более того, студенты с различными родными языками совершали одинаковые ошибки. Таким образом, стало очевидно, что контрастивный анализ не столько способен предвидеть все трудности изучения, сколько оказался более полезным при ретроспективном рассмотрении совершенных ошибок.

С момента первых попыток найти практическое применение результатов теоретического сравнения языков лингвистическая наука шагнула вперед не только в объемах исследования, но и в описании предмета исследования

разных подсистем языкознания. Таким образом, сравнение языков эволюционировало от сугубо теоретического сравнительно-исторического метода XIX в., целью которого был поиск единого «праязыка» в ходе сравнения лишь родственных языков, к более поздней типологии языков и лингвистическим универсалиям. Вторая половина XX века характеризуется подробными «полевыми» исследованиями, которые в свою очередь стали базой для возникновения сопоставительного языкознания, призванного изучить одноименные языковые микросистемы (поля) в разных языках.

Универсальность сравнения языков позволяет сравнивать как родственные языки, так и далекие друг от друга языки в любой период их развития. При сравнении данных языков одинаково важны как различия, так и сходства языков (Гудавичус 1985, с. 3).

Часто исследователи, работающие в рамках сопоставительного метода, указывают на возможность практического применения результатов их исследований в преподавании соответствующих языков и лексикографической практике. Однако практику преподавания не интересует сама системная организация микросистем, иерархия единиц, так как все это не является предметом практического обучения языку. Преподаватель не может непосредственно использовать результаты сопоставительного описания языков в преподавании, так как в процессе обучения используются лишь отдельные элементы системы в зависимости от целей и задач данного этапа обучения. Для использования результатов сопоставительного анализа языков преподаватель должен осмыслить, расчленив и предложить в удобной для обучения форме полученный сопоставительный материал. То же самое относится и к лексикографии – для использования результатов сопоставительного описания языков в лексикографической практике эти результаты должны быть доработаны, переформулированы, приведены в удобную для создания словарных статей форму. Таким образом, сопоставительное языкознание – преимущественно теоретическое направление в лингвистике.

Контрастивная лингвистика, ставшая отдельным лингвистическим направлением в последней четверти XX в., связывает теоретическую лингвистику и прикладные аспекты языкознания. Наиболее ценным достижением, помимо представления количественных и качественных результатов сравнения языков в качестве примеров исследования для смежных направлений лингвистики, контрастивные исследования помогают понять «скрытый компонент» значения слова – особенность референтной отнесенности слова, которую возможно обнаружить лишь при контрасте значимо близких слов в разных языках (Гинзбург 1979, с. 44). Более того, контрастивные исследования практически всегда тесно связаны с задачами преподавания иностранных языков. Считается, как упоминалось выше, что «...контрастивная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает, и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык

мешает в определенных и предсказуемых случаях усвоению второго языка» (Болинджер Д., цит по: Ярцева 1981, с. 4).

По мнению Городецкого Б.Ю. «...обучение иностранным языкам требует установления нужной последовательности усвоения семантических структур, которые отличают иностранный язык от родного» (Городецкий 1969, с. 266). Тесная связь контрастивных исследований с задачами преподавания иностранных языков отчасти объясняется также тем, что первые наблюдения и исследования сходств и различий между языками в контрастивном плане были осуществлены именно преподавателями иностранных языков и были подчинены задачам прикладного характера. Р. Филиппович писал: «Контрастивный анализ является попыткой предсказать и выяснить реакции учащихся в определенных ситуациях. Знание учащимися исходного языка сказывается на изучении языка, служащего целью. Там, где структуры языка исходного и языка цели совпадают формально и семантически, процесс усвоения облегчается, а там, где они различны, процесс усвоения будет тормозиться» (Филиппович 1971, с. 107). Контрастивная лингвистика выступает как одна из ярких и эффективных форм связи между фундаментальной теоретической лингвистикой, прикладными аспектами языкознания (Стернин 2006, с. 14) и практикой преподавания иностранного языка.

Подчеркнем, что в контрастивной лингвистике изучаются отдельные единицы и явления языка в двух сопоставимых языках, а целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Необходимость контрастивных исследований на лексическом уровне связана с возрождением особого лексикографического жанра – дифференциального двуязычного словаря, описывающего семантические и функциональные различия двух языков (Стернин 2006, с. 6).

Результаты контрастивного описания единиц могут быть использованы в практике преподавания, так как они представляют собой описание отличительных признаков конкретных пар языковых фактов в двух языках и могут быть использованы для дифференциальной семантизации языковых явлений.

Connor Ulla M. Contrastive Rhetoric: Cross-cultural aspects of second-language writing. - Cambridge, UK, 1996.

Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. - Oxford, 1994.

Stern H.H. Fundamental Concepts of Language Teaching.- Oxford, 1983..

Контрастивная лексикология и лексикография. - Воронеж, 2006.

Сетевая энциклопедия / http://en.wikipedia.org/wiki/Contrastive_analysis.

Рецензии

Е.А. Маклакова

Исследования лексических параллелей

(В.В.Дубичинский, Т.Н.Шайхиева Лексикология и лексикография русского языка: учебное пособие для испаноговорящих студентов, 2007; В.В.Дубичинский, Т.Ройтер. Русско-немецкий словарь лексических параллелей, 2008)

Учебное пособие по лексикологии и лексикографии русского языка вышеупомянутых авторов содержит большой объем теоретического материала, который представляет определенную ценность не только для испаноговорящих, но и для большинства иностранных студентов, обучающихся русскому языку на продвинутом этапе.

Теоретический материал представлен в доступной для данного контингента обучаемых форме и содержит краткий обзор основополагающих направлений лексикологии и лексикографии русского языка.

Например, в Разделе 1 представлена информация по темам: «Значение слова и его многозначность», «Синонимы и антонимы», «Устаревшая и новая лексика», «Стилистическая характеристика лексики»; Раздел 3 информирует о разнообразных типах лингвистических словарей русского языка, их структуре и способах построения словарных статей и иллюстрирования.

Научный характер изложения сочетается с многочисленными примерами, в которых наглядно и доходчиво разъясняются основные терминологические значения, применяемые в лексикологии и лексикографии, что дает возможность студентам ознакомиться и усвоить предлагаемый учебный материал самостоятельно, более того, проверить полученные навыки на практике при выполнении тренировочных и контролирующих упражнений.

Немаловажной заслугой авторов является включение в данное учебное пособие Разделов 2 и 4, содержащих значительное количество упражнений по лексикологии и лексикографии с наглядными примерами анализа словарных статей современных изданий.

Особенно хотелось бы подчеркнуть логическую последовательность в изложении теоретических аспектов изучаемых направлений лингвистики, а также соблюдение авторами основных дидактических приемов обучения в разделе практических упражнений, которые подобраны и расположены по принципу от простого к сложному при опоре на полученные ранее знания. Ознакомившись с теорией, студенты свободно могут выполнять задания следующего содержания.

Определите, в каких сочетаниях слова употреблены в прямом, а в каких – в переносном значении;

Укажите значения лексико-семантических вариантов слова;

Укажите, в каких предложениях выделенные слова являются омонимами, а где значениями многозначного слова;

Установите стилистическую принадлежность следующих слов;

Распределите слова по семантическим полям;

Найдите в предложениях фразеологические единицы;

Какую информацию включает «Этимологический словарь русского языка»?;

Как устроен словообразовательный словарь?;

К какому типу словарей относится данный словарь? (2007).

Особый интерес вызывает сопоставление лексических единиц сравниваемых языков и описание такого лингвокультурного феномена как «лексические параллели», который, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к исследованиям семантической структуры слов и методике контрастивного анализа семантики лексических единиц одного языка при сопоставлении с их переводными соответствиями в другом языке.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением авторов, что в настоящее время возрастает потребность в проведении словарно-сопоставительных исследований как актуальных не только для различных направлений лингвистики, но и для методики преподавания иностранных языков, переводоведения, культурологи и других смежных отраслей науки.

Тема лексических параллелей (ЛП) более подробно представлена во втором рецензируемом нами издании, в предисловии к которому авторами обоснована необходимость введения термина ЛП вместо традиционного термина «ложные друзья переводчика». Несомненно, предлагаемая в словаре процедура лексикографического исследования показывает формально-содержательную близость и национально-культурное своеобразие ЛП в русском и немецком языках, предупреждает переводческие трудности, акцентирует внимание на возможных ошибках интерференционного характера. Например, русское *гастроном* (магазин продуктов питания) и немецкое *Gastronom* (1. специалист по приготовлению высококачественной пищи; специалист по ресторанному делу; 2. хозяин ресторана); русское *лекция* (устное изложение учебного предмета или темы) и немецкое *Lektion* (1. урок, глава в учебнике иностранного языка; 2. урок, поучение, наставление).

В порядке открытой дискуссии хотелось бы узнать мнение авторов относительно следующих пунктов.

1. При разъяснении терминов «полные ЛП» и «неполные ЛП» авторы в качестве альтернативы предлагают пояснения: «полная и частичная эквивалентность» (2007, с. 26-27). Кроме того, делается оговорка, что «при полных ЛП, однако, возможны различия стилистического характера и расширения или сужения совпадающих значений» (2008, с. 6).

В этой связи вызывает некоторое сомнение правомерность употребления понятия «эквивалентность», равно как и знака «=» между теми ЛП, у которых вследствие уже упомянутых авторами причин выявляются дифференциальные семы в денотативном и функциональном макрокомпоненте значения, следовательно, равноценность или равнозначность их семантики утрачивается.

Вероятнее всего, знак «равенство» возможен только при полном семантическом соответствии двух структур на уровне всех макрокомпонентов.

2. В словаре есть ЛП русских слов *лаборант – лаборантка* (2008, с. 80), но нет соответствий таким словам как *артист – артистка, кандидат – кандидатка, патриот – патриотка, герой – героиня, корреспондент – корреспондентка* и т.п. Следует ли учитывать различия по семным конкретизаторам мужского или женского пола в семантическом признаке пола сопоставляемых лексических единиц двух языков? Возможна ли фиксация подобных различий при помощи принятых в рецензируемой работе знаков расширения или сужения совпадающих значений?

3. В словаре лексических параллелей фиксируются некоторые лексические единицы, относящиеся к разговорной лексике, например, *папа* (в зн. отец), *шеф, тип* (в зн. человек), *фрукт* (в зн. человек), *шляпа* (в зн. человек), *элемент* (в зн. человек). Однако стилистические варианты таких русских слов, как *директор – директорша – директриса, бригадир – бригадирша, администратор – администраторша, композитор – композиторша* и т.п., которые по данным частотного словаря С.А. Шарова входят в состав самых частотных полнозначных слов русского языка, не рассматриваются и не сопоставляются, что представляется, на наш взгляд, необходимым.

4. Вероятно, в процессе создания словаря ЛП не ставилась задача обязательного описания функционального макрокомпонента семантики лексических единиц в виде последовательного перечисления стилистических, социальных, темпоральных, частотных или территориальных сем. Тем не менее, хотелось бы знать, на каком основании авторы определяют частотность употребления лексических единиц как «редкое», например, слова *индустрия* (2008, с. 54). Возможен ли в таком случае учет «употребительных» и «малоупотребительных» значений слов, описанных в данном словаре?

Как определяется наличие или отсутствие в семантике слов темпорального микрокомпонента «устаревающее»? Например, по данным рецензируемого словаря такая помета входит в состав словарных статей русских слов *комбинация* (в зн. жен. белье – с. 68), *мотор* (двигатель – с. 91), *бизнес* (афера – с. 29).

Кроме того, наблюдается некоторая непоследовательность в употреблении стилистических помет. Например, в словарной статье слова *манускрипт* указано: *книж.*, но в описании слов *прокламация, экзекуция* 1 данной пометы нет.

5. Какое значение имеет фиксация в подобного рода словарях примеров сочетаемости отдельных значений рассматриваемых лексических единиц, например, *персона – на несколько персон, мастер – мастер спорта, кандидат – кандидат наук, центр – центр нападения, компания – кто кому не компания, ветеран – Ветеран Труда* и т.п. Перечисление значений слов без учета их сочетаемости в подобных случаях может привести к ошибкам в их употреблении и к коммуникативной некомпетентности.

6. Нецелесообразно, на наш взгляд, использовать только синонимы для описания значения слова, потому что это может привести к их некорректному толкованию, например *поэт – мечтатель* (2008, с. 103), *лирик – поэт* (2008, с. 83), *педагог – воспитатель* (2008, с. 99), *персона – личность* (2008, с. 99), *фигура – личность* (2008, с. 140), *юморист – шутник* (2008, с. 166), *патрон – 1. покровитель, защитник; 2. руководитель, начальник, босс, шеф* (2008, с. 98). В подобных случаях необходимо указывать также и дифференциальные семы.

7. Неясен смысл задания в упр. 57 (2007, с. 60-61): *Сгруппируйте слова по признакам обозначаемых ими предметов или явлений, выявляющимся во внутренней форме этих слов: болтун, водолаз, едок, косарь, дворник, горбун, горняк, светило*. Возможно, необходимо сделать разъяснение по поводу *внутренней формы слов* или привести образцы, на которые следует ориентироваться во время практических занятий.

8. В рецензируемых изданиях не совсем ясно содержание термина коннотативный компонент – он понимается чересчур расширительно, включая экспрессию. «Такие, например, слова, как *грядущий, година, стяг, отчизна, труженик* характеризуются торжественной, возвышенной эмоционально-экспрессивной окраской; слова *военная хунта, пособник, зверства, вояж* являются оценочными с отрицательной оценочной окраской; *патриоты, созидатель, авангард* – положительно-оценочными; *орать, никудышный, бабуся* обладают фамильярной эмоционально-экспрессивной окраской» (2007, с. 33).

В коннотативном макрокомпоненте значения слова следует, вероятнее всего, дифференцировать эмоцию и оценку. Раздельное описание эмоциональных («положительно-эмоциональное», «ласкательное», «шутливое», «ироничное», «восхитительное», «отрицательно-эмоциональное», «уничижительное», «презрительное», «фамильярное») и оценочных («неоценочное», «одобрительное», «неодобрительное») характеристик в семантической структуре сопоставляемых лексических единиц будет способствовать, на наш взгляд, развитию коммуникативных навыков у студентов с учетом конкретной языковой ситуации общения.

9. Мы полагаем, что в переводных толковых сопоставительных словарях следует избегать дефиниций типа *тот, который* или *человек, делающий что-либо*.

Например: *актер – 2. тот, кто притворяется, позирует, рисуется в расчете на благоприятное впечатление;*

артист – тот, кто занимается публичным исполнением произведений искусства;

ассистент – тот, кто помогает специалисту выполнять его профессиональную работу;

компаньон – тот, кто составляет компанию, вместе участвует в чем-либо;

конструктор – тот, кто конструирует что-либо, создает конструкцию чего-либо;

комик – 2. человек, смеющийся, веселящий чем-либо окружающих;

патриот – тот, кто любит свое отечество;

оператор – один из создателей фильма (2008).

Лексикографически корректнее было бы определить и назвать архисему, соответствующую исследуемому лексико-семантическому варианту слова, что позволило бы, в свою очередь, несколько унифицировать и уточнить описание денотативного макрокомпонента значения.

Например, сравните: *автор (создатель литературного, художественного, научного произведения, проекта, изобретения) и композитор (лицо, создающее музыкальные произведения);*

однако: профессор, доцент, ассистент – преподаватель; инженер, экономист, механик – специалист (2008).

10. Отметим, что применение краткого толкования значения слова не всегда оправданно, так как это может привести к искажению передаваемой информации или её неверному восприятию. Полагаем, что не следует сужать значения и исключать дифференциальные семантические различия при описании таких слов как *копия (похожий человек – с. 76)* в отличие от «2. Разг. О ком-, чем-л. очень похожем на другого, другое» (Кузнецов 2003, с. 456);

или тракт (мед. совокупность органов пищеварения у людей и животных – с. 135) в отличие от «2. Спец. Совокупность средств для передачи, перемещения чего-л.» (Кузнецов 2003, с. 1338);

или шеф (с. 154) в значении «4. Фам. Употр. как обращение к любому человеку, от которого в данный момент зависит что-л.» (Кузнецов 2003, с. 1496).

В заключение отметим, что рецензируемые научные издания представляют собой заметный шаг вперед в сопоставительной лексикографии и намечают целый ряд актуальных проблем, требующих скорейшего решения.

Заметный вклад в славянскую линвокультурологию

(Кончаревич К. Језик и православна духовност: Студије из лингвистике и теологије језика. – Крагујевац, 2006.)

Ксения Кончаревич, представительница «среднего» поколения сербских филологов-русистов, зарекомендовавшая себя в научной среде как специалист высокого уровня в области русистики и славянской филологии, является автором ряда учебников, а также нескольких монографий и множества статей по проблемам изучения и преподавания русского языка как иностранного, методики преподавания иностранных языков, социолингвистики, линвокультурологии. В последние годы Ксения Кончаревич много внимания уделяет вопросам православной культуры, переводу богословской литературы с русского языка на сербский, а также теоретическому осмыслению русской и сербской духовной культуры, в том числе в сопоставительном и линвокультурологическом аспектах.

Не так давно в Сербии вышла новая книга Ксении Кончаревич «Язык и православная духовность: Исследования по лингвистике и теологии языка». В этом солидном труде (в книге на 463 страницах помещается 23 отдельных статьи) представлены результаты начатого автором ещё в 90-е гг. исследования проблем взаимосвязи языков – русского, сербского и церковнославянского – и культуры православных народов, прежде всего русской и сербской.

В первом разделе книги («Язык и православная духовность: теоретические основы и направления исследования»), в котором автор вводит читателя в круг проблем, составляющих основу его научного проекта, объясняется необходимость использования в исследовании темы междисциплинарного, интегрального теолого-лингвистического подхода, а также рассматриваются разные стороны библейско-святоотеческой концепции сложного и многогранного понятия православной духовности и обосновывается мысль о неисчерпаемости потенциальных направлений исследования языка в контексте духовности и во взаимодействии с ней.

Центральное место в проекте занимают проблемы линвокультурологии; им посвящён самый объёмный раздел книги, озаглавленный «Язык и православная культура». В этом разделе показаны возможные «уровни» анализа сакрального текста: ономастический, лексический и уровень ритмической и просодической организации; на суд читателя вынесены и некоторые результаты, полученные автором в данной области. Здесь рассматриваются идеографические и линвокультурологические характеристики русской лексики, ориентированной на сферу православной духовности, принципы её лексикографического описания и отражения в русско-сербских словарях. В некоторых материалах раздела демонстрируются результаты использования автором функционального подхода к решению проблем взаимодействия языка и православной

духовной культуры. Представленная автором попытка описания сербского языка сквозь призму православной духовности, традиций и культуры раскрывает возможности системно-категориального анализа лингвокультурем различных уровней из монолингвальной перспективы. Интересные наблюдения сделаны автором в результате проведённого (на основе ситуативной модели описания) изучения особенностей коммуникативного поведения монахов в сербской речевой и социокультурной среде.

Концептуальной основой разрабатываемого автором направления лингвистических исследований стали общетеоретические вопросы, отражённые в материалах раздела «Общая лингвистика сквозь призму православной теологии». Прежде всего, здесь анализируется представление о феномене языка, содержащееся в учении православных богословов и Отцов Церкви. Автор отмечает, что в святоотеческом понимании языка нашли своё отражение, в первую очередь, такие важные вопросы теории языкознания, как происхождение языка, языковая картина мира, природа и сущность языка и др., и убеждает читателя в том, что раннехристианские и патристические учения во многом предвосхитили идеи современной лингвистики.

Другой важный общетеоретический аспект исследования – специфика употребления слова в сакральных целях. Рассматривая отличия сакрального употребления языка от его обычного (профанного) употребления, Ксения Кончаревич выделяет и анализирует виды функций, выполняемых литургийным дискурсом.

Большие возможности для исследования языка православной духовности открывает лингвостилистика. Эту мысль автор убедительно доказывает в книге, приводя результаты своих исследований идиостиля одного из наиболее ярких представителей сербской интеллектуальной элиты XX в., самобытного христианского философа и писателя Иустина Поповича.

Изучение проблематики языка и православной духовности невозможно представить себе в отрыве от анализа драматической языковой ситуации современного мира, от рассмотрения вопросов социолингвистического и лингвоэкологического плана, связанных с проблемой выживания «средних» и «малых» языков в условиях глобализации. Эту мысль Ксения Кончаревич также проводит в своей книге, делаясь в одной из статей своими размышлениями на эту тему.

Неотъемлемой частью учения о взаимосвязи славянских языков и православной культуры должно стать рассмотрение особенностей языка православного богослужения. В этом убеждает содержание раздела книги Ксении Кончаревич, посвящённого функционированию языков в сфере Православной Церкви («Вопросы богослужебного языка»). Для современных православных стран проблема соотношения в сфере церковного обихода церковнославянского и современного национального языка является весьма актуальной, и решать эту проблему необходимо с

учётом как лингвистических, так и теологических аргументов. Автор анализирует данную проблему в синхроническом и диахроническом аспектах, привлекая сведения из истории богослужебной практики у сербов и русских, церковную документацию, социолингвистические данные, публикации в православной периодике по поводу переводов Святого Писания на сербский литературный язык, мнения известных философов и богословов, данные об использовании церковнославянского языка в современных православных храмах, а также предлагает вопросы для дискуссии по проблеме языка православного богослужения.

В проекте Ксении Кончаревич не остался вне поля зрения и прикладной аспект темы. В материалах раздела «Из проблематики прикладной лингвистики» автор приглашает читателя к размышлению над вопросами перевода текстов, относящихся к области православной духовности, и предлагает свои решения этих вопросов, а также делится своими соображениями по поводу принципов и особенностей преподавания русского языка в сфере богословского образования.

Как видим, новая книга Ксении Кончаревич содержит богатый материал по целому спектру вопросов, имеющих отношение к языку в аспекте его взаимодействия с православной духовностью. Анализируя солидный корпус эмпирических языковых данных, автор систематизирует и синтезирует результаты проведённых им исследований отдельных фрагментов рассматриваемой области, показывает её горизонты и намечает пути её дальнейшей разработки.

Самостоятельную ценность имеют представленная в книге обширная библиография, а также интересные иллюстрации, воспроизводящие памятники древней православной письменности, иконы, портреты писателей, произведения живописи и архитектуры.

Поскольку, как указывает автор, систематических исследований взаимосвязи языка и православной культуры применительно к русскому или сербскому языкам в Сербии до сих пор не проводилось, а в мире известны лишь единичные примеры подобных исследований, то, соглашаясь с мнением проф. П. Пипера, высказанным им в предисловии к книге, следует признать, что проект Ксении Кончаревич по сути открывает и в сербистике, и в области сопоставительного изучения сербского, русского и церковнославянского языков новое интересное и важное направление и вносит большой вклад в его разработку.

Postscriptum

Когнитивный анализ синдрома постзащитного кретинизма

Проблема предзащитного кретинизма была рассмотрена нами в первой статье цикла исследований о когнитивных типах поведения аспирантов и соискателей (см.: Стернин И.А. Когнитивный анализ синдрома предзащитного кретинизма // Язык и национальное сознание. - Вып. 10. - Воронеж, 2008. - С. 193-197). Эта статья привлекла заинтересованное внимание научной общественности и была положительно оценена референтной группой – научными руководителями аспирантов и соискателей, а также вызывала интерес у самих аспирантов и соискателей.

Однако, признавая правомерность классификации многих когнитивных типов поведения аспирантов как форм кретинизма, научная общественность обратила внимание автора на отсутствие в опубликованной им статье определения ключевого понятия *когнитивный кретинизм*.

Исправляя ошибку, позволим себе сослаться на нашу работу «Интенсификация умственной деятельности учащихся путем одностороннего перекрывания слухового канала» (Филологи шутят. - Уфа, 2002. – С. 93-94; перепечатано в кн.: Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. – Воронеж, 2008. - С. 412-413), в которой мы рассматриваем когнитивные аспекты понятий *тупость* и *кретинизм*.

Мы разводим данные понятия. Тупость определяется нами как *врожденное прогрессирующее ограничение способности к восприятию, хранению и переработке информации*. Когнитивный кретинизм рассматривается нами как *функциональная тупость*, то есть как временное ограничение способности к восприятию, хранению и переработке информации, вызванное определенными когнитивными причинами (в нашем случае – осознанием факта защиты диссертации и последующей за этим концептуализацией своей диссертации, ее защиты и последствий защиты).

В данной статье мы рассмотрим виды когнитивного кретинизма, наблюдающиеся в поведении аспирантов и соискателей непосредственно после защиты ими кандидатской диссертации.

Анализ поведения защитивших кандидатские диссертации (период наблюдения – 1975-2008 гг.) позволяет выделить следующие типы постзащитного кретинизма.

Синдром ВАКовского ужаса (или болезненного ожидания утверждения)

Такой аспирант сразу после защиты начинает говорить, что его не утвердит ВАК. Как правило, оснований для этого у аспиранта нет, но он

постоянно спрашивает: *А бывает, что не утверждают? А что делать, если не утвердят? А как долго утверждают? А что делать, если долго не приходит утверждение?*

Страдающие синдромом *болезненного ожидания утверждения* (ВАКовского ужаса) аспиранты дотошно начинают выяснять у своих предшественников, когда те послали документы, сколько времени прошло после открытки о получении документов до утверждения. Ежедневно они со страхом заглядывают в почтовый ящик, ищут открытку из ВАКа, тщательно перетряхивают газеты, чтобы случайно открытка не затерялась в газете, и постепенно начинают ненавидеть свой почтовый ящик. Кроме того, такие аспиранты начинают собирать истории о том, как кого долго не утверждали, кто и как страдал от этого. Они всем жалуются, что их еще не утвердили и, наверно, уже никогда не утвердят. Домашняя жизнь с такими аспирантами становится для их близких невыносимой. Часто мужа страдающих данным синдромом женщин говорят им: «Хоть бы тебя скорее не утвердили и этот кошмар закончился бы!».

Такому аспиранту надо авторитетно сказать, что утверждают сейчас минимум два года, чтобы он спокойно ждал своего утверждения, а не посвящал свою жизнь ожиданию. Утверждение будет для него приятным сюрпризом, допускающим легкий обморок у почтового ящика.

Синдром немедленного продолжения

Этот синдром имеет следующие симптомы: аспирант на пике своей научной мысли сразу после защиты (часто прямо после объявления результатов защиты) начинает думать, что ему надо немедленно и как можно скорее писать докторскую и приходит за темой к руководителю. Такой аспирант искренне полагает, что у него практически все для докторской уже есть, кроме темы.

Руководителю лучше дать таким торопыгам самое общее задание, поскольку они, как правило, быстро остывают и потом надолго исчезают, когда увидят, что докторская у них еще, оказывается, вовсе не готова.

Синдром научного ребенка

Такой аспирант полагает, что его научный руководитель, как отец родной или мать родная, автоматически должен остаться и после защиты его научным руководителем на всю его оставшуюся научную жизнь. Такие аспиранты после защиты приходят к руководителю и говорят: «Давайте мне следующее задание, пока я еще не отвыкла к вам ходить». Такие аспиранты полагают, что для руководителя совершенно естественно заставлять его дальше писать докторскую.

Таким лучше порекомендовать для начала писать статьи в конкретные сборники и ездить на конференции с докладами.

Синдром внезапного дистанцирования от руководителя

Это синдром противоположен предыдущему, но по частотности сопоставим с ним. Синдром проявляется в том, что сразу после защиты аспирант начинает избегать своего руководителя, который сделал свое дело и, как мавр, должен уйти. Даже при оформлении послезащитных документов такие аспиранты уже начинают сторониться руководителя, а отправив документы, совершенно забывают к нему дорогу и даже могут не сообщить об утверждении. Они теперь искренне полагают, что защита диссертации – исключительно их собственная заслуга, а руководитель просто при этом присутствовал где-то рядом, чтобы потом в диссертации можно было поставить его фамилию.

С таким аспирантом ничего не сделаешь, разве что, случайно встретив его на улице, можно представиться ему – я такой, фамилия имя и отчество, ваш бывший руководитель.

Синдром автоматического формирования привилегий

Страдающие этим синдромом начинают полагать, что защита ими кандидатской диссертации сразу же ставит их в ряд привилегированных личностей, которым окружающие должны немедленно открыть зеленую дорогу к богатству и славе.

Такие аспиранты сразу после защиты начинают требовать себе должность и зарплату – «я кандидат наук». В нашей практике одна аспирантка сразу после объявления результатов своей защиты, в перерыве перед следующей защитой, пошла на кафедру и положила заведующему заявление - «прошу принять меня на работу на кафедру, я кандидат наук, мною защищена кандидатская диссертация».

Это тяжелый случай. Такое заявление лучше взять на рассмотрение и не отвечать на него.

Синдром снятия пенок

Страдающие этим вариантом кретинизма полагают, что их кандидатская диссертация является вершиной их научного творчества, и теперь 10-15-20 лет можно на ее основе писать статьи и выступать с докладами. Многие так и делают, особенно это характерно для зрелых женщин.

В данном случае синдром вреда не приносит, на него можно не обращать внимания.

Синдром внезапного расслабления

Эта форма кретинизма проявляется в возникновении ощущения, что главная работа жизни завершена, и теперь можно бессрочно расслабиться и насладиться, наконец, лучшими сторонами жизни – заняться собой,

записаться в фитнес-клуб, купить себе что-нибудь модное, поехать на отдых за границу и забыть все, связанное с диссертацией, как кошмарный сон. Интересно, что подобный синдром нередко возникает сразу после банкета и распространяется на оформление документов, которыми защитившийся вовсе не торопится заниматься, что может привести к тяжелым последствиям, которые, однако, расслабившийся аспирант обычно не осознает.

В этом случае нужно все-таки заставить его отправить документы, а потом пусть как хочет.

Синдром вечного праздника

Синдром проявляется в возникновении устойчивого желания отмечать защиту своей диссертации с разными людьми. Это дело надо отметить с членами совета (по протоколу), потом с научным руководителем (отдельно), потом в семье, потом в широком кругу родственников, потом с друзьями, потом на работе с коллегами, потом на работе с начальством, потом с бывшими однокурсниками, потом с бывшими одноклассниками, а также с соседями по больничной койке.

Здесь лучше не вмешиваться. Пусть человек насладится. Может быть, он для этого и защищался.

Таковы основные формы постзащитного кренинизма.

Подчеркнем, что период постзащитного кренинизма может растянуться на довольно долгое время – даже на годы, и постепенно плавно перейти в другие формы – например, в *послезашитное величие* или в *общий кренинизм* (что, впрочем, практически одно и то же).

*И.А. Стернин,
научный руководитель*

Содержание

От редколлегии	3
Языковое сознание	4
Айад Ш. Ахмед. Структура рекламного объявления как фактор воздействия на реципиента	4
Астахова Е.А. Отражение особенностей русского национального сознания в телевизионной рекламе	7
Бавыкина Е.В. Образ космического летательного аппарата в текстах научной фантастики	11
Барышев Н.В. Опыт применения методики контрастивного анализа лексики для описания лексической группировки терминов	16
Ван Сюй Диалог культур: русские и китайские пословицы и поговорки на философско–религиозную тему	21
Вахтель Н.М., Шао Наньси Интерпретационные возможности адресата при восприятии русских устойчивых выражений	27
Дионк Камель Мухаммед Тематическая группа «Животный мир» в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» как средство отражения мировосприятия народов Кавказа	31
Долгова М.В. Способы объективации типизированных представлений	33
Драчевская Е.Г. Немотивированные англо-русские лакуны (на материале ЛСГ «Наименования человека»)	35
Зими́на Л.И. О понятии безэквивалентного фразеологизма	40
Камаль Зейнаб Альдин, Чарыкова О.Н. Образ берёзы в лирике С. Есенина с позиции носителя арабского языка	49
Киреева К.О. Наименования лиц по профессиям в сфере науки, образования и медицины в русском и испанском языках	51
Литвинова М.М. Художественно-изобразительные возможности и стилистические функции средств выражения категории интенсивности признака (на материале ранних сатирических произведений М. Булгакова)	56
Лю Цзин Отражение славянского язычества в русском языке и в национальной культуре	68
Маклакова Е.А. Способы номинации лиц (на материале русского и английского языков)	70
Мамлеева Э.Р. Злые и добрые колдуны в английском национальном сознании	77
Медведева А.В. Образная основа слуховых метафор	80
Пельтихина Ю.А. Информационное пространство СМИ в зеркале метафоры	87
Петрова А. Образ женщины в русских, немецких и китайских пословицах и поговорках (культурологический аспект)	92

Хуссейн Тума М. К вопросу о многозначности и омонимии во фразеологии (на примере русских фразеологизмов со словом «язык»)	99
---	----

Формирование языкового сознания	104
--	-----

Али Анвар А. Обучение русской падежной системе арабговорящих учащихся на начальном этапе	104
--	-----

Высоцкая Л.А. Преподавание русского языка в новых социокультурных условиях	112
--	-----

Селезнева Г.Я. Проектная деятельность студентов в курсе «Русский язык и культура речи»	115
--	-----

Сумарокова Ю.А. Из истории контрастивного анализа	116
---	-----

Рецензии	121
-----------------	-----

Маклакова Е.А. Исследования лексических параллелей (В.В. Дубичинский, Т.Н. Шайхиева Лексикология и лексикография русского языка: учебное пособие для испаноговорящих студентов, 2007; В.В. Дубичинский, Т. Ройтер. Русско-немецкий словарь лексических параллелей, 2008)	121
--	-----

Правда Е.А. Заметный вклад в славянскую линвокультурологию (Кончаревић К. Језик и православна духовност: Студије из лингвистике и теологије језика. – Крагујевац, 2006)	126
---	-----

Postscriptum	129
---------------------	-----

Стернин И.А. Когнитивный анализ синдрома постзащитного кренинизма	129
---	-----